

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

III ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ЛИНГВИСТИКА В XXI ВЕКЕ.
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ПАРАДИГМЫ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы докладов и выступлений
студентов и аспирантов
Международной научно-практической
конференции**

Москва, 14–15 ноября 2017 г.

**Москва
Российский университет дружбы народов
2017**

УДК 80/81:372.881.1:378.147(063)
ББК -9*81.2+80/84
Т66

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
М.М. Раевская;

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры романских языков
имени В.Г. Гака института иностранных языков Московского
педагогического государственного университета *И.К. Барина*

Ответственный редактор –

доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
филологического факультета Российского университета дружбы народов
Н.С. Найденова

Т66 **III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке. Междисциплинарные парадигмы: взгляд молодых ученых** : материалы докладов и выступлений студентов и аспирантов Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. – Москва : РУДН, 2017. – 192 с. : ил.

Сборник статей подготовлен на основе докладов студентов и аспирантов, участвовавших в международной научно-практической конференции «III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы», состоявшейся 14–15 ноября 2017 г. на кафедре иностранных языков филологического факультета РУДН.

В сборнике освещаются актуальные вопросы дискурс-анализа, межкультурной коммуникации, переводоведения, лингвокультурологии и лингводидактики. Издание представляет интерес для широкого круга читателей: филологов, лингвистов и всех интересующихся иностранными языками и проблемами современного языкознания.

ISBN 978-5-209-08317-7

© Коллектив авторов, 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

Предисловие

Сборник содержит материалы докладов студентов и аспирантов, представленных на конференции «III Фирсовские чтения. Лингвистика в XIX веке: междисциплинарные парадигмы» 14-15 ноября 2017 года. В нем отражены результаты исследований, проведенных молодыми учеными в русле междисциплинарного подхода к изучению языка, коммуникации, перевода и культуры.

Конференция организована Российским университетом дружбы народов совместно с Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Институтом психолингвистики Макса Планка (Неймеген, Нидерланды), Хельсинкским университетом (Финляндия), Институтом филологии Сибирского отделения РАН, Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом, Ленинградским государственным университетом имени А.С. Пушкина, Государственным гуманитарно-технологическим университетом на базе кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН.

Конференция проводится в память о выдающемся отечественном испанисте, докторе филологических наук, профессоре, академике Наталии Михайловне Фирсовой (1929–2013), в течение долгих лет возглавлявшей кафедру иностранных языков филологического факультета и заложившей основы научной школы вариантологии испанского языка.

Примечательно то, что в этом году впервые выступления студентов и аспирантов, материалы докладов которых опубликованы в данном сборнике, проходят в рамках отдельного направления. В конференции приняли участие студенты и аспиранты ведущих российских и зарубежных вузов, в числе которых РУДН, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГПУ, БГУ, СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Университета города

Ювяскюля (Финляндия), Университета Страны Басков (Испания). Их доклады были представлены в пяти секциях.

Секция *«Дискурс и коммуникация»* посвящена актуальным вопросам дискурс-анализа и прагматическому аспекту коммуникации в различных сферах бытования языка. Молодыми учеными представлены доклады, подготовленные на материале английского, китайского, испанского, французского, арабского и русского языков и охватывающие широкий спектр разновидностей дискурса, в числе которых такие его виды, как политический, дипломатический, спортивный, рекламный и кинематографический.

Особенно отрадно, что большинство докладов, представленных в секции *«Лексика и фразеология»*, являются продолжением научной школы академика Н.М. Фирсовой. В центре внимания секции — вопросы молодежного сленга, ландшафтного кода, лексики театрального и музыкального искусства, морской лексики, художественной метафоры, проблемы билингвизма, изучение терминосистем.

Доклады участников секции *«Вопросы перевода»* охватывают тексты самой различной направленности: художественные, включая как прозу, так и поэзию, религиозные, деловые.

В секции *«Миноритарные языки. Языковая политика. Вопросы идентичности»* представлены доклады, в которых рассмотрены особенности развития и актуальные проблемы современного состояния миноритарных языков. Особое внимание уделено проблемам идентичности, билингвизма и переключению кодов.

Материалы секции *«Межкультурная коммуникация. Лингвокультурология»* содержат междисциплинарные работы, выполненные в русле концептологии, лингвострановедения, кросс-культурных исследований.

Вопросы методики преподавания иностранных языков выделены в отдельную секцию «*Лингводидактика*».

Оргкомитет конференции выражает свою признательность активным участникам научного семинара «Основы работы с научным текстом и научные коммуникации» кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН Екатерине Анненковой, Ирине Галкиной, Марии Головчинер, Анастасии Гуровой, Илоне Деминой, Екатерине Кошелевой, Ольге Мошиной и Полине Фоминой за помощь в подготовке к публикации данного сборника.

Н.С. Найденова

ДИСКУРС И КОММУНИКАЦИЯ

Айрапетян О.А.

(РУДН, бакалавриат, 4 курс)

Особенности дипломатического дискурса китайского языка

Дипломатия является основным средством осуществления задач и целей внешней политики. Это искусство ведения переговоров, предотвращение и урегулирование конфликтов, поиск согласия и взаимопонимания, углубление, расширение и укрепление международного сотрудничества. Язык является главным орудием в функционировании дипломатического дискурса.

«Дискурс (от франц. discours — речь) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами <...>, речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова 1990: 136–137]. Целью исследователей дискурса является «изучение живой речи в условиях реального общения» [Арутюнова 1990: 4]. «Теория дискурса как одно из наиболее активно развивающихся направлений в современном языкознании стремится к объединению научных результатов, полученных в различных областях знания: языкознании, лингвистике, психологии, социологии и этнографии» [Сысоев 2015: 35]. Помимо этого, по мнению некоторых ученых, дискурс представляет собой коммуникативный акт. Он подразумевает присутствие говорящего и адресата, «при этом роли между лицами могут меняться» [Кибрик 2003: 10].

Дипломатический дискурс является частью политического дискурса. Кроме свойств, характерных для политического дискурса, дипломатический язык включает

свойства юридического, военного, коммерческого языков, языка массмедиа и т.д.

«Дипломатический язык — это выражение, употребляемое для обозначения двух различных понятий: во-первых, это язык, на котором ведутся официальные дипломатические сношения и составляются международные договоры, во-вторых, совокупность специальных терминов и фраз, составляющих общепринятый дипломатический словарь» [Громько 1984-1986: 477]. В данном определении имеется в виду терминология международного права и международная дипломатическая терминология, к которой относится лексика, связанная с заключением международных договоров и установлением дипломатических отношений, например: 当事国 — государство-участник договора; 当事一方 — сторона-участник; 召开会议 — созвать заседание; 应约 — в соответствии с договоренностью; 联合声明 — совместное заявление; 符合利益 — соответствовать интересам; 高层交往 — контакты на высоком уровне; 保持联系 — поддерживать контакты.

Особенностью китайской дипломатической терминологии является то, что при образовании слов не употребляется транскрипция или транслитерация, как во многих других языках. Обычно употребляются исконно китайские слова-термины, или же образованные путем калькирования или толкования. Например, для обозначения дипломатических сотрудников путем семантического калькирования было образовано слово 外交代表; а для обозначения слова «дипломатический представитель» употребляется исконно китайское слово 使节 — «посланник, посланец (使、使者) (節 — жезл посла)» [Лу И 2008: 123].

Особое место в дипломатическом дискурсе занимают номенклатурные образования — названия государственных органов: 全国人民代表大会 — Всекитайское собрание

народных представителей; политических партий: 中国共产党 — Коммунистическая партия Китая. Названия различных международных организаций так же будут иметь собственное китайское происхождение, отличающиеся от европейских аналогов, например: 联合国 — ООН; 北大西洋公约组织 — НАТО; 上海合作组织 — ШОС; 东南亚国家联盟 — АСЕАН и т.д.

В последние десятилетия в китайском дипломатическом дискурсе употребляется больше слов и словосочетаний с положительной окраской, например: 共赢的发展 — беспроигрышное развитие; 互利合作 — взаимовыгодное сотрудничество; 取得进展 — получить прогресс; 达成共识 — достичь взаимопонимания; 注入新动力 — придать новый импульс.

Известно, что устойчивые фразеологические сочетания отражают национальную культуру и самобытность народа. «Знание и умение правильно, к месту использовать в речи различные фразеологизмы всегда ценилось в Китае, и по настоящее время считается показателем образованности и начитанности, особенно, если это относится к такому разряду китайских фразеологизмов, как чэньюй» [Войцехович 2007: 14].

Чэньюй — это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырёхсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, «семантически единое, с обобщенно переносным значением, носящие экспрессивный характер» [Ху Чжунвэнь 2011: 4].

Употребление чэньюй является особенностью дипломатического дискурса китайского языка. Например, 同舟共济 — вместе преодолевать трудности (буквально: в одной лодке переправляться через реку); 求同存异 — искать общее при наличии разногласий; 方兴未艾 — бурно

развиваться; 一往无前 — смело двигаться вперед, не боясь трудностей.

Итак, дипломатический дискурс китайского языка имеет свою специфику на лексическом, грамматическом, стилистическом уровнях. Он тесно связан с особенностями развития дипломатии в Китае и особенностями развития китайской лексики, которая, в свою очередь, обусловлена особенностью типологического строя китайского языка и особым мировоззрением китайцев. Характерна тенденция этносемантически окрасить заимствования, которые находят свое отражение в иероглифах. Изучение дипломатических материалов, расширение знаний в области лексикологии, грамматики, анализа и перевода текстов дипломатического характера может послужить главным звеном в выработке начальных навыков перевода с китайского языка дипломатических текстов.

Литература

Арутюнова Н.Д. *Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.

Войцехович И.В. *Практическая фразеология современного китайского языка*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Громыко А.А., Ковалев А.Г., Севастьянов П.П., Тихвинский С.Л. (ред.) *Дипломатический словарь: в 3 т.* М.: Наука, 1984–1986.

Кибрик А.А. *Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук*. М.: Институт языкознания РАН, 2003.

Маланханова А.Е., Сысоев П.В. Особенности перевода текстов экономического дискурса с китайского языка на русский язык // *Научный периодический журнал*. 2015. №4. С. 31–45.

Лу И., Хуан Ц. *Дипломатия. Введение*. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2008.

Ху Ч. *Ханьюй чэньюй дацюань*. Пекин: Коммерческое издательство, 2011.

Анисимов В.Е.

(РУДН, магистратура, 1 курс)

**Кинодискурс как вид институционального дискурса:
теоретические основы и принципы анализа**

В настоящее время анализ дискурса в его различных аспектах приобретает междисциплинарный характер. Институциональные формы дискурса, интерактивное взаимодействие дискурсивного и социального привлекают исследователей широкими возможностями лингвистического и экстралингвистического анализа. В изучении дискурса как интерактивной деятельности участников общения, направленной на установление/поддержание контакта и информационный обмен, выделяется ряд самостоятельных направлений научного поиска: проблемы теории дискурса и его типология, определение признаков дискурса как культурно-ситуативной сущности, моделирование структуры дискурса и др.

Обращение к кинодискурсу и его категориям в данном исследовании осуществляется с позиции прагмалингвистики, лингвистики дискурса, теории коммуникации.

Кинодискурсу как одному из видов институционального дискурса, посвящены работы ряда лингвистов (А.Н. Зарецкая, В.И. Карасик, И.Н. Лавриненко, М.Ю. Лотман, А.В. Олянич, Г.Г. Слышкин).

Согласно В.И. Карасику определить институциональность дискурса возможно на основании двух системообразующих признаков: цели и участников общения. Для более детального описания конкретного типа институционального дискурса, необходимо рассматривать следующие его компоненты: участники; хронотоп; цели; ценности (в том числе и ключевой концепт); стратегии; материал (тематика); разновидности и жанры; прецедентные (культурогенные) текст; дискурсивные формулы [Карасик 2000].

Рассмотрим данную научную концепцию применительно к кинодискурсу.

Кинодискурс представляет собой комплексный лингвосемиотический коммуникативный феномен культуры, относящийся к цивилизационным ценностям, накапливаемым человечеством с конца XIX — начала XX столетий по настоящее время.

Наиболее развернутое определение кинодискурса с учетом его институциональных характеристик было предложено И.Н. Лавриненко: «... поликодовое когнитивно-коммуникативное образование, сочетание различных семиотических единиц в их неразрывном единстве, которое характеризуется связностью, цельностью, завершенностью, адресатностью. Кинодискурс выражается при помощи вербальных, невербальных (в том числе кинематографических) знаков в соответствии с замыслом коллективного автора и структурируется средствами мены коммуникативных ролей; он зафиксирован на материальном носителе и предназначен для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [Лавриненко 2012].

Цель кинодискурса заключается в передаче потенциальному зрителю идей режиссера или, «коллективного автора», которые прямо или косвенно заложены в кинопроизведении. Кинодискурс отражает национально-культурные и эстетические ценности. Посредством кинодискурса передается отчетливая ценностная составляющая идей режиссера, оператора и сценариста (т.н. «коллективного автора»). Эти идеи также подкреплены образным мировидением художников кинокартины [Олянич 2015].

Основными участниками общения в рамках кинодискурса являются режиссер киноленты (или же т.н. «коллективный автор») и потенциальная зрительская аудитория. Также в качестве участников могут выступать

реципиенты, не являющиеся целевой аудиторией кинофильма, но каким-то образом участвующие в его просмотре (примером могут служить отзывы кинокритиков). Необходимо особо подчеркнуть, что диалог между автором и реципиентом кинодискурса в силу их удаленности друг от друга находятся в постоянном отсроченном и опосредованном диалоге, а также, благодаря такому свойству кинодискурса как воспроизводимость, коммуникация между его адресатом и адресантом может продолжаться вновь и вновь с течением времени, что связано с возможностью неоднократного просмотра кинопроизведения.

Под хронотопом кинодискурса понимается временная перспектива и ретроспектива (футурологический фильм, историческая драма) [Олянич 2015].

Тематика кинодискурса охватывает широкий круг вопросов, связанных с повседневной жизнью или событиями прошлого (наиболее частотными темами современного кинодискурса являются тема любви, войны, семьи, дружбы, взаимоотношений людей в коллективе и т.д.).

Жанры кинодискурса довольно разнообразны по своей природе: мелодрама, комедия, приключенческий фильм, фильм-биография, триллер, исторический фильм и т.п.

В качестве *национально-прецедентных* текстов кинодискурса выступают литературные произведения, исторические события, биографии личностей и т.д.

Дискурсивными формулами, присутствующими в кинодискурсе, являются специализированная лексика, используемая режиссером, оператором на съемочной площадке и т.п.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о соответствии кинодискурса основным критериям институционального дискурса, выделенным В.И. Карасиком (участники; хронотоп; цели; ценности; стратегии; материал (тематика); разновидности и жанры; прецедентные тексты; дискурсивные формулы)

и о верности ранее выдвинутого постулата о принадлежности кинодискурса к типу институционального дискурса.

Литература

Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр.* 2000. С. 5–20.

Лавриненко И.Н. Критерии классификации кино дискурса // *Вестник Харьковского национального университета. Дискурсология: семантика и прагматика.* № 1003. 2012. С. 41–44.

Олянич А.В. Кинодискурс // *Дискурс-Пи.* Т. 12. № 2. 2015. С. 53–56.

Анненкова Е.А.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

Дискурсивные стратегии американских политических лидеров (на материале выступлений относительно современного сирийского конфликта)

В современном обществе политическая коммуникация играет существенную роль, а исследования политического дискурса находятся в фокусе научного интереса не только лингвистов, но и специалистов из других смежных областей. Текущий сирийский конфликт присутствует сегодня в центре внимания ученых разного направления не только с точки зрения внутри- и внешнеполитического осмысления, но и применения выборных технологий, включая стратегии и тактики политического дискурса. В данной работе основное внимание направлено на лингвистические аспекты дискурсивных стратегий, применяемых американскими политиками на протяжении современного сирийского конфликта, а также проведен анализ реализации данных стратегий на языковом уровне.

Итак, в лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое

явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Нельзя не согласиться с А.Н. Барановым и Е.Г. Казакевич, которые считают политическим дискурсом «совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, а также отражающих специфические особенности ментального мира политика» [Баранов, Казакевич 1991].

Согласно О.Н. Паршиной в устном политическом дискурсе политической элиты можно выделить следующие дискурсивные стратегии: самопрезентации, борьбы за власть, дискредитации и нападения, самозащиты, удержания власти, информационно-интерпретационную, стратегии формирования эмоционального настроя адресата, убеждения, аргументативную, агитационную и манипулятивную. В основе классификации лежит коммуникативная цель, которая понимается как прогнозируемое искомое, представление о результате, который должен быть достигнут по отношению к адресату, а также набор и типы тактик, которые используются для реализации цели [Там же].

Анализируя интервью экс-советника по национальной безопасности (1969–1975 гг.) и госсекретаря США (1973–1977 гг.) Г. Киссинджера можно выделить ярко выраженную стратегию дискредитации, которую использует дипломат, критикуя действия администрации экс-президента США Б. Обамы в Передней Азии. Так, дипломат отмечает: «роль США на Ближнем Востоке ослабевает... Российская военная операция в Сирии стала очередным симптомом ослабления этой роли, которую США приняли на себя по итогам арабо-израильской войны 1973 года. С действиями России в Сирии геополитическая структура, поддерживаемая на протяжении четырех десятилетий, пришла в упадок. США необходимы новая стратегия и приоритеты» [Васейкина 2015]. Дискурсивная стратегия Г. Киссинджера реализуется в данном контексте с помощью тактик обвинения и критики, как в адрес проводимой внешней политики США, так и

относительно активной позиции России. Кроме того, политик применяет агитационную стратегию, аргументируя ее тем, что США должны восстановить доминирующие позиции на мировой политической арене.

В одном из своих выступлений Б. Обама признал оппозицию Сирии «единственным легальным представителем» сирийского народа, отметив, что она стала достаточно «всеобъемлющей и репрезентативной» [Русская служба ВВС]. Политический лидер прибегнул к информационно-интерпретирующей стратегии, поскольку в его выступлении содержатся оценочные суждения и субъективная трактовка геополитической ситуации.

Нередко в заявлениях экс-президента США можно проследить стратегию положительной самопрезентации: «Я стараюсь продвигать дипломатию и мирное решение конфликтов» [Риа-Новости 2013]. Тем самым Б. Обама позиционирует себя как президент-миротворец.

В ходе встречи с В.В. Путиным и С.В. Лавровым бывший госсекретарь США Дж. Керри, рассуждая о позиции наблюдателя, состоящей в том, что прекращение огня в Сирии невозможно, отметил, что «однако благодаря нашему сотрудничеству, как военному, так и политическому, было приложено много усилий, такое перемирие имело место» [Рогов 2013]. В данном высказывании Дж. Керри прибегнул к стратегиям самопрезентации (акцент на свою успешную профессиональную деятельность, которая привела к совместному положительному сотрудничеству РФ и США), убеждения (позиция говорящего аргументируется высказыванием «перемирие имеет место»), удержания власти (акцент на достигнутые успехи) и стратегии формирования эмоционального настроения адресата (использование тактики единения, в частности, с Российской Федерацией, что приводит к определенным положительным результатам в решении конфликта в Сирии).

Таким образом, анализ устной политической коммуникации Г. Киссинджера, Б. Обама и Дж. Керри во время современного сирийского конфликта дал возможность выявить реализацию в качестве основных следующих дискурсивных стратегий: самопрезентации, аргументативную и информационно-интерпретационную стратегии. Эти стратегии реализуются через различные тактики и коммуникативные ходы. Каждому политику важно создать свой имидж и показать себя в положительном свете перед избирателями, чему и способствует стратегия самопрезентации. Наряду с этим важно строить свою речь убедительно, приводя различные примеры, свободно иллюстрировать ситуацию, т.е. открыто приводить неопровержимые доводы, что достигается за счет стратегии аргументации. Однако во многих случаях политики выбирают доводы на основании собственной трактовки сложившейся ситуации, прибегая к информационно-интерпретационной стратегии.

Литература

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. *Парламентские дебаты: традиции и новации*. М.: Знание, 1991.

Васейкина И. Киссинджер: Россия лишила США ведущей роли на Ближнем Востоке // *Газета «Московский Комсомолец»: электр. период. издание*. 2015. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/10/21/kissindzher-rossiya-lishila-ssha-vedushhey-rol-i-na-blizhnem-vostoke.html> (дата обращения: 20.10.2017).

Паршина О.Н. *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России*: автореф. дисс. ...д. филол. н. Саратов. 2005.

Рогов С. Тема совместной российско-американской инициативы по САР возникла еще полгода назад // *Независимая газета*. 2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2329#top (дата обращения: 20.10.2017).

Сирия: в чем суть конфликта // *РИА-Новости*. 2013. URL: <http://ria.ru/world/20130826/958749095.html> <http://vz.ru/news/2015/2/20/730822.html> (дата обращения: 20.10.2017).

США признали оппозицию Сирии «легитимной силой» // *Русская служба BBC*. 2012. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2012/12/121211_m_syria_obama_assad_turndown.shtml (дата обращения: 21.10.2017).

Габисония Т.Г.
(*РУДН, бакалавриат, 2 курс*)
«Ода к Иакову» Луиса де Леона:
лингвостилистический анализ

XVI век относится к «золотому веку» испанской короны, эпохе расцвета культуры, территориальных приобретений, бурного роста Церкви и, вместе с тем, жесточайших финансовых потрясений, сложной ситуации в обществе и активности Инквизиции. В 1469 году в результате заключения брака между Изабеллой I Кастильской и Фердинандом II Арагонским, были объединены королевства Арагона и Кастилии и Леона, что в дальнейшем привело к централизации и созданию единого государства [Ведюшкин 1993: 228]. После смерти Фердинанда в 1516 году на испанский престол вступает Карл I (1516 (1519) — 1556). В 1519 году он добился своего утверждения императором Священной Римской империи под именем Карла V. Испания становится центром огромной колониальной империи.

На протяжении XVI века в Испании крайне высокое положение в иерархии ценностей общественного сознания занимала религия. В литературе формируется отдельное направление — мистическая словесность. Среди важнейших имен в испанской духовной литературе XVI века необходимо назвать таких писателей и поэтов, как Хуан де ла Крус (1542–1591), Луис де Гранада (1504–1588), Тереза Авильская (Тереса Санчес Сепеда д’Авила-и-Аумада, 1515–1582). Говоря о духовной литературе Испании, нельзя не упомянуть

и о таком авторе, как Луис де Леон (1527–1591). Луис де Леон является крупнейшим поэтом испанского Возрождения, творчество которого оказало существенное влияние на развитие литературного испанского языка. Помимо собственного богатого поэтического наследия, Луис де Леон осуществил перевод на испанский язык библейских текстов, включая «Песнь Песней» и «Книгу Иова», сопровождаемую толкованиями. Его перу принадлежит дидактическое сочинение «Совершенная супруга» и трактат «Об именах Христовых».

Одним из наиболее почитаемых в Испании святых является Апостол Иаков. Именно ему посвящена «Ода XX — К Иакову» (*Oda XX — a Santiago*), написанная Луисом де Леоном в 1572–1576 гг. В испанской традиции апостол Иаков известен как Сантьяго-мавроборец (*Santiago Matamoros*). К XI веку город Сантьяго-де-Компостела стал одной из основных христианских святынь мира, куда стали стекаться паломники со всего света. Именно апостолу Иакову Луис де Леон посвятил одно из своих наиболее лиричных сочинений. В тексте оды присутствуют лексемы, характерные для испанского языка XVI века, например, *agora* — совр. *ahora* — сейчас; *inviaste* — совр. *enviaste* — ты послал (форма 2-го лица ед. числа *indefinido* от глагола *enviar* — посылать); *so* — совр. *bajo* — под; *mesmo* — совр. *mismo* — тот же самый. Яркость и самобытность авторскому тексту придают широко используемые в нем эпитеты: *fieras alimañas* — хищные звери, *con voz eterna celebradas* — воспеты вовек, *joya preciosa* — драгоценный камень, *cruel tirano* — жестокий тиран, *injusta espada* — несправедливый меч, *espada relumbrante* — блестящий меч, *grave espanto* — безмерный страх, *escudo fiel* — верный щит, *afrentosa servidumbre* — постыдный плен.

Для обозначения Иакова поэт использует такие перифразы, как «святой апостол» (*Apóstol Santo*) и

«небесный воин» (*celestial guerrero*). Говоря о мученическом подвиге святого апостола, Луис де Леон использует библейские аллюзии:

La fe que a Cristo diste   Веру, дарованную Христом,
con presta diligencia has ya   С большим усердием ты соблюл,
cumplido;

de su cáliz bebiste...   Его чашу пил... (ср. *Можете ли
пить чашу, которую Я буду
пить* [Мф. 20:22], — слова,
обращенные Христом к Иакову
и Иоанну Зеведеевым)

Говоря о врагах Испании и борцах за ее свободу, поэт использует прием антитезы: подвиги (*hazañas*) противопоставляются варварской ярости (*bárbaro furor*), несправедливый меч (*injusta espada*) — короне (*corona*), зло и рабство (*mal y cautiverio*) — вере и воле (*fe y voluntad*), поругание (*vituperio*) — рабству (*servidumbre*), плен (*cautiverio*) — свету (*clara lumbre*) и вершинам славы (*de la gloria estamos en la cumbre*).

В тексте оды неоднократно встречаются прецедентные имена. Так, апостол Иаков уподобляется Марсу (*un otro Marte hecho*). Марс — бог войны, аллегорически воплощающий собой силу, смелость, решительность, готовность к победе, к борьбе. Ключевой идеей поэтического сочинения является освобождение Испании от мавританского владычества. Автор неоднократно говорит об освобождении Испании от исламского ига (*las Españas del yugo destadas*).

Исторические события, относящиеся к периоду Реконкисты, находят отражение в воспевании свободы испанского народа, достигнутой благодаря подвижничеству Святого Иакова:

Просвещенной монархии [Саркисова 1993]. Одним из ярких примеров проявления интереса к китайской культуре того времени является творчество великого мыслителя Франции — Вольтера.

В данной статье рассматривается взаимодействие китайской и французской культур в литературном дискурсе в результате эмиграции китайских писателей во Францию. Целью данного исследования стало изучение механизмов выражения китайской культурной идентичности авторов в произведениях, написанных на французском языке. Исследуемая тема вызывает интерес с точки зрения лингвистики, межкультурной коммуникации и социологии, поскольку в современных условиях глобализации важно понимать, каким образом национальная культурная идентичность может проявляться при отказе от национального языка: что сохранится при смене языкового кода в качестве инварианта.

Исследование проводилось на материале романов Дай Сыцзе и Шань Сы — двух китайских писателей, которые, отказавшись от китайского, выбрали французский язык для своего творчества. Оба автора переехали жить во Францию, в первую очередь, по политическим причинам: Дай Сыцзе не хотел оставаться в стране, где ему пришлось пережить Культурную революцию, а на решение Шань Сы покинуть родину повлиял жестокий разгон студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь в 1989. Также причинами стали развитие карьеры и воссоединение с семьей. Произведения обоих писателей были благоприятно восприняты французской читательской аудиторией и награждены различными литературными премиями (премия Ролана де Жувенеля, Гонкуровская премия лицеистов и др.). В исследовании рассматривается роман Дай Сыцзе «Balzac et la petite tailleuse chinoise» (Бальзак и портниха-китаяночка) и два романа Шань Сы «Porte de la paix céleste» (Врата небесного спокойствия) и «Joueuse de go» (Играющая в го).

Проведенное исследование показало, что во французском литературном дискурсе сохраняются различные пласты национальной китайской идентичности, которые проявляются, в первую очередь, в культурных реалиях («Petit Livre Rouge de Mao», «go»), культурно значимых метафорах («Place des Mille Vents», «tombe au du soleil») и в описании невербального поведения героев, укорененного в национальных традициях («je me mets à genoux», «je m'incline jusqu'à terre»).

Результатом исследования является описание языковых механизмов выражения китайской культурной идентичности авторов во французском литературном дискурсе.

Литература

Саркисова Г.И. *Вольтер о Китае и становление русского китаеведения*. М.: Восточная литература, 1993.

Sijie D. *Balzac et la petite tailleuse chinoise*. Paris: Editions Gallimard, 2000.

Sa S. *Porte de la paix céleste*. Barcelone: Editions du Rocher, 1997.

Sa S. *Joueuse de go*. Barcelone: Editions Grasset et Fasquelle, 2001.

Григорьева О.И.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, магистратура, 1 курс)

Функционально-семантические доминанты стиля бразильской писательницы Лижии Фагундес Теллес

Функционально-семантические доминанты — это те языковые средства, с помощью которых можно выразить основные образы конкретного произведения. Мы рассмотрели эти доминанты на материале рассказов Лижии Фагундес Теллес (Lygia Fagundes Telles), входящих в сборник «Структура мыльного пузыря» («A estrutura da bolha de sabão», 1991, переиздан в 2010).

В ходе работы были выделены функционально-семантические доминанты двух групп: лексико-стилистические и стилистико-синтаксические.

Лексико-стилистические доминанты в тексте писательницы представлены лексико-семантической группой конкретных существительных со значением частей тела (телесный код). Ключевым образом физиологического (вещественного) мира Лижии является «рука». В текстах писательницы мы встречаем две лексические единицы, выражающие эту функциональную доминанту: *mão* и *braço*, где первая соответствует в русском языке понятию «ладонь и кисть», а вторая — концепту «предплечье и плечо» в официальной терминологии. Было выявлено, что с помощью лексемы *mão* выражается наиболее широкое значение понятия «рука», тогда как слово *braço* вносит больше конкретики, указывает на определенную часть верхней конечности.

Среди стилистико-синтаксических функциональных доминант мы обратили внимание на следующие приемы экспрессивного синтаксиса: парцелляцию и эллипсис.

Парцелляция (разделение) как синтаксическая доминанта была проанализирована в соответствии с классификацией В.Г. Гака (по типу парцеллята).

В группе парцеллятов — однородных членов наблюдаются следующие тенденции: определений несогласованных больше, чем согласованных, что усиливает аналитизм конструкций (приведены примеры); парцелляты, выраженные дополнениями, встречаются сравнительно нечасто, в случаях парцелляции обстоятельств занимают особое место инфинитивные конструкции, обозначающие признак либо цель действия (частотнее — цель). В этих случаях часто глагол-инфинитив является антонимом глагола из главного предложения (*jogar longe* vs *recomeçar*: забрасывать — начинать заново; *refugir-se* vs *encarar*: избегать — встречать лицом к лицу).

Во второй группе парцеллятов однородных членов и сложного предложения мы также видим особое внимание к глаголу: чаще всего встречается парцелляция именно однородных сказуемых и сложносочиненных предложений.

И, наконец, в третьей группе (парцеллят не выделен из общей синтагмы, а лишь «приставлен» к главному высказыванию) представлены самые аналитические парцеллированные конструкции.

Суммируя все сказанное выше, делаем вывод: самая распространенная парцелляция в текстах Лижии Фагундес Теллес — это парцелляция однородных сказуемых.

Анализ эллипсиса (опущения) знаменательных слов в португальском языке на материале текстов Лижии Фагундес Теллес позволил заключить, что самым частым эллиптируемым элементом является глагол-связка: *ser* (быть) или *estar* (пребывать в состоянии). Случаи опущения других глаголов встречаются крайне редко (мы приводим один пример с глаголом *podar*, мочь). Второй частью речи по частотности эллипсиса стоит считать существительное. Опущение же местоимений не было выявлено совсем, а определений — крайне редко.

К фигуре эллипсиса автор, по нашим наблюдениям, обращается в двух основных случаях: 1) при передаче диалогов между героями, 2) при воспроизведении внутреннего монолога персонажа (и при создании несобственно-прямой речи). Подобное использование приема опущения объясняется стремлением писателя — модерниста передать в письменном тексте особенности внутреннего мышления и устного общения людей.

Таким образом, обе группы функционально-семантических доминант создают особый модернистский стиль прозы Лижии Фагундес Теллес и отражают характеристики и потенции португальского языка.

Литература

Ванников Ю.В. *Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Гак В.Г. *Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис*. М.: Добросвет, 2000.

Нелюбин Л.Л. *Толковый переводоведческий словарь*. М.: Флинта: Наука, 2003.

Telles L.F. *A Estrutura da Bolha de Sabão: Contos*. São Paulo: Companhia das Letras, 2010.

Дружков Я.М.

(РУДН, магистратура, 1 курс)

Антропологическое видение оценочных высказываний в эссе К.С. Льюиса «Человек отменяется»

Интердисциплинарность — один из ключевых на сегодняшний день вопросов науки, так как именно он дает направление ее дальнейшему развитию. Различные дисциплины, какими бы далекими друг от друга они не казались, вне зависимости от объекта исследования и используемых методов, пересекаются в антропологической плоскости.

Если же мы соотнесем антропологическое понимание личности с конкретной областью изучения лингвистики, то невозможно не заметить некоторые расхождения, прежде всего, на уровне дискурс-анализа, который является одним из наиболее активно развивающихся направлений на сегодняшний день.

В своем известном эссе «The Abolition of Man» (в переводе Н. Трауберг — «Человек отменяется»), К.С. Льюис, в форме критики на книгу Александра Кинга и Мартина Кетли, «The Control of Language: A Critical Approach to Reading and Writing», противопоставляет субъективизм естественному закону [Michelson 2008: 2]. Аналогично этому

мы можем рассмотреть современный дискурс-анализ и, в частности, подходы к дискурсивному проявлению личности, которые, по сути, несут в себе зачатки субъективизма, что особенно заметно на примере оценочных высказываний.

Общая тенденция дискурс-анализа к исследованию того или иного высказывания в определенном окружении зачастую не всегда оправдана, так как сосредотачивается на исследовании окружения говорящего. Данное явление можно описать цитатой из критикуемой К.С. Льюисом книги: «Когда человек произнес слово «величие», он думал, как и другие, что определяет водопад. На самом же деле... он определял лишь собственные чувства. В действительности он сказал: «...водопад вызывает у меня чувства, связанные в моем уме с понятием величия», или, короче: «...вызывает у меня чувство величия»» [Lewis 1943: 2].

По мнению К.С. Льюиса, если следовать данной логике, можно сделать вывод, что «все оценочные высказывания свидетельствуют исключительно и только о чувствах говорящего; тем самым, высказывания эти практически пусты» [Lewis 1943: 3].

Автор возражает этому мнению, так как «человек, применивший к водопаду слово «величие», отнюдь не собирался описывать свои чувства; он описывал, точнее, оценивал то, что видел перед собой. Если же не принимать этих предпосылок, говорить вообще не о чем» [Lewis 1943: 3].

В изучении подходов к дискурсивному проявлению личности можно заметить тенденцию к контекстуализации, как к единственному способу понять что-либо. Как будто только теория поможет нам приблизиться к пониманию исследуемого объекта, или же, как будто «понимать» означает «интерпретировать в контексте» [Barrío 2017: 19]. Подходы к дискурсивному проявлению личности можно назвать как раз «интерпретацией в контексте», однако понимание объекта в меньшей мере зависит от условий, в

которых он находится. Таким образом, какой-либо анализ оценочных высказываний руководствуется крайне относительным пониманием действительности.

Необходимо отметить, что изучение дискурсивного проявления личности не несет в себе какой-либо антропологической значимости, так как представляя говорящего, как комплекс дискурсивных проявлений его личности, мы рассматриваем лишь обстоятельства, повлиявшие на то или иное высказывание, но не на саму личность.

Эссе британского мыслителя — не лингвистическое исследование, однако оно имеет несомненную интердисциплинарную значимость и может помочь современному лингвисту рассмотреть объект своего исследования через призму антропологии, определяя тем самым дальнейшее развитие науки.

Литература

Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.

Barrio J.M. *Filosofía y dimensión sapiencia o del trabajo universitario: la cuestión de la interdisciplinariedad*. Pilar: Universidad Austral. Ciudad autónoma de Buenos Aires: Teseopress, 2016.

Lewis C.S. *The Abolition of Man or Reflections on Education with special reference to the teaching of English in the upper forms of schools*. London: Oxford University Press, 1943.

Michelson P.E. The Abolition of Man 1943-2008 // *Inklings forever*. Vol. 6. 2008.

Исакова Е.И.

(РУДН, бакалавриат, 2 курс)

Языковые отношения в межкультурной коммуникации

Язык является достоянием не только этноса, который этот язык объединяет, но и достоянием целого государства. По гипотезе языковой относительности Бенджамина Уорфа, которая была высказана в первой половине XX века, структура языка активно влияет на восприятие и мировоззрения носителей, является отражением действий, интересов, культуры, связи языка и мышления. Таким образом, язык — незаменимый аспект при характеристике и анализе менталитета нации.

Нынешняя языковая ситуация в мире такова, что общепринятым международным языком считается английский. Это противоречит известным фактам о китайском языке: он является первым по числу носителей, а также самым распространённым языком в мире. В наше время политика Китая направлена на повсеместное распространение китайского языка. Вот некоторые факты о нём: китайский язык — важнейший представитель сино-тибетской языковой группы, на нём говорят не только жители КНР, но также представители стран Юго-Восточной Азии, Австралии, США и Канады [Маслов 2010: 128].

Китайский язык, так же, как и английский, довольно гибок и обладает потрясающей изменчивостью. Китайцы очень любят сокращать, менять звучания под местные правила произношения, что наиболее ясно проявляется в диалектных особенностях. Большое наличие омофонов, которые могут быть рассмотрены, как виды омонимов, так и отдельные единицы, смежные с омонимами, объясняет частое непонимание собеседников, владеющих китайским языком. В китайском языке в основном преобладают односложные и двусложные лексические единицы, и самым основным способом словообразования является

словосложение. Две морфемы образуют слово, смысл которого ясен и понятен.

Что касается английского, который является доминирующим языком международного общения в большинстве европейских стран, он отличается заметной простотой: нет ни тонов, ни иероглифов, в свою очередь состоящих из ключей и черт. При этом наличие обильного количества синонимов и широкого словарного запаса обуславливает многогранность языка. Все сегодняшние новинки на рынке Китая получают эквивалентное английское название.

Такой процесс получил название проникновения «пиджин инглиша» (Pidgin English). Примером влияния Chinese Pidgin English может быть фраза «long time no see» (пер. не виделись долгое время), которая противоречит нормированным правилам грамматики английского языка, но является широко употребляемой. Фраза была заимствована и переведена буквально с китайского «好久不见» (дословно: 好久 — как долго, 不 — не, 见 — видеть) [Хаматова 2006: 34].

На самом деле грамматическая структура английского языка близка к китайскому.

Проиллюстрируем вышеизложенное на конкретных примерах:

1) Явление омонимии присуще обоим языкам.

Так, в китайском языке слово 花 huā имеет два значения: (сущ.) цветок и (гл.) тратить; 园子 yuánzi — 1. круг, окружность 2. сад. В английском языке слово bat переводится как: 1. (сущ.) летучая мышь 2. (сущ.) бита 3. (гл.) моргнуть.

2) Отсутствие категории рода

Так как китайский язык относится к языкам изолирующего типа и в нём отсутствует система словоизменения, категория рода не может быть выражена

формой самого существительного. В английском языке категория рода реализуется через обязательное соотнесение каждого существительного с личными местоимениями 3-го лица единственного числа (he, she, it), то есть местоимения являются основными показателями категории рода [Тань Аошуан 2004: 45-47].

3) Английский язык — так же, как и китайский, — синтетический.

Изменение порядка слов в английском предложении может полностью изменить его смысл. Например, в предложении *The girl eats banana* (девушка ест банан) нельзя варьировать местами члены предложения (*banana eats the girl*). Отсутствие склонений и спряжений обуславливает значимость порядка слов в китайском предложении. Категорически не приветствуются отклонения от классической грамматической нормы построения предложения: 我吃肉 (я ем мясо), где подлежащее — 我, сказуемое — 吃, дополнение — 肉.

Несмотря на приведенные факты, довольно малый процент китайского населения может мастерски освоить его. Необходимость владения английским языком утрачивается, ведь согласно статистике, каждый пятый человек на Земле владеет китайским языком.

Таким образом, язык и менталитет прочно связаны между собой. Языковые отношения являются проекцией отношения культур и также тесно взаимодействуют с религией.

Литература

Маслов А.А. *Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения*. М.: РИПОЛ классик, 2010.

Тань А. *Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Хаматова А.А. *Омонимия в современном китайском языке: Учебное пособие*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.

Ким А.Р.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

**Исходы агрессивной коммуникации:
удовлетворение на уровне содержания
и удовлетворение на уровне отношений**

В лингвистике изучение агрессии как феномена речевой коммуникации началось сравнительно недавно. Агрессия в языке передается через модель агрессивной коммуникации. Концепция данной модели сосредоточена на личности. Данная модель фокусируется на четырех личностных качествах: вербальная агрессия, аргументативность, враждебность и настойчивость. Последние два характеризуются как качества общего характера. Тогда как вербальная агрессия и аргументативность представляют более специфические коммуникативные предрасположенности. Данная модель агрессивной коммуникации определяет аргументативность (конструктивное качество) как подвид настойчивости, а вербальная агрессия (деструктивное качество) — враждебности.

Аргументативность является личностным качеством, которое предрасполагает индивидуума отстаивать свои позиции в спорных вопросах и вербально атаковать позиции собеседников в этих вопросах [Nesht 1987]. Стимулирующие коммуникативные акты являются главным инструментом для исследования аргументативности. Мотивация в стимулирующих коммуникативных актах заключена в тенденции достижения успеха и избежание поражения в споре. Возможность и важность успеха или поражения влияют на вероятность осуществления аргументативной коммуникации.

В определении аргументативности как конструктивного коммуникативного поведения важно отличать данный феномен от вербальной агрессии. Различия

между данными концептами лежат в траектории нападения. Вербальная агрессия основывается на нанесении вреда **я**-концепции человека. Тогда как аргументативность нацелена на мнение человека о спорных моментах, нежели чем на его лице.

Анализ научных источников показывает, что термины «речевая агрессия» и «вербальная агрессия» обозначают единое явление и употребляются в рамках одного контекста. Психолог А. Басс определяет вербальную агрессию как выражение негативных чувств через форму (ссора, крик, визг) и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань) [Buss 1961]. Лингвист Инфанте определил агрессию как феномен, заключенный в контексте межличностной коммуникации, а вербальную агрессию — как тип коммуникации, который атакует с целью нанесения психологического вреда [Infante 1994]. Несмотря на то, что исследователями были идентифицированы различные типы агрессивных вербальных сообщений, все они разделяют одну и ту же цель агрессии — нанесение вреда или ущерба реципиенту.

Речевая агрессия рассматривается нами как разновидность речевого поведения, параметры которого определяются дискурсивными показателями. Деструктивность речевого поведения проявляется как сознательная установка адресанта на субъектно-объектный тип отношений. Таким образом, в основе агрессивного общения независимо от типа коммуникации лежит двойная установка говорящего: выражение негативного отношения к адресату высказывания; установка на субъектно-объектный тип общения с адресатом, которая проявляется в деструктивном речевом поведении.

В процессе коммуникации не только передается информация, но одновременно определяется характер отношений между коммуникантами. Инфанте выделяет два исхода в модели агрессивной коммуникации:

удовлетворение на уровне сообщения и удовлетворение на уровне отношений. Данные исходы основываются на теории психолога Пауля Вацлавика [Вацлавик 2010]. Содержание — это та информация, которая передается в сообщении. При этом неважно, является ли данная информация правдивой, ложной, надежной, неправильной или неразрешимой. На уровне отношений передается то, как это сообщение должно быть воспринято. Отношение может быть выражено как речевыми приемами, так и не вербально с помощью крика, улыбки или других способов. Характер отношений можно ясно понять из контекста, в котором происходит коммуникация.

Агрессивное поведение является конструктивным, если оно способствует удовлетворению от коммуникации на уровне содержания, и деструктивным, если оно ведет к неудовлетворению от отношений на уровне отношений и, по меньшей мере, отрицательному мнению собеседника о себе или отношении в целом. Оба этих уровня являются полезными средствами понимания, как агрессивная коммуникация отражается на межличностных отношениях.

Литература

Вацлавик П. *Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия*. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000.

Buss A. *The psychology of aggression*. New York: Wiley, 1961.

Di Cioccio R. *Humour Communication: Theory, Impact, and Outcomes*. Dubuque: Kendall Hunt Publishing, 2012.

Hecht M. Toward a conceptualization satisfaction // *Quarterly Journal of Speech*. 1987. P. 47–62.

Infante D. Aggressiveness // *SAGE. Personality and interpersonal communication*, J.C. McCorskey & J. A. Daly (Eds.). 1987. P. 157–192.

Косова К.О.
(РУДН, бакалавриат, 2 курс)
**Отголоски la Querelle des Anciens et des Modernes
в русской литературе**

Литература играет важную роль в нашей жизни. Она всегда проходит через множество этапов и споров, которые оживляют ее, делают интересной для анализа.

Споры о старом и новом всегда будут актуальны, ведь они никогда не умолкают. Следовать традициям или создавать что-то другое — этот вопрос остается открытым для людей. В данной работе мы рассмотрим две литературные дискуссии, которые произошли во Франции в XVII веке и в России в XIX веке, но которые тематически перекликаются между собой.

Жан-Пьер Берtrand, рассматривая структуру литературных споров, предлагает следующую методичку для их анализа. В каждом из них можно выделить следующие компоненты: участники дискуссии; объект их обсуждения; цели и средства их достижения [Bertrand, Saint-Amand, Stiénon 2012].

В споре о древних и новых (фр. Querelle des Anciens et des Modernes) — полемике во Французской академии вокруг достоинств искусства и литературы античности и современности, которая имела место в конце 17 века — можно выделить следующих участников: братьев Перро — Шарля, Клода и Пьера и писателя Бернара де Фонтенеля, которые были защитниками новой литературы и сторонниками теории прогресса (*новые*), а также Ж. Расина, Н. Буало, Ж. Лафонтена и Ж. Лабрюйера, которые являлись сторонниками античности как образца литературы и искусства (*древние*).

27 января 1687 года на заседании Французской Академии была прочитана поэма Шарля Перро «Век Людовика Великого», в которой и была сформулирована

позиция «новых» — в поэзии новое превосходит старое, французская поэзия обладает преимуществами над поэзией греческой и римской, Франция имеет право выступать в роли эталона в области художественной культуры [Плавский 1987: 343]. Значительная часть членов Академии поддержала выступление Перро, но Буало не мог принять такого восхваления современности. Если Перро не видел различий в прогрессе техническом, научном и прогрессе художественном, то Буало считал, что искусство стоит выше других наук, у него есть свои правила и законы, по которым его можно и нужно судить [Плавский 1987: 226]. «Древние» были учениками и поклонниками античных поэтов, их поэзия выступала для них эталоном, в то время как «новые» были заинтересованы в знаниях, полученных в ходе мирового прогресса, они отрицали авторитет греческих и римских творцов.

Диспут продлился до 30 августа 1694 года: во время заседания Академии Буало и Перро официально помирились. Однако каждый участник дискуссии остался при своем мнении.

Подобный спор имел место и в русской литературе — полемика между «Арзамасом» и «Беседой». Между собой их, в одной из своих работ, сравнил Владимир Набоков [Набоков 1964], ведь, как и в конфликте между Перро и Буало, в дебатах друг другу противостояли «древние» (*архаисты*) и «новые» (*карамзинисты*).

Эта дискуссия началась в 1803 году, еще до создания противоборствующих литературных кружков. Ее поводом послужил трактат «Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка» русского писателя и литературоведа Александра Семеновича Шишкова. Позднее им было сформировано литературное общество «Беседа», которое просуществовало до 1816 года. Его участников называли «архаистами». В него входили А.С. Шишков, Г.Р. Державин, А.А. Шаховской и др. Они отстаивали консервативные

взгляды, по их мнению, литературный язык должен вернуться назад, к славянскому языку церковных книг, а в основе его должны лежать «высокий» и «просторечный» стили, и поэтому «архаисты» выступали против реформы русского языка, которую проводили «карамзинисты» или общество «Арзамас», участниками которого были В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин и др. Они, в свою очередь, предлагали сблизить разговорный и книжный языки, положить в основу литературного языка так называемый «средний стиль» языка.

В ходе данного спора стало понятно — в создании литературного языка должны участвовать сразу все три стили, в итоге так и случилось: теперь никто не писал в каком-то одном из них, в произведениях ими играли. Однозначного победителя в полемике не оказалось — идеи и тех, и других сплелись вместе, сформировав единый русский литературный язык.

В качестве заключения хотелось бы сказать, литературные споры возникают в разное время в разных местах, но большинство из них затрагивает проблему старого и нового, тем самым перекликаясь между собой. Конечно, рано или поздно они затихают, но спустя некоторое время обязательно разгораются вновь, чтобы доказать — история всегда будет идти вперед и устаревающее уступит место плодам прогресса.

Литература

Набоков В.В. *Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина: критика*. СПб.: Искусство-СПБ, 1999.

Кулешов В.И. *История русской литературы XIX века: Учебное пособие*. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Плавский З.И. (ред.). *История зарубежной литературы XVII века*. М.: Высш. шк., 1987.

Bertrand J.-P., Saint-Amand D., Stiénon V. Les querelles littéraires: esquisse méthodologique // *COntEXTES*. 2012. №10. URL: <http://contextes.revues.org/5005> (accessed: 01.10.2017).

Кошкина Е.И.

(БГУ им. академика И.Г. Петровского, бакалавриат, 5 курс)

**Эпонимические мифологизмы
в медицинской терминологии**

Культура древней Греции и Рима оказала колоссальное влияние на развитие медицинской лексики, основную часть которой составляет специальная терминология. Значительную часть этой терминологии составляют единицы, которые берут начало от античных мифологизмов.

Актуальность и новизна состоит в том, что экспансия мифологических образов в профессиональные сферы заслуживает внимания, а лексико-семантическая категоризация терминов-эпонимов требует дальнейшего изучения.

Методом сплошной выборки из медицинских словарей и справочников нами было выделено 60 лексем и неоднозначных наименований героев, послуживших мотиватором для номинации в медицине, и проанализировано около 300 эпонимических терминов.

Результатом исследования может служить следующая классификация медицинской терминологии мифологического происхождения по тематическим группам.

Название отраслей медицинской науки. Венерология, гигиена.

Имя мифологической Психеи стало частью терминов, которые означают отрасли науки: *психология, психиатрия, психотерапия.*

Танатология — учение о закономерностях умирания и обусловленных ими изменениях в органах и тканях. Мотиватором данного термина послужила усеченная основа антропонима Танатос, обозначающего смерть [Щукин 2006: 97].

Эпонимические термины, обозначающие анатомические образования. Ахиллово сухожилие

(пяточное) — самое крепкое сухожилие человеческого тела, которое присоединяется к пяточному бугру. Мотиватором к образованию термина послужил миф об Ахилле. Мать Фетида окунула младенца в холодные воды реки Стикс, желая сделать его бессмертным. Лишь осталось одно уязвимое место, не омытое водами — пятка ребенка, за которую Фетида держала сына. *Субарахноидальное пространство* (паутинообразная оболочка головного мозга, внешним видом напоминающая паутину). Термин образован от онима Арахна — дерзкая героиня, бросившая вызов богам. За это Афина превратила ее в паука [Кун 2005: 29]. *Атлант* — первый шейный позвонок, при помощи которого череп соединяется с позвоночником. Мотивацией к образованию термина послужила функция, выполняемая мифологическим героем. Атлант держал на себе весь небесный свод, равнозначно как первый шейный позвонок держит на себе череп [Неборак 2001: 39].

Эпонимические термины, обозначающие методы лечения и исследования. Гименотомия (от онима Гименей) [Щукин 2006: 92], *лабиринтэктомия, ахиллотомия, гелиотерапия* — метод лечения общим и дозированным солнечным облучением. Термин образован от онима Гелиос — бога солнца [Там же: 82], *гипнотерапия* — использование состояний для лечебного воздействия на тело и разум за счет мобилизации ресурсов подсознания. Термин образован от имени греческого бога сна. *Эхография* — метод исследования, основанный на применении ультразвуковых волн для изучения органов и структур внутри тела человека. Название этого метода восходит к мифу о прекрасной нимфе, которую прокляла жена верховного бога греческого пантеона, Зевса. По воле Геры Эхо была лишена собственного голоса и могла лишь вторить [Неборак 2001: 506].

Сложные эпонимические термины. Никтофобия — боязнь ночи. Мотиватором к образованию сложного термина

послужили онимы героев античной мифологии — Нюкты (богини ночи) и Фобоса (бога страха) [Там же: 263]. Существует множество сложных эпонимических терминов. Приведем лишь некоторые примеры: *эротомания*, *танатофобия*, *гермафродит*.

Гермафродит — организм, обладающий признаками мужского и женского пола. В греческой мифологии нимфа, влюбленная в сына Гермеса и Афродиты, не добившись его любви, умолила богов соединить ее с ним навек. Так получилось двуполое существо [Там же: 89].

Эпонимические термины, образующие названия лекарственных средств. *Панацея* — мифологическое средство от всех болезней, названное в честь богини Панакеи, все излечивающей дочери Асклепия — бога медицины и врачевания в древнегреческой мифологии [Блейхер 1995: 233]. Обычно употребляется частицей *не*, означая предполагаемое средство, которое решит все проблемы, причем не только медицинского характера. Морфин (Морфей — бог сновидений); *атропин* — яд, но в малых дозах лекарство (образован от нимфы Атропы — богиня судьбы, которая перерезает нить жизни). *Адонис* (горицвет). Название дано растению по красоте цветка, в честь прекрасного юноши Адониса — любимца Афродиты. Во время охоты кабан смертельно ранил Адониса, и Афродита, чтобы сохранить память о нем, велела богиням вырастить из крови Адониса цветок [Кун 2005: 41]. *Артемизия* (полынь — растение богини охоты Артемиды); *мята* (Мента).

Эпонимические термины, в состав которых входит имя исторического персонажа. Это не мифологические герои, но время их существования настолько далеко от сегодняшнего дня, что описание их жизни обрастает различными мифами и легендами. *Комплекс Ксантиппы* (назван по имени жены греческого философа Сократа, прославившаяся репутацией сварливой жены), *маска*

Гиппократа, синдром Диогена (клиническое состояние, характерное пренебрежительным отношением людей к бытовым вопросам, ранее имевших социальный успех. Назван по имени философа, жившего в бочке).

Эпонимический термин, образованный путем метафорического переноса. Голова Медузы — расширение подкожных вен передней брюшной стенки со змеевидным ответвлением вокруг пупка, напоминающим голову античной Медузы Горгоны.

Гиппокамп — отдел головного мозга, который по своему внешнему виду напоминает морского конька — мифологического животного, у которого передняя часть тела как у лошади, а задняя похожа на рыбий хвост.

Эпонимы, перешедшие в определения, используемые в медицинской практике. Хронический (бог Хронос владел временем) [Там же: 5], *летаргический сон, летальный исход* (Лета — река забвения, испившие из нее, забывали свою прошлую жизнь) [Там же: 14], *панический страх* (образован от онима Пан) [Там же: 65], *субфебрильная температура* (Фебрис — богиня лихорадки).

Эпонимы, обозначающие названия болезней. Гигантизм [Щукин 2006: 96], *циклопия* (в основе термина оним Циклоп — мифический великан с одним круглым глазом посреди лба) [Стивенсон 1972: 120], *арахноидит* — воспаление оболочки головного мозга (от онима Арахна).

Эпонимические термины, используемые в психиатрии. Богиня Мания насылала безумие, которые вызывало болезненное психическое состояние и нездоровую одержимость. Отсюда *мания* используется как составная часть сложных или составных слов: *пиромания, мания величия* [Неборак 2001: 221]. Термины, имеющие структуру: апеллятивный компонент + имя в генетиве: *Мышление Януса* (Янус — древнеримское божество с двумя ликами, обращенными в разные стороны), *комплекс Иокасты, синдром Ио* (в мифологии возлюбленная Зевса, преследуемая

Герой. Синдром обозначает повышенную двигательную активность). Суффиксальные термины-эпонимы: *нарциссизм* (Нарцисс), *геростратизм* (Герострат). *Амнезия* (в основе оним Мнемосина — богиня памяти), *фобии* (Фобос — бог страха) [Ушаков 1973: 137], *гебефрения* (Геба — богиня юности).

Эпонимические термины, имеющие мифологизированный оним из литературного источника. За собственным именем стоит нарратив: *комплекс Эдипа* (характеризуется влечением сына к матери), *Медеи, Федры, Клитемнестры, Ореста, Антигоны* [Кун 2005: 207 — 462].

Происхождение немалого количества медицинских терминов, связанных с античной мифологией, показывает, что эти термины не только не потеряли своей значимости и актуальности на сегодняшний день, но и наоборот, еще больше укореняются в медицинской номенклатуре благодаря своей этимологии.

Литература

Блейхер В.М., Крук И.В. *Толковый словарь психологических терминов*. М.: МОДЭК, 1995.

Кун Н.А. *Легенды и мифы Древней Греции*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

Неборак Ю.Т., Крулёв К.А. *Толковый словарь: Традиционная и нетрадиционная медицина*. СПб.: ИГ Весь, 2001.

Стивенсон А., Дэвисон Б. *Медико-генетическое консультирование*. М.: Медицина, 1972.

Ушаков Г.К. *Детская психиатрия*. М.: Медицина, 1973.

Щукин Ю.В., Бекишева Е.В., Князькина Л.Е. *Греко-латинская терминология внутренних болезней (пропедевтика)*. Самара: Самарский гос. мед. университет, 2006.

Кузнецова А.В.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, бакалавриат, 3 курс)

Лингвопоэтический анализ португальской колыбельной

При общении с людьми другой национальности мы неизбежно сталкиваемся не только с трудностями преодоления языкового барьера, но и с проблемой мировидения, которое разнится от народа к народу. Зачастую мы не осознаём того определённого угла зрения, под которым мы смотрим на мир и воспринимаем его. Формируется наше особое мировосприятие посредством постепенного впитывания национальной культуры, одним из носителей которой является фольклор.

По словам В.П. Аникина [Аникин 2004], фольклор — это «опыт» народа, его этническое самосознание, хранитель культурной и исторической памяти, который постоянно проявляется в настоящей реальности как нечто «надвременное» и «надындивидуальное», вечное, непрерывное, целостное, что объединяет людей одной национальности между собой. Идея фольклора у каждого народа особенна.

Я хотела бы рассмотреть тот фрагмент картины мира португальского народа, который предстаёт перед нами через такой жанр детского фольклора, как колыбельная песня.

Главной целью колыбельной, конечно, является убаюкать ребёнка. Вторая, «побочная» цель — воспитательная и поэтическая, передача отношения взрослого к миру, выражение его чувств, переживаний и эмоций. Однако нельзя недооценивать этот второй аспект колыбельных. Он чрезвычайно важен для настоящего исследования.

Согласно современным исследованиям детских психологов, до пяти лет закладываются основы личности человека. Это именно тот возраст, когда детям поются колыбельные. Именно мать через колыбельную помогает ему

узнать о мире и его месте в нём. При обоюдном согласии ребёнка, жаждущего познать и упорядочить окружающую действительность, и матери происходит важнейший, судьбоносный и «неотвратимый» процесс обмена основополагающей информацией. Мать в колыбельных неустанно поёт о том, что она любит своё дитя. Так у зарождающейся личности формируется жизнелюбие, эмоциональное здоровье и уверенность в своей нужности и ценности, стойкость духа и подсознательный оптимизм, который проявится у выросшего человека. Она же даёт представление о той особой действительности, которая характерна именно для этого народа, она закладывает модель поведения, присущую именно этому национальному социуму, способ мировидения, мирозидания и нравственных путей действия в этом мире. Именно тогда зарождается личность человека, осваивается родной язык и ребёнок становится «человеком национальным».

Таким образом, проанализировав португальские колыбельные, мы можем предположить, каким будет видеть мир выросший португальский ребёнок, на что он будет обращать внимание, а что, наоборот, упускать из виду. Воспринимаемый им образ мира предстанет перед нами яснее, если мы сопоставим португальскую колыбельную с родной, знакомой нам русской колыбельной песней.

В отличие от русской, португальской колыбельной свойственна большая краткость, лаконичность, обращённость к евангельским сюжетам и использование образа Святого Семейства не только для изображения сцены из Писания, но и для выражения нежности к своему собственному ребёнку и своей семье. Надо заметить, что ангелы, святые, Богородица и Христос нечасто появляются в русских колыбельных. А если и появляются, то, скорее, как защитники, о которых много не говорится, отношение русской женщины к ним благоговейное, но несколько отстранённое, уважительное. В русских колыбельных нет

такого проникновенного, такого личного переживания страданий Христа.

Os filhos dos homens ricos, deitados em lençóis finos.../ E só vós, ó meu Menino,/ aqui cercado de espinhos! (Дети богатых людей/ Лежат на тонких простынях.../ И только Вы, мой Мальчик,/ Здесь, окружённый шипами!) [Sousa 2004: 46]	Лю-лю-лю, да Натальюшко./ Спи, спи, моё дитяtko./ Бог тебя дал,/ Богородица дала/ Да пожаловала:/ Она крылушкоm махнула/ Да на окошечко пихнула.../ Спи, Бог с тобой./ Спи, Христос с тобой./ К нам весна красна придёт,/ Да красно солнышко взойдёт,/ Да роса на землю падёт... [Мартынова 1974]
--	---

Мать в португальских колыбельных нередко плачет от того, что не знает, какую судьбу Бог уготовил её ребёнку. Интересно, что русская женщина в этом случае всегда гораздо более уверена в лучшей, прекрасной судьбе для своего малыша.

Огромную роль в колыбельных песнях обоих народов играют мифологические существа, они занимают большую часть во всём корпусе колыбельных. Они делятся на два типа: добрые, те, что заботятся о ребёнке и злые, которых мать прогоняет, просит не мешать спать ребёнку, умоляет не забирать его. Важной особенностью португальских колыбельных является тот факт, что персонажи первого типа напрочь отсутствуют. Их функцию выполняют Богородица, Христос, ангелы и святые. Зато чудовищ довольно много: *Rapão*, *Farronca*, *Coca*, *Medo*, *Vruха*, *Pesadelo* и таинственная *Moça do telhado*. В русской же мифологии добрых и злых существ, связанных со сном, — почти поровну. Добрые — это Сон и Дрёма, Упокой (Угомон), злые — Бука и Бабай (иногда Мамай, Харыбай).

В португальских колыбельных чрезвычайно редки животные образы, а если упоминание о зверях или птицах всё же встречается, то животные эти оцениваются негативно

и часто обладают демоническими чертами. Животные персонажи выполняют роль чудовищ, которые могут причинить ребёнку только страдание и беспокойство. Постоянное появление в наших колыбельных животных образов, наделяемых определёнными чертами характера, силой, принадлежностью к злой или доброй силе, этому или «тому» свету свидетельствует о том, что русский фольклор несёт на себе больше языческих отпечатков. Португальский же фольклор, как пишет Вашконселуш [de Vasconcelos 1907], создавался и развивался именно в религиозной атмосфере.

В растительных образах португальской колыбельной ещё остаются языческие представления древности, но часто они переосмысливаются сквозь христианскую призму видения (некоторые растения начинают олицетворять какого-то святого или даже целый евангельский эпизод). Например, упоминание розмарина как растения, под которым отдыхала Дева Мария с Иисусом во время бегства в Египет, лавра, олицетворяющего Святую Анну, соломы и шипов как атрибутов пещеры, где родился Младенец Христос, апельсинового сада как образа рая.

Ни комната, ни дом, ни двор, ни близлежащая местность в португальской колыбельной никогда никак не описывается. Редко можно увидеть описание колыбели (колыбелька из розмарина, из оливы, золотая колыбель, «мягкая дорога») и простыней (простыни из тонкого батиста, одеяла из атласа), но часто богатое убранство кровати выступает как антитеза бедному и неудобному пристанищу Иисуса Христа. Могут появляться деревья и рощи (чаще всего — райский сад, населённый ангелами) и разные виды водных источников, у которых Богородица стирает пелёнки Младенца Христа. В наших же колыбельных подробно описывается изба с многочисленной утварью, двор, предметы одежды, леса и поля, причём указывается цвет и другие характеристики многих вещей. Русская колыбельная разрастается вширь, но при этом каждый, описываемый ею

предмет и каждое живое существо отсылают нас или к «нижнему» миру, или к миру горнему, так как фольклор, по словам В.П. Аникина, никогда не является бытописанием.

Нечасто в португальской колыбельной можно встретить описание быта простой земной семьи. Если всё же идёт речь о семье ребёнка, то чаще всего она печальна, иногда даже трагична. Нередко встречаются вариации колыбельной, повествующей об усталости матери, об эмоциональном истощении, дошедшем до того, что она хочет плакать. (В наших колыбельных часто читаем обстоятельное описание того, что делает каждый член большой семьи). Порой португальские колыбельные поёт бабушка, которая и рассказывает о родителях. Интересно, что речь бабушки может представляться как речь Святой Анны, которая обращается к Своему Внуку и рассказывает Ему о Его Матери.

Таким образом, мир, каким его рисует португальский народ через колыбельную песню, — это мир, будто бы устремлённый ввысь, как тонкая закрученная колонна готического храма, мир, глядящий на себя сквозь благоухающие золотые сады рая, по которым в своей трудной, зачастую печальной, омытой кровью Христа жизни он тихо тоскует.

Литература

- Аникин В.П. *Теория фольклора*. М.: Высшая школа, 2004.
- Ветухов А.В. Народные колыбельные песни // *Этнографическое обозрение*. 1892. № 1. С. 131-155; № 2-3. С. 127-143; № 4. С. 96-116.
- Мещерякова С.Ю. Путь к материнству начинается с младенчества // *Дошкольное воспитание*. 2002. №11. С. 81-89.
- Мартынова А.Н. *Детский поэтический фольклор*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
- Толстой Н.И. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М.: Индрик, 1995.
- Толстой Н.И. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. М.: Международные отношения, 1995-2012.

- Braga T. *O povo portuguez nos seus costumes, crenças e tradições*. Coimbra: Universidad de Coimbra, 1885.
- Giacometti M. *Cancioneiro popular português*. Lisboa: Gris Impressores, 1981.
- De Gubernatis. A. *La Mythologie des Plantes, ou Les Légendes du Règne Végétal*. Paris: Typographie Paul Schmidt, 1878-1882.
- De Vasconcelos, J.L. *Revista Lusitana*. Lisboa: Livraria Clássica, 1907.

Перевалов М.А.
(РУДН, бакалавриат, 4 курс)
Значимость политического дискурса
(на материале испанского языка)

Коммуникация в политической сфере всегда являлась объектом интереса различных исследователей лингвистики. Саму речь изначально можно считать непосредственно относящимся к политике явлением. Данную связь можно объяснить тем, что коммуникация есть ни что иное, как солидарность с другими членами общества. Политический дискурс — неотъемлемая составляющая современного общества, т.к. сама политическая деятельность в основном построена на языковой коммуникации между различными членами общества и состоит, по большей части, из речевых проявлений, заявлений и высказываний. На нём строятся не только взаимоотношения между различными государствами или политиками, но также он является основополагающим фактором построения отношений между режимами и народами определённых государств. Политический дискурс оказывает непосредственное влияние на состояние общества и его мнения.

Всё чаще язык рассматривается в качестве средства доступа к когнитивным и прагматическим процессам, протекающим в сознании человека, которые и определяют его функционирование в обществе. Понимание дискурса как

«коммуникативного события» включает в себя тесную связь коммуникативно-прагматических аспектов его изучения, что обладает особой важностью для политического дискурса.

Особое внимание необходимо уделить эвфемии, как одному из основных, если не главных, факторов политического дискурса. Понятие эвфемизации причисляется к языковым универсалиям и устойчиво сопровождает коммуникативный процесс, представляя собой одно из ключевых средств осуществления бесконфликтного и благополучного общения.

К примеру, в политическом дискурсе можно встретить метафоры, которые также служат средством эвфемизации. Результатом их употребления, аналогично с другими методами, становится вуалирование номинации с целью придания более нейтральной или даже позитивной коннотации. К примеру, в сфере дипломатического и политического дискурса метафорические замены встречаются в качестве обозначения военных действий, предназначенных для того, чтобы «очистить» государство: исп. *limpieza étnica*, *guerra limpia*, *limpiar*, рус. зачистка местности, этническая чистка — «*La limpieza étnica como plan maestro para crear un Estado serbio libre de otras comunidades en Bosnia, ya fueran musulmanes o croatas, ha marcado el estreno del proceso contra Ratko Mladic por genocidio ante el Tribunal Penal Internacional para la antigua Yugoslavia (ТРИУ)*» [Ferrer 2012].

Основной задачей эвфемии является обеспечение комфортной и бесконфликтной коммуникации. В силу своих особенностей, эвфемия также выполняет функцию средства манипуляции, так как средства эвфемизации используются для внедрения определенной оценки тех или иных событий и поступков. С помощью этих средств реальное представление может быть искажено и представлено иначе. Оценочность есть одна из особенных черт медийной речи, обусловленная воздействующим характером публицистических текстов, что

имеет непосредственное отношение к политическому дискурсу, основной функцией которого является коммуникативно-прагматическая передача информации с целью оказания влияния на участника процесса политической коммуникации. Конечная цель оказания какого-либо воздействия на коммуниканта заключена в ответной реакции и сам процесс воздействия основывается на ментальном воздействии на восприятие собеседником политического мира.

Литература

Кацев А.М. *Языковое табу и эвфемия: Учебное пособие к спецкурсу*. СПб.: Изд-во ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1988.

Родченко А.В. *Средства эвфемии в современном испанском языке (на материале кубинского национального варианта)*. М.: РУДН, 1999.

Уржумцева А.О. *Языковые особенности политического дискурса*. М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 2009.

Шейгал Е.И. *Эвфемизация в политическом дискурсе*. Волгоград, Изд-во ВГПУ, 2000.

Ferrer I. La denuncia de la limpieza étnica marca la apertura del proceso contra Mladic // *El País*. 2012 URL: https://elpais.com/internacional/2012/05/16/actualidad/1337148040_913451.html (acceso: 20.10.2017).

Побережная Л.М.

(РУДН, бакалавриат, 3 курс)

Проявление индивидуализма в англоговорящей культуре и его отражение в языке

Оппозиционные понятия «коллективизм» и «индивидуализм» как параметры классификации культуры порой очень точно могут охарактеризовать саму культуру и ее составляющие — менталитет или язык нации. И если ментальность жителей России мы отнесем скорее к

коллективистской, то индивидуализм является одной из ведущих характеристик западной культуры.

По статистике странами с самым высоким уровнем индивидуализма являются англоговорящие страны: США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия. Западное общество строится на понятии индивидуализма, который, в свою очередь, определяет не только характер государственности и политического строя, но и коммуникацию индивидов в различных сферах общества.

В соответствии со словарём Лонгмана, «индивидуализм — это вера в то, что права и свобода индивидуумов являются главными правами в обществе». Индивидуализм является врожденной чертой характера, и, следовательно, наследственной. Дети уже рождаются с тем, чтобы думать в контексте не «мы», а «я».

У истоков данного явления стоят взаимоотношения с Богом, проповедуемые протестантской церковью, где понятие индивидуализма является основой протестантской трудовой этики. «Личность — это священно. <...> Дорожить собой и любить себя — с этого реально начинается цивилизованная жизнь» [Богерт 1998].

В англосфере индивидуализм проявляется практически во всем: в отношении родителей к детям можно заметить более ярко выраженное уважение ребенка как личности; у тинейджеров — это проявление самостоятельности, стремление к независимости с раннего возраста; в профессиональной сфере — превалирование амбиций и собственных интересов в коллективе, предпочтение конкуренции и соперничества кооперации и сотрудничеству и т.д.

Индивидуализм четко прослеживается и в языке. Например, вы когда-нибудь задумывались, почему местоимение 'I' всегда пишется только заглавной буквой? Одной из причин данного феномена является теория о том,

что заглавная 'I' позволяет автору в своем произведении показать свою важность и авторитет. Автор словно заявляет о себе, привлекая к себе внимание читателя.

В англоговорящих странах существует неформальное обращение к вышестоящим лицам (подчиненные-начальство, студент-преподаватель): «Hi, Thomas/Hi, Frank». Это является нормой для дистантных культур, однако вызывает непонимание у представителей контактных культур, так как воспринимается неуважение по отношению к лицам старшего возраста [Hall 1983: 114].

Яркое выражение индивидуализма можно найти и в синтаксисе английских предложений. Их конструкция имеет жесткую структуру: субъект, предикат, объект. Согласно научной статистике, лишь в 30% от общего количества английских предложений нет субъекта, в то время как, к примеру, в японском языке эта цифра куда больше — целых 75% [Jandt Fred 1995: 33]. Доминирующую ориентацию на субъект особенно хорошо можно увидеть при сравнении английских синтаксических структур с русскими: *I am a Florentine* — *Зовут меня Флорентиной*; *I care for nobody* — *Меня никто не волнует*.

Помимо преобладания огромного количества личных конструкций с активным субъектом, индивидуалистическое мировоззрение англичан подтверждается тем фактом, что доля использования и значение местоимения «я» ('I') выше, чем доля обобщающего «мы» в английском языке (по сравнению с русским). Например, во многих английских текстах встречаются следующие конструкции с усиленным (по сравнению с русским) значением местоимения I: *Do I know you?* — *Мы с вами разве знакомы?*; *Come and play with me* — *давай с тобой поиграем*; *My daughter and I* — *мы с дочерью*. Этим подчеркивается значение говорящего как индивида, усиливает важность личности.

Без сомнений, ключевым понятием в англокультуре можно назвать культ индивидуума, где индивидуум

рассматривается как «человек, имеющий право на собственные мысли, мнения и чувства». Это находит отражение не только в поведенческих установках и характере жителей англоговорящих стран, но и в языке, а впоследствии и в процессе коммуникации. Данное заключение помогает нам понять, что некоторые аспекты языкового поведения жителей англоговорящих стран, которые кажутся нам девиантными, на самом же деле являются частью их культуры и менталитета.

Литература

Зарецкий Е.В. *Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками)*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008.

Ларина Т.В. *Межкультурная коммуникация: читаем и обсуждаем*. М.: РУДН, 2015.

Майол Э., Милстед Д. *Эти странные англичане/пер. с англ. И.Тогоевой*. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001.

Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2004.

Рудакова Е.С.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

Формы обращений как отражение социокультурных особенностей разных народов

Формулы обращения в разных языках и культурах были изучены в многочисленных исследованиях отечественных и иностранных лингвистов. В результате были определены многочисленные категории вариантов обращений, которые отражают социальную структуру, культурный контекст, ценности и убеждения, характерные для определенного общества, а также было выяснено, что существует огромная разница в частоте и выборе обращений

и уровне формальности-неформальности, принятые в культурах.

Н.М. Фирсова отмечает, что «реализация единиц речевого этикета в стереотипных ситуациях маркирована как на уровне различных языков, так и на уровне различных национальных вариантов одного и того же языка» [Фирсова 2000: 9]. Н.М. Фирсова также акцентирует внимание на том, что яркие различия в нормах речевого поведения проявляются на межъязыковом уровне.

Например, в обществах с чётко выраженной иерархией и ориентацией на социальный статус, где соблюдаются традиционные ценности уважения к старшим, выбор форм обращения имеет огромное значение. Так, в Корее, социальные нормы и возрастная градация соблюдаются даже в рамках семьи. Там младший брат не может обратиться к старшему по имени: обязательна особая форма обращения *hyeng* — «большой брат». Любопытно, что обращение по имени имеет очень узкий круг применения и используется только при общении детей-ровесников, очень близких друзей-ровесников или взрослых, которые обращаются к маленьким детям. В корейском языке существует огромное разнообразие форм обращений в зависимости от ситуации и её участников. Эти слова содержат определённую информацию: социальное положение, профессию, возраст и т.д. Корейцы практически никогда не представляются по имени, так как имя не обладает особой важностью и не несёт никакой информации о человеке.

В китайской культуре тоже соблюдается традиция уважения к старшим и отражается в формулах обращения. Члены семьи и родственники называют друг друга исключительно в соответствии с возрастной иерархией. К примеру, имеют место такие обращения, как «жена третьего по старшинству брата», «мать старшего дядя со стороны отца» и т.д. Более того, в Китае большое внимание уделяется социальной дифференциации общества, и используется

термин «Gui», обозначающий «уважаемый», «почтенный». Для обращения к более низким по статусу людям существует слово «Jian».

В Иране обращение по имени не принято и считается невежливым. Даже в процессе коммуникации близких людей или друзей всегда добавляется языковая единица, символизирующая почтение и уважение. Обычно это частицы *âghâ* — соответствует английскому Мистер и *jân* — дорогой, которые употребляются до или после имени. Обращение только по первому имени возможно среди подростков, взрослых в отношении детей. Также в формальной обстановке, где социальная иерархия чётко регламентирована (школа, армия), учитель или командир обращается к ученикам/солдатам по полному имени.

Западные культуры демонстрируют иную тенденцию. Хотя в европейских языках существуют особые формы обращений, к примеру, местоимения для выражения уважения, в целом наблюдается тенденция сокращения употребления этих форм. Ранее широкоупотребительными были слова *vous* во французском языке, *sie* — в немецком. Во многих западных языках обращение по имени широко применимо в различных ситуациях и социальных контекстах. Анна Вержбицкая отмечает, что подобное обращение только по имени среди малознакомых людей, обладающих разным социальным статусом в обществе, является яркой отличительной чертой англо-австрийской культуры [Вержбицкая 1992].

Итак, обращение лишь по имени даже в формальной обстановке становится общепринятым в западных культурах. Оно характерно для коммуникации в Британии и Ирландии, а также в ряде других стран. Тем не менее, в некоторых западных культурах до сих пор функционируют формы обращения по статусу, и они характерны именно для формального общения. Так, исследователи отмечают, что в Австрии до сих пор существует и широко используется

огромный арсенал уважительных форм обращений [Hauman, Koch, Sornig 2005]. Здесь мы можем встретить такие выражения, как Herr или Frau, даже Gnädige Frau, ученые звания Magister, Doktor, Professor, Primarius, почтительные обращения Direktor Hofrat, Präsident и по политическому статусу — Landesrat, Nationalrat, etc. [Hauman, Koch, Sornig 2005: 87]. Крайне интересен тот факт, что даже обращение к жене или вдове нередко сопровождается титулом мужа.

Различие в формах обращения в разных культурах — это пример того, как организуются межличностные отношения в рамках определенной социальной среды. Они дают нам информацию о ценностях и нормах, принятых в этом обществе. Можно сделать вывод, что люди, обладая разными понятиями о ценностях и традициях, подстраивают язык под свои нормы и нужды.

Литература

Гольдин В.Е. *Обращение: теоретические проблемы*. М.: Изд-во Саратовского ун-та, 1987.

Фирсова Н.М. *Испанский речевой этикет*. М.: «Инфра-М», 2000.

Hauman S., Koch U., Sornig K. *Politeness in Austria: Politeness and Impoliteness*. Bristol: Multilingual Matters Ltd., 2005.

Larina T., Suryanarayan N. *Madam or aunty ji: address forms in British and Indian English as a reflection of culture and cognition*. Duisburg: DASK, 2013.

Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York: Oxford University Press, 1992.

Тугова Е.В.

(РУДН, аспирантура, 3 курс)

**Изучение публицистического аспекта процесса
переключения кода в билингвальной речи
на примере англоязычных публицистических изданий**

Кодовое переключение можно охарактеризовать как явление перехода с одного языка на другой в речи билингва или же индивида, обладающего достаточной языковой компетенцией. Основным показателем структуры кодового переключения является когерентность переключаемых сегментов со структурными семантическими и прагматическими особенностями матричного языка [Myers-Scotton 1992]. Билингвы, пытаясь уменьшить свои ментальные усилия, необходимые для контроля и ответа в рамках акта коммуникации, выбирают выражения, которые являются более доступными для них автоматически. Когнитивная мотивация в этом случае обладает достаточной силой, чтобы побороть социальные и коммуникативные ограничения в речи.

Ф. Грожан утверждает, что в зависимости от степени активации альтернативного языка, билингв может находиться как в монолингвальном, так и в билингвальном режиме, при котором один из языков всегда будет базовым, а другой — второстепенным. Данная предпосылка лежит в основе понятия матричного. Многие современные исследователи склонны считать, что ко-активация двух языков — довольно распространенное состояние, обуславливающее наличие таких языковых вариаций, где постоянное кодовое переключение является нормой. Одновременная активация семантических подсистем на концептуальном уровне — типичное состояние, которое наглядно проявляется при интерпретации метафоры, иронии и других приемов, построенных на взаимодействии разноязычных семантических значений [Gardner-

Chloros 2009]. Рассмотрим пример метафорического переключения кода:

With ambassadors such as Julia Roberts and Lupita Nyong'o it has become the epitome of radiance and *joie-de-vivre* [Elle South Africa July 2015]

(С такими звездными посланниками, как Джулия Робертс и Лупита Нионго, бренд стал образцом великолепия и красоты жизни.)

В этом предложении используется знаменитая французская фраза *joie de vivre*, то есть она вводится, чтобы отразить яркую картину радости жизни, тем самым представляет собой концептуальный образ всего самого лучшего, что есть в жизни.

Если считать, что билингвизм есть особый случай более широкого явления стилистической вариации, то переключение между языками должно рассматриваться как отличающееся лишь по степени стилевой окрашенности от переключения внутри одного языка, и действительно, в коллективах, где большинство говорящих двуязычно. Следовательно, в правилах выбора языка можно увидеть действие в точности тех же параметров, которые появляются при попытке соотнести молилингвальный выбор языковых элементов с ситуативными факторами преимущественно социологического характера. Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое — другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова — другому и т. п. [Елоева, Русаков 1990]. Например:

I like to meet my interior — designer friend at Lady M's Boutique, a **patisserie** so high-class it's the Tiffany's of cakes.

(Я люблю встречаться с моим другом дизайнером интерьеров в бутике «Леди М», очень пафосной кондитерской, которую можно назвать Тиффани среди магазинов тортов).

Английское слово *bakery* заменяется французским аналогом *patisserie*, чтобы подчеркнуть высокий статус заведения. Это существительное согласуется с английским прилагательным *high-class*, тем самым, подтверждая теорию о границе различных языковых кодов.

И. Матрас опровергает теорию о том, что иноязычные вкрапления являются «престижными», «социально-мотивированными» и «подверженными социальному давлению» без определенной связи с социальными условиями, влиянием разговорного языка и коммуникативных интенций, а также особой функциональной роли заданной структуры или категории [Matras 1993: 2012].

Итак, стоит отметить, что переключение кода можно отграничить как отдельное стилистическое явление от билингвизма, благодаря тому, что для этого процесса не обязательно быть билингом. Люди, владеющие несколькими фразами на другом иностранном языке, тоже могут применять этот процесс в действии.

Литература

Елоева Ф.А., Русаков А.Ю. *Проблемы языковой интерференции*. Л.: ЛГУ, 1990.

Clyne M. *Dynamics of language contact. English and immigrant languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Gardner-Chloros P. *Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Lewis C. New York: it's show time // *Harper's Bazaar*. 2015. № 9. P. 293. URL: <http://www.harpersbazaar.com/uk/travel/travel-guides/news/a34098/new-york-its-show-time/> (accessed: 15.10.2017).

Matras Y. *An activity oriented approach to contact-induced language change. Dynamics of contact-induced change*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.

Myers-Scotton C. Codeswitching as socially motivated performance meets structurally motivated constraints // *Thirty Years of Linguistic Evolution*. 1992. P. 417–428.

Myers-Scotton, C. *Contact linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Myers-Scotton, C. *Duelling languages. Grammatical structure in Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Фокина М.В.

(РУДН, магистратура, I курс)

Специфика обсуждения цены в китайской культуре

Китай стремительно расширяет сферу влияний в самых разных сферах жизни, в частности, в торговле. На сегодняшний день зона динамичного развития успешного осуществления рыночных реформ является одной из приоритетных в КНР, так как Китай в кратчайшие сроки превратился в крупнейшего в Евразии реципиента прямых иностранных инвестиций [Перфильева, Кравцова, Чжан 2014: 230]. В 2013 году Китай стал первой торговой державой, сместив США на второе место. По показателям в полтора раза выросла суммарная стоимость китайского товарооборота — до \$4,16 трлн., экспорт — до 2,21 трлн. долларов, импорт — на 1,95 трлн. долларов, согласно статистическим данным, приведённым на страницах «Мировых финансов» [Мировые финансы].

В связи с проведёнными исследованиями можно утверждать, что пласт лексики, связанной с торговлей, значителен. Так, согласно китайскому словарю 漢語大詞典, синонимический ряд лексем соответствующих понятию «торговаться», насчитывает 33 единицы. Благодаря корпусу китайского языка, составленного преподавателями Пекинского Университета [CCL 語料庫], нами были выявлены наиболее часто употребляемые в современном китайском языке вариации, из которых 还价 huánjià насчитывает 1641 пример употреблений в корпусе и 讨价还价 tāojià huánjià — 1469 совпадений. Существует 4

устойчивых выражения, со словом торговаться: 斤斤计较 jīnjīnjǐjiào — проявлять мелочность, торговаться из-за каждой копейки, 分斤掰两 fēn jīn bāi liǎng — мелочиться, жадничать, дрожать над каждой копейкой, 分厘必争 fēnlí bìzhēng — не уступать ни копейки, торговаться за каждый грош, и пекинское диалектное выражение 不打价儿 bùdǎjiàr, что означает «цена без запроса, торговаться нельзя».

Согласно результатам количественного анализа, среди отобранной нами лексики наиболее характерными для китайской лингвокультуры являются постоянные покупатели, мелкорозничные торговцы, в то время, как продавцы недвижимости, подставные покупатели отобраны минимально, в числе выбранной лексики есть устаревшие варианты «продавцов», не употребляемые в современной речи в силу того, что какая-то ветвь торговли прекратила своё существование. В большей степени для передачи концепта «торговаться» используется сочетание 还价. Результаты исследования показали, что в китайской лингвокультуре пласт торговой лексики обширен, что указывает на важность торговых отношений и их многогранность. Так же мы можем утверждать, что продавцов газет и книг, а также цветов значительно больше, нежели клерков, продавцов недвижимости или опционала. Вероятно, это связано с тем, что в Китае очень развита мелкорозничная торговля на рынках и улицах.

Часто коммуниканты прибегают к невербальным методам воздействия на запрашиваемую цену: разворачиваются, чтобы уйти; уходят; улыбаются; продавцы активно показывают товар; покупатели вдумчиво его рассматривают, затягивая время.

Этикетные речевые формы обрамляют все диалоги. Они разделяются на иницирующие и финальные. К первым относится тактика вежливости, проявляющаяся через

«приветствие» и «обращение». Они служат формой вступления в диалог, призваны вызвать симпатию и расположение собеседника, способствуют привлечению внимания собеседника; выполняют фактическую и призывно-побудительную, вокативную функции. По коммуникативной цели — управление поведением адресата — этикетные речевые жанры приближаются к императивным. Участники общения изначально используют стандартные для официальной разговорной речи общеупотребительные формы приветствия (Здравствуйте; Добрый день/утро/вечер!) и обращения: учитель (10% случаев), хозяйка (20% случаев), красавица, девушка (50% случаев) или не обращаются вовсе, но затем легко от них отказываются, предпочитая дистантному общению неформальное. В речи продавца обращение встречается крайне редко, а приветствие выступает в препозиции к предложению товара, поэтому приветствие часто воспринимается как предложение услуг: что вас интересует, не желаете ли ещё что-нибудь, подойдите, посмотрите, какой хороший товар! Финальные этикетные выражения также формальны, они завершают диалог и по функции являются скрытым или явным соглашением об успешной сделке.

Литература

Перфильева Ю.В., Кравцова Л.И., Хайфэн Чжан. Китай и международная торговля // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014. № 5-1. С. 230-232.

CCL 语料库在. Корпус китайского языка. URL: <http://www.cncorpus.org/> (дата обращения: 15.10.2017).

漢語大詞典. Корпус китайского языка Пекинского Университета. URL: <http://www.zdic.net> (дата обращения: 15.10.2017).

Мировые финансы // *Китай — крупнейшая мировая держава*. URL: <http://global-finances.ru/kitay-krupneyshayatorgovaya-derzhava> (дата обращения: 06.10.2017).

Чиненная Ю.Д.

(РУДН, аспирантура, 2 курс)

**Проблема речевого этикета в политической карикатуре
(на материале французского языка)**

В современной лингвистике существует традиция изучать не только язык и его внутренние процессы, но и смежные аспекты речевой деятельности, как, например, речевой этикет, исследованию которого посвящены множество трудов российских и западных ученых: В.Е. Гольдин (1978), Т.В. Ларина (2003), Н.И. Формановская (1989), П. Браун (1987), Р. Дж. Уоттс (2003) и др.

Согласно Н.И. Формановской, речевой этикет — это «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская 1987: 9].

Речевой этикет обслуживает все сферы речевого общения, как на обиходно-бытовом, так и на официальном уровне, и также является важным элементом политического дискурса.

Политическая карикатура как часть политического дискурса содержит основные постулаты речевого общения: количество, качество, отношение и способ, где количество — объем сообщаемой информации, качество — ее достоверность, отношение — привязанность к теме, способ — подача [Грайс 2004].

Однако политическая карикатура характеризуется тем, что она, во-первых, дает оценку сложившейся политической ситуации или тенденции, а во-вторых, своей масштабностью и распространенностью, что делает ее популярной.

Читатель политической карикатуры — среднестатистический житель страны, равнодушный к

процессам внутренней и внешней политики государства, обычно принадлежащий к определенной политической партии.

Целью политической карикатуры является не только сообщить об определенном событии/решении лидеров государств и высокопоставленных лиц, но и представить сообщение карикатуры иронично, не только для создания комического эффекта, но и для формирования у читателя определенного отношения к сообщаемой ситуации.

Несмотря на то, что политический дискурс часто ассоциируется с такими понятиями как: официальность, вежливость, настойчивость, языковая норма и др., в политической карикатуре сохраняется тенденция нарушения нормы речевого этикета в виду того, что, как было отмечено выше, карикатура — популярный жанр, спецификой которого является создание комичного.

В связи с этим в политической карикатуре мы можем наблюдать следующие нарушения языковой нормы и речевого этикета:

- сниженная лексика;
- ненормативная лексика;
- нарушение формулы приветствия и прощания;
- использование диалектной формы языка и просторечий;
- нарушение формы обращения к высокопоставленному лицу и др.

Например, в политической карикатуре на французском языке часто встречается обращение к президенту страны на *ты* (*toi*), приветствие лидера государства *Salut!* ‘привет’, использование сниженной лексики, например, *bouffon* ‘идиот’ и мн. др.

Подводя итог, отметим, что речевой этикет является предметом интереса различных дисциплин и достаточно изученным аспектом языка. Несмотря на то, что речевой этикет характерен для политического дискурса,

в политической карикатуре нами отмечены многочисленные формы его нарушения.

Литература

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика*. 1985. Вып. XVI. С. 217–237.

Дугалич Н.М. Средства создания образности в тексте французской политической карикатуры // *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 1 (62). С. 315–317.

Формановская Н.И. *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*. М.: Русский язык, 1987.

Юнкова Е.П.

(РУДН, аспирантура, 1 курс)

Особенности рекламного онлайн-дискурса (на примере испанского языка)

В центре данного исследования — компоненты испанского онлайн-дискурса. На примере двух рекламных страниц в социальной сети Facebook прослеживается зависимость параметров виртуального рекламного текста от типа целевой аудитории, анализируются приемы воздействия на адресата.

Для исследования природы дискурса ключевым является понятие «участник дискурса» [Найденова 2014: 5]. Понятие «онлайн-дискурс» является единым для многообразия вариантов речевой организации в сети Интернет. Его характерные черты — динамичность и интерактивность [Ушанова 2015].

Мы проанализировали две испаноязычные онлайн-страницы в социальной сети Facebook.com. Одна из них — «Florençia» — посвящена одноименному бренду модной женской одежды. Другая — «Pocholitas» — представляет одежду испанского дизайнера Noelia Rojo для детей от 2 до 8 лет. Анализ микротекстов вышеупомянутых сетевых

ресурсов мы предварили попыткой обозначить их целевую аудиторию — потенциальных реципиентов.

Приведем некоторые яркие примеры из первого блога:

«*Accesoriza tus looks con Basic Bags*» [<https://www.facebook.com/florencia.official/>]. Слово *look* сегодня активно употребляется в дискурсе моды в значении «модный образ». Сюда же можно отнести и императив от глагола *accesorizar*, являющийся неологизмом (ср. сущ. *accesorio* — «аксессуар»): эти единицы являются маркерами дискурса моды, позволяющими активно воздействовать на адресата.

«*Monday Outfits. Y tú, ¿te atreves con los flecos?*» — здесь мы снова встречаем маркер модного дискурса: *outfits*. Употребление местоимения 2 л. ед. ч. в подзаголовке выполняет прагматическую функцию сокращения дистанции с реципиентом.

«*Te echábamos de menos, octubre. A ti y a nuestros básicos de antelina*». Здесь *básicos* — калька из английского *basics* (предмет одежды из базовой коллекции того или иного бренда).

«*¡A por el martes! <...> Qué ganas teníamos de enfundarnos en nuestros nuevos jerséis y volver a respirar la esencia del casual look por los cuatro costados*»; «*Como nos gustan las pamelas con aires vintage lady*». — аналогичный пример использования англоязычных устойчивых сочетаний.

Англоязычный компонент может составлять существенную часть от общего объема микротекста: «*Al mal tiempo buena cara :) Touch of purple for a cloudy day*». Расхожий испаноязычный фразеологизм в качестве заголовка и графические средства выражения эмоций (смайлики) служат для привлечения внимания.

Язык виртуальной страницы бренда детской одежды «Pocholitas» [<https://www.facebook.com/Pocholitas/>] изобилует метафорами: «*Nuestras estrellas brillan con luz propia*»; «*Hay estrellas que brillan más por el día*». Метафора обладает

мощным потенциалом воздействия; давно подмечено, что «метафоры структурируют наше восприятие, мышление и деятельность» [Гусева 2007: 16; 64].

Обращение к адресату на данной странице ведется преимущественно от 1 л.мн. ч.: «*Lo pasamos bomba jugando ser modelos*»; «*...nos lo pasamos pipa diseñando la moda de www.pocholitas.es*».

Яркой особенностью микротекстов также являются диминутивы, в том числе в составе устойчивых выражений: «*Comenzamos la aventura de Pocholitas, pasito a pasito...*»; «*Nuestro taller de la imaginación está al dedillo, y no nos falta detalle para vestir a nuestras princesas*».

Обилие англоязычных вкраплений в испанский микротекст, метафоры, фразеологические обороты, диминутивы, а также графические средства — все это приближает язык сетевых страниц «Florençia» и «Pocholitas» к неформальному разговорному дискурсу. Выбор языковых средств обусловлен основной целью: привлечь внимание потенциального покупателя и установить с ним контакт.

Литература

Гусева Е.В. *Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности во французских и русских рекламных текстах*. Екатеринбург: Издательство Ин-та иностранных языков УрГПУ, 2007.

Найденова Н.С. *Лингвистические детерминанты постколониального художественного дискурса тропической Африки (на материале французского и испанского языков Новой Романи)*. Дисс. ...д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2014.

Ушанова И.А. *Анализ онлайн-дискурсов: традиции и перспективы (на материале немецких медиа)*. Н.Новгород: Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. №1. 2015. URL: <http://www.novsu.ru/file/1147335> (дата обращения: 17.10.2017).

Florençia. URL: <https://www.facebook.com/florençia.official/> (дата обращения: 17.10.2017).

Pocholitas. URL: <https://www.facebook.com/Pocholitas/> (дата обращения: 17.10.2017).

Юрова О.А.

(РУДН, бакалавриат, 2 курс)

**Функционирование экспрессивных средств
испанской лексики в спортивном дискурсе
(на материале футбольных комментариев)**

Изучение лексических особенностей разговорного стиля речи является важным аспектом развития теории языкового значения и функционирования языка.

В рамках парадигмы современной лингвистики, нацеленной на всестороннее изучение человеческого фактора в языке, возникают такие исследовательские задачи, как анализ прагматического потенциала разговорной лексики, изучение ее экспрессивных средств и их функционирования в практическом действии контекста. Материалом для анализа, проводимого в данном ракурсе, могут служить различные виды дискурса, в частности, спортивного, что обуславливает выбор лексических особенностей спортивных комментариев на испанском языке в качестве предмета настоящего исследования.

Экспрессивными средствами разговорной лексики считаются особенные языковые инструменты, позволяющие достичь желаемого эффекта. Экспрессивные средства разговорной лексики — это словообразовательные, лексические, фонетические, морфологические, фразеологические, синтаксические единицы, существующие в языках как системах для логического и эмоционального усиления разговорной лексики [Розенталь 2006: 193].

Так, в ходе матча Лиги Чемпионов футбольный комментатор произнес: «Es un perrito en el campo, grita, ladra y nada más!» (Он как щенок на поле, кричит, лает и ничего

больше!). При помощи сравнения игрока с беспомощным щенком репортер выразил свое негодование футболисту Дани Алвишу, спорившему с арбитрами матча, заработавшему штрафной в ворота команды. Данное сравнение придает отрицательную коннотацию высказыванию.

В футбольных комментариях также широко используются фразеологизмы, задействуется паремиологический фонд языка, например: «A la tercera va la vencida, pero ojo con Xavi, Iniesta...» (Бог Троицу любит, но осторожно с Хави, Иньеста...); «Dime qué tu equipo preferido y te diré quién eres» (Скажи мне, какая твоя любимая команда, и я скажу, кто ты).

Аллюзии на прецедентные феномены также повышают экспрессивность повествования. В ходе репортажа «Misión imposible» (Миссия невыполнима) репортер рассуждает о шансах сборной Испании по футболу повторить успех на Чемпионате Мира 2014 года в Бразилии, завоевать титул абсолютных чемпионов во второй раз. Данное выражение отсылает нас к фильму «Миссия невыполнима», что в этом контексте означает то, что поставленная задача невероятно сложна для команды Испании, но «ничего невозможного в этом мире нет».

Футбол в испанском языковом сознании представлен базовой метафорой «футбол — битва», при этом не менее важным является сближение игровой ситуации на футбольном поле с театральным действием. В большинстве случаев футбол ассоциируется с битвой, войной, дуэлью, поединком между противниками за право считаться сильнейшими, за абсолютное первенство.

Нередко используемым приемом является игра слов [Найденова 2009: 336].

В целом, футбол относится к зрелищному виду спорта, насыщенному остротой переживаний. Зрелищное действие считается «действием, приводящим к разрешению конфликта

по законам игровой стратегии действий, воспринимаемых болельщиками непосредственно в их развитии и сопровождаемых глубокими эмоциональными переживаниями участников и зрителей» [Цирик, Лукашин 2002: 207].

Создание образа футболиста в комментариях происходит за счет акцентирования внимания реципиента на следующих тематических доминантах:

- **физические данные:** «...tiene una velocidad vertiginosa» (у него головокружительная скорость);

- **психологические качества с компонентами оценки:** «...tuvolasangrefría...» (...он был хладнокровным...);

- **мастерство:** «El mayor futbolista europeo de los últimos 50 años» (лучший европейский футболист за последние 50 лет);

- **агрессивность, способность подавить соперника:** «La fiera» (зверь);

Кроме этого немаловажную роль в футболе отводится **опыту футболистов:** «El maestro en su oficio» (мастер своего дела);

Довольно часто в репортажах и комментариях акцентируется **высокооплачиваемость футболистов:** «El fichaje más caro de la historia del fútbol» (самый дорогой контракт в истории футбола);

Общественная деятельность, благотворительность футболистов тоже находятся в центре внимания репортеров и комментаторов: «...asignó 1.000.000 \$ al Fondo de la Paz» (он выделил 1.000.000 \$ в Фонд Мира).

Таким образом, любой футбольный репортаж и комментарий содержит различную лексику, употребляемую с разной эмоциональной окраской и смысловой нагрузкой. Экспрессивность достигается за счет использования метафор и фразеологизмов, а также апеллирования к фоновым знаниям носителей языка.

Литература

Найденова Н.С. *Межкультурные особенности рекламных слоганов. Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. II Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 16–17 апреля 2009 г.)*. М.: РУДН, 2009. С. 366–368.

Розенталь Д.Э. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. М.: Просвещение, 2006.

Цирик Б.Я., Лукашин Ю.С. *Футбол*. М.: Физкультура и спорт, 2002.

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Абрамова Я.Р.

(РУДН, магистратура, 1 курс)

Процесс детерминологизации как источник пополнения лексики общепотребительного языка

В последней четверти XX века на основе лексикологии сформировалась наука, которой предстоит сыграть в будущем развитии человечества исключительно важную роль. Некогда вопросы выбора и применения терминов касались в основном учёных и специалистов, однако сейчас наступающая компьютеризация всех областей человеческой деятельности заставляет всё большее число людей сталкиваться с проблемами специальной лексики, составляющей немалую часть слов современных языков.

Семиотическая сущность термина не полностью совпадает с обычным словом разговорно-бытового языка. Термин традиционно характеризуется как обычное слово в особой функции на том основании, что любая лексическая единица может быть употреблена в функции термина. Однако обратное «превращение» оспоримо, поскольку не любой термин выражен вербальными средствами. Природа термина не предусматривает асимметричности знака и означаемого. Синонимы и многозначные термины, встречающиеся в реальном терминопотреблении, отражают конкретные факты функционирования терминов, а не их природу. Тем не менее условия функционирования бывают столь сильными, что они оказывают на природу огромное влияние. В результате термин либо приобретает «двойников», либо сам становится носителем разных содержаний. Следовательно, на уровне отдельных знаков термины и слова общелитературного употребления при различии природы

оказываются соотносительными, как функциональные единицы [Даниленко 1977: 55].

Некоторым терминам семантического образования свойственно не только быстрое включение в терминосистему и закреплённость в ней, но и быстрый выход термина за границы терминосистемы, или же лексическая единица получает вторичное, метафорическое значение и начинает одновременно функционировать в общеупотребительном языке. Данный процесс определяется как детерминологизация. Процесс детерминологизации имеет свой механизм, свои причины и факторы. Основными причинами детерминологизации являются: устаревание некоторой теории или концепции в результате открытия новых научных данных и, как следствие, распад соответствующей терминосистемы; появление нового языкового знака, обладающего преимуществами перед прежним. При детерминологизации могут происходить, помимо функциональных, семантические и формальные изменения в лексической единице: она приобретает расплывчатое значение и начинает образовывать производные, сложные слова и словосочетания, не нужные терминосистеме.

Терминология из таких сфер человеческой жизни, как техника, интернет, медицина и др. часто встречается в разговорной речи. Объясняется это растущей среди простого населения технической грамотностью и проникновением прогресса, который внедряет в бытовое сознание новые реалии. Далее приведён пример обоюдного употребления в разговорной речи как терминологической лексики, так и её просторечных «синонимов».

— Представляешь, у меня вчера опять комп завис! — Будешь мастера вызывать? — Да я сам его отформатировал, только всю базу потерял.

Где-то тут была такая штучка, куда флешечку совать.

Следует также отметить, что нередко терминологическая лексика вступает в омонимичные отношения с общеупотребительной лексикой для различных целей, в частности, для создания стилистического эффекта — игры слов, и здесь весьма важен контекст. Например, на основе термина 艾滋病 àizībìng «СПИД» создано сочетание 爱资病 ài zī bìng «болезнь любви к капиталу; болезненное пристрастие к деньгам», а известное высказывание Дэн Сяопина 要向前看 yào xiàngqián kàn «нужно смотреть вперёд» превратилось в 向钱看 xiàng qián kàn «всё ради денег; отдавать предпочтение деньгам». На основе медицинского термина 气管炎 qìguǎnyán «трахеит» образовалась фраза 妻管严 qīguǎnyán «Муж, который боится своей жены; подкаблучник» [Щичко 2004: 70-71].

В терминах так же, как и в общелитературных словах метафорического образования, коннотация сохраняется как потенциальная и может быть возобновлена в соответствующих условиях, коннотационные компоненты терминов могут восстанавливаться при детерминологизации термина. Обязательными атрибутами детерминологизированных слов и выражений являются образность, эмоциональность, экспрессивность, и именно вследствие этих качеств «бывшие» термины входят в общелитературную лексику, и именно поэтому использует их современная художественная литература. Термины специальных областей знания служат постоянным источником пополнения словарного состава общеупотребительной лексики.

Литература

Даниленко В.А. *Русская терминология*. М.: Наука, 1977.

Щичко В.Ф. *Теория и практика перевода*. М.: Восток-Запад, 2004.

Болтенко М.С.
(РУДН, бакалавриат, 4 курс)
Соматические фразеологизмы в испанском, русском и украинском языках

Фразеологизмы занимают особое место в нашей жизни, помогая правильно выразить эмоцию, настроение, состояние человека. Фразеология, как раздел лингвистической науки в полной мере описывает сущность и употребление соматических фразеологизмов. Соматические фразеологизмы представлены во фразеологических системах всех языков мира. Употребляя такой вид фразеологизмов, компоненты которых тесно связаны с телом и физиологией человека, мы тем самым острее ощущаем и понимаем сказанное.

Впервые лингвистический термин «соматический» был введён в финно-угроведении Ф. Вакком, который, рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в составе слова названия частей человеческого тела, назвал их соматическими. Соматические фразеологизмы — это устойчивые единицы языка, в состав которых входит соматический компонент (*рука, нога, голова*) или вещества и жидкости (*кровь, слюна*). Соматические фразеологизмы являются ярким выразителем антропоцентризма и антропоморфизма человеческого сознания и самого языка. Этот вид фразеологизмов несет в себе скрытую информацию об эмоциях человека или о его отношении к окружающей среде, определенной ситуации. Большую роль в таких фразеологизмах играет человеческий фактор, так как главным объектом является человек, его сознание и мышление. С помощью соматических фразеологизмов можно понять, чем живет тот или иной народ, как он выражает свои мысли. Представления об окружающем мире, объективно отображаясь в сознании человека, начинают соизмеряться с образом человека. В.Н. Телия так высказалась о значении фразеологии: «фразеологический состав языка —

это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», поскольку «закрепляются в фразеологических оборотах те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными стереотипами и воспроизводят характерный для той или иной общности менталитет» [Телия 1981: 155].

На данный момент установлены самые употребительные компоненты в соматических фразеологизмах. Это слова: *рука, нога, голова, палец, сердце, глаз, нос, язык*. Развивающимися компонентами являются слова: *ухо, зуб, пятка, слеза, ноготь, палец*, и их развитие тесно связано с выходом диалектного и регионального употребления этих соматических компонентов во фразеологизмах на уровень литературного языка.

Сопоставительное изучение соматических единиц в контексте культуры, исследует проблемы особенностей отражения универсальных культурных концептов в неродственных языках, определение лингвистических и экстралингвистических факторов, формирующих образность фразеологических единиц.

В данном исследовании охвачены три языка, два из которых являются родственными восточнославянскими: украинский и русский языки. На основе сопоставительного анализа этих двух языков, мы можем увидеть значительную разницу в ментальной картине каждого народа, по причине исторических, социальных и культурных особенностей. Испанский язык, являясь языком романской группы, во многом похож в семантике соматических фразеологизмов на два славянских языка, что может указывать на общее представление разных народов о природе вещей. Однако, также наблюдается ряд весомых отличий, сущность которых все еще требует изучения.

Сравнивая испанский, украинский и русский языки, можно найти определенные различия традиционного восприятия вещей окружающей среды. «Estar loco de amor»

(сойти с ума от любви) — «влюбиться по уши» — «закохаться по самую маківку» (влюбиться по самую макушку) — все три фразеологических выражения имеют отличия. Удивительно, что в украинском языке «макушка» является показателем высшей любви, в русском языке — уши отображают максимальный показатель выражения чувств, в испанском языке просто быть безумным, с ног до головы — выражает их страстный темперамент.

Проанализировав выборку соматических фразеологизмов, можно выделить наиболее продуктивные соматические компоненты. В украинском языке: *голова, глаз, лоб, сердце, рука, кровь, губа*. Фразеологизмы «*робити великі очі*» (удивляться), «*крається серце*» (болит сердце). В испанском языке: *corazon (сердце), alma (душа), cabeza (голова), pelo (волосы), nariz (нос), sangre (кровь), cara (лицо)* («*cara de aleliya*» — радостное лицо). Можно предположить, что каждый народ своеобразно определяет функции частей тела в своем языке и их аллегорическое осмысление. В русском языке перечисленные соматические компоненты двух языков, как испанского, так и украинского, также входят в состав фразеологизмов: «*не в глаз, а в бровь*», «*за душу берет*».

Из девяти проанализированных соматических компонентов, а именно: сердце, рука, душа, голова, ухо, нос, губы, язык и глаза, все из них в той или иной степени употребляются в 3-х сопоставляемых языках. Однако, более частое употребление имеют компоненты: *сердце, душа, голова*, глаза, как самые важные органы человеческого восприятия. Принцип аналогичного значения соматических фразеологизмов во многих фразеологизмах совпадает, но большинство из них, имея единую суть, отображают разное соматическое выражение компонента («Сыт по горло» — «*Esto me tiene hasta la coronilla*» (У меня это уже по самую макушку)). Соматические компоненты «горло» и «макушка»

обусловлены разными способами восприятия мира и отношения к нему.

Литература

Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999.

Вакк Ф. О соматической фразеологии эстонского языка // *Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей*. 1968.

Жуков В.П. *Семантика фразеологических оборотов*. М.: Просвещение, 1990.

Телия В.Н. *Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке*. М.: Наука, 1981.

Грудынка Т.Ю.

(РУДН, бакалавриат, 3 курс)

Художественная метафора на примере современной китайской эссеистики

Актуальные задачи межкультурной коммуникации требуют рассмотрения языка художественного текста в качестве определяющей характеристики этноса — в неразрывной связи с человеком и как форму наиболее экспрессивного функционального стиля, служащего конечной цели воссоздания культурно-коммуникативной среды в паритетном межнациональном диалоге.

Цель исследования заключается в рассмотрении областей семантической интерпретации метафоры как стилистического элемента в структуре современного китайского художественного текста на основе компонентов когнитивного подхода.

Традиционно отечественные синологи рассматривают метафору в качестве языковой конструкции. А.В. Скворцов даёт определение переносного значения слова, основанного на уподоблении одного явления другому по сходству или контрасту [Скворцов 2016: 150]. В.И. Горелов трактует

метафору в качестве опосредованного сравнения в результате наибольшей схожести её образной основы [Горелов 1979: 27]. Однако образно-семантическое основание метафор требует широкого толкования, так как отражает самобытные явления, специальные черты китайской действительности. Интерпретация лингвокультурологического аспекта ставит в приоритет когнитивное объяснение метафорического употребления. Анализ основывается на теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора является понятийной конструкцией, а дискурсивная система — ядро человеческих мыслей, действий, метафорическая по своей природе [Лакофф, Джонсон 2004: 25].

В качестве объекта исследования выбрано творчество современной китайской писательницы Би Шуминь. Глубокие философские тексты, изложенные живым языком, соединяют воедино мораль и литературный образ мысли с образом действий. Сборник её эссе 送你一颗光芒海 «Дарю тебе лучик от «Моря света» не имеет русскоязычного перевода [毕淑敏 2011].

Метафоричное название работы включает несколько опосредованных сравнений. Морфема 海 «море» в сочетании «Море света» применяется для экспрессивной характеристики яркого, насыщенного светового явления, сочетающего бескрайнее количество отдельных единиц — лучей. Следуя повествованию, мы узнаём, что в данном контексте под «Морем света» автор подразумевает весь накопленный обширный исторический опыт, который передаётся малой «крупницей» 颗 — единицей текста — отдельному человеку. Одновременно «Море света» называет национальный символ иранской культуры, упоминаемый автором — самый большой розовый бриллиант в мире, указывая, таким образом, на связь с эталонами национальной культуры и мировидением языкового общества.

Комплексная система переносного употребления за счёт сопоставления является примером языкового, когнитивного и культурного феномена. Метафоризация представляется процессом обработки структурных знаний человечества в рамках сценариев, или фреймов. Семантическая информация, представляемая в компонентах структуры фрейма, делится на когнитивные структуры источника и цели. Результатом их перенесения является «когнитивное отображение», то есть метафорическая проекция [Лакофф, Джонсон 2004:9].

Например, метафора 心是一只美丽的小箱子 «сердце — это сундучок прекрасного» [毕淑敏 2011:204] выявляет отдельные свойства цели «накопления, сохранения», которая является частью когнитивной структуры источника «сундук». В сердце, как в маленьком сундуке, хранятся воспоминания о тёплых человеческих чувствах. С другой стороны, присущей исключительно фигуральному представлению китайского языка, иероглиф 心 «сердце» консолидирует семейство иероглифов, заключающих графему сердце, каждый из которых несёт семантический компонент мысли и чувства: 想 «думать», 感 «ощущать», 愁 «грустить», 慈 «милосердный», 恩 «милость», 慧 «остроумие» [毕淑敏 2011: 204].

Метафоры определяются множествами сигнификативных и денотативных единиц, описывающих метафорическую проекцию. Метафора 婚姻鞋 «обувь брака» [毕淑敏 2011: 104] представляется в виде множества «обувь — путь — брак», где «обувь» является сигнификативным, символическим средством, а «путь» и «брак» денотативными объектами изображения. Метафорическая проекция источника на цель преобразуется в «область отправления-прибытия». Так функционирует одно из направлений когнитивной теории — дескрипторная теория метафоры [Баранов 2003: 76].

Человеческий опыт может отождествляться с материальными категориями, субстанциями и создавать основу для онтологических метафор [Лакофф, Джонсон 2004: 49]. Метафора 精神的三间小屋 «три домика души» [毕淑敏 2011: 1] служит примером восприятия эмоций, идей, чувств в контексте материальной сущности. Таким образом, мы перемещаем способ ориентации человека на природную среду, а значит, перестаём воспринимать метафорическое содержание в переносном значении, наполняя реальность фигуральными знаками.

Итак, понятийная система человека представляет метафоричную структуру, которая основана на понимании и переживании сущности одного вида в терминах другого, с целью обеспечения главной функции — понимания в процессе коммуникации. Поэтому изучение метафоры как средства познания действительности, инструмента организации опыта человека может быть в дальнейшем использовано в научных аспектах лингвистики, культурологии, психологии, философии, а также в повседневном общении межкультурной коммуникации.

Литература

- Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // *Вопросы языкознания*. 2003. №2. С. 73-94.
- Горелов В. *Стилистика современного китайского языка*. М.: Просвещение, 1979.
- Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живём*. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Скворцов А. *Предпереводческий анализ текстов на китайском языке учебник*. М.: Восточная книга, 2016.
- Шуминь Б. *Дарю тебе лучик от «Моря света»*. Пекин, 2011.

Дзичковский И.Е.
(РУДН, бакалавриат, 4 курс)
Комплименты-пиропо

Каждый день люди по всему свету делают друг другу комплименты. С их помощью многие стремятся извлечь выгоду. Комплимент — неотъемлемая часть культуры любого языка, поэтому важно разобраться, что такое комплимент и зачем его делают. «КОМПЛИМЕНТ, -а, м. Любезные, приятные слова, лестный отзыв». [Ожегов, Скворцова 1997: 3822] Комплименты используют как в официальной речи, так и в повседневной. Комплименты делают политики, звезды, обычные люди. Это особая форма похвалы, служащая для выражения одобрения и уважения, восхищения и признания. Как отмечают А.В. Сурадейкина и А.А. Нагорняк: «Принято делать комплименты женщинам, ибо им это нравится. На самом деле выслушивать комплименты любят все, просто реакция мужчин бывает не так заметна. Такая слабость к комплиментам объясняется тем, что комплимент удовлетворяет важнейшую психологическую потребность человека — потребность в положительных эмоциях. Собеседник, удовлетворяющий эту потребность, становится желанным собеседником» [Сурадейкина, Нагорняк 2012: 66].

Испаноговорящие народы славятся своей традицией делать привлекательной неизвестной женщине комплименты вслух. Еще со времен Сервантеса в испаноговорящих странах имеется культ поклонения «прекрасной даме». В этих странах люди абсолютно уверены, что лестью можно добиться чего угодно, поэтому мужчины старательно делают комплименты, а женщины их умело выслушивают. Комплименты-пиропо для мужчин являются прекрасной возможностью даже если и не познакомиться с женщиной, то хотя бы привлечь ее внимание. Важно знать, что комплименты-пиропо ни в коем случае не являются

проявлением неуважения, а наоборот, они есть неординарная форма высказывания восхищения.

Наиболее популярны комплименты-пиропо в странах Латинской Америки. Если в Испании люди стараются избежать лишних комплиментов, то в Латинской Америке пиропо доносятся буквально из каждого магазина. Возможно, кто-то отнесётся к большому количеству комплиментов как к стимулу поднять свою самооценку. Главная проблема приезжих людей — недостаточное знание языка. В следствие этого, появляется возможность неправильно оценить ситуацию и не понять смысл, если вам отпустили довольно грубый и вульгарный комплимент, улыбнуться в ответ на него (тем самым привлекая внимание адресата), вместо того, чтобы просто, например, пройти мимо.

Но в большинстве своем комплименты безобидны, они часто направлены на выделение каких-нибудь физических качеств человека, внешности:

¡Qué labios más sexuales!

¡Escúchame, bombón, me encanta el chocolate!

Интересно отметить, что комплименты-пиропо могут быть адресованы не только женщинам, но и маленьким детям, с целью привлечь внимание матери:

¡Qué bonito eres! ¡Como tú mamá!

Самым популярным ответом на такой тип комплиментов является улыбка. Но делая пиропо, важно не забываться и не говорить вещей, которые могут задеть, унижить или оскорбить человека. Важно помнить, когда делаешь комплимент-пиропо, что он может подойти не любому человеку и не любой ситуации, что рядом такие же люди, которым подобная манера высказывания может не понравиться. И наоборот, получая комплименты-пиропо, не стоит принимать их близко к сердцу, потому что делающий их, скорее всего не имел цели задеть ваши чувства, а

наоборот, в подобной искрометной манере старался привлечь ваше внимание к своей персоне.

Литература

Ожегов С.И., Скворцова Л.И. *Словарь русского языка*. М.: ООО «Издательство Оникс», 1997.

Сурадейкина А.В., Нагорняк А.А. Искусство комплимента // *Успехи современного естествознания*. 2012. №5. С. 66–68.

Ковальчук К.А.

(РУДН, бакалавриат, 4 курс)

Использование морской лексики в испанском языке

Благодаря морской деятельности, в прибрежных государствах в течение веков формировался особый язык, присущий людям, которые, так или иначе, были социально или культурно связаны с судоходством. Это являлось нормой для всех лиц, занятых в данной профессиональной области, так как у каждого ремесла есть свой собственный лексикон, наполненный словами и выражениями, зачастую являющимися неизвестными для не связанных с этой сферой людей. Однако бывают случаи, когда отдельные выражения или слова становятся общеупотребительными в повседневном языке за счет своей популяризации.

Например, в испанском языке выражения «ir viento en popa» (идти полным ходом), «por la boca muere el pez» (язык мой — враг мой), «contra viento y marea» (несмотря ни на что) и многие другие находятся в ежедневном использовании и не нуждаются в их объяснении собеседнику, даже если его интересы и деятельность никак не связаны с морской средой. Несомненно, обилие или отсутствие этих терминов и выражений в языке напрямую демонстрирует насколько близко было связано общество с морской деятельностью в ходе своего развития.

В 1995 году Эрнан Годой Урсуа был избран членом-корреспондентом Академии военно-морской истории Чили благодаря работе под названием «La cultura y la conciencia marítima en España y Chile». Данный фундаментальный труд цитировал публикацию члена Испанской королевской академии истории Хервасио де Антиньяно от 1933 года, в которой он заявлял: «Мы очень часто сталкиваемся с довольно типичными фразами и словами, присущими для людей, связанных с морским делом. И их обильное количество способствует тому, что они начинают формировать самый настоящий словарь. Уже в нашем Золотом веке (XVI–XVII вв.) эти выражения активно привлекают к себе внимание. Редко можно встретить писателя, который, затронув морскую тему, не использовал бы эти многочисленные и характерные этой профессиональной сфере слова и выражения. Любопытно отметить, что во многих случаях мы продолжаем и по сей день использовать эти выражения с аналогичным значением, что и много лет назад». Хервасио де Антиньяно также в своей работе писал про такое явление, как «морской менталитет», описывая его следующим образом: «состояние души, когда человек при любой ситуации ставит море на первый план и уделяет ему приоритетное внимание» [Urzúa 1995].

Рассмотрев морские термины Испании и Латинской Америки, можно сделать вывод, что их разноплановое содержание способствует появлению различных категорий поговорки. Характерным является использование поговорок, относящихся к прогнозам погоды, при выполнении различных задач в море или при ловле речной рыбы, например: «cuando el sol se pone rojo, es que tiene lluvia en el ojo» (если солнце становится красным, будет дождь). Также существует большое количество пословиц и поговорок, которые связаны непосредственно с опытом и профессионализмом человека: «espera que llene la mar, para

entrar en la canal» (перед тем, как входить в канал, подожди пока закончится прилив).

В испанском языке существует большое количество морских словарей, которые издавались в первую очередь в Испании, начиная с конца семнадцатого века, как, например, «Vocabulario de los nombres que usan la gente de mar en todo lo que pertenece a su arte» (Словарь, используемый моряками в их специальности), написанный Себастьяном Ф. Гамбоа в 1696 году в городе Севилья. Что касается Латинской Америки, стоит отметить важную роль Чили в развитии морской лексики: больше полутора веков назад там был опубликован морской словарь, написанный Бенжамином М. Гомеро в городе Вальпараисо («Diccionario Naval», 1849).

Морской жаргон является одной из самых богатых традиций мореплавания и судоходства. На протяжении многих веков формировались морские термины, которые, пройдя через множество поколений, стали составной частью испанского языка и обеспечили себе значимое место в повседневном лексическом словаре. Маринизмы придавали языку особый окрас, одновременно отражая морскую историю и развитие мореходства ведущих прибрежных государств. Являясь популярным и распространенным явлением среди простого населения, они также активно использовались известными деятелями искусства, знаменитыми журналистами и лингвистами.

Литература

Gamboa S.F. *Vocabulario de los nombres que usan la gente de mar en todo lo que pertenece a su arte*. Madrid: 1969.

Urzúa H.G. *La cultura y la conciencia marítima en España y Chile*. Valparaíso: 1995.

Лабуза А.В.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

К вопросу о языке современного подростка

В ходе исторического развития язык непрерывно обогащает свой словарный состав и в то же время утрачивает часть слов и значений. Язык подростков — это непрерывно пополняющийся поток новой лексики.

Так как английский на данный момент является международным языком, то мы можем видеть огромное количество англицизмов в разных языках мира. Фильмы, комиксы и сериалы на английском языке набрали колоссальную популярность, и это никак не могло не отразиться на речи испанских подростков. Приведем примеры:

Capitán Obvius (англ. Captain Obvious — супергерой) — дословно «Капитан очевидность». Человек, который говорит и без того понятные вещи и ничем своим высказыванием не помог. В русском языке также используется данная фраза с такой же смысловой нагрузкой.

—¡Gracias, Capitán Obvius!

— Ну спасибо! Да ты прям Капитан очевидность.

Irse a Mordor — уехать к черту на рога, уехать в глушь. Данная фраза происходит из известного романа-эпопеи английского писателя Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец». Мордор — далекая страна, в которой жили злые орки. Выражение может использоваться для описания далекого места, отдаленного от центра города. Например, внучка, которая собирается уехать к бабушке в деревню, может сказать «Me voy a Mordor».

Sinsajo (сойка-пересмешница) — данное слово берет свои истоки из трилогии книг американской писательницы Сьюзен Коллинз «Голодные игры». Заключительный роман трилогии Сьюзен назвала «Сойка-пересмешница». Главную героиню зовут Китнисс Эвердин, простая, ничем не

приметная девушка. Испанские подростки используют данное слово для описания человека «без изюминки», «простушки».

Как мы отмечали выше, многие новые фразы и выражения в речи испанских подростков имеют английскую этимологию. Для того, чтобы убедиться в этом, перейдем к изучению следующих примеров:

Se le oye trotar al fail (от англ. «провал, неудача») — дословно «кажется, все идет к провалу». При использовании данного выражения, человек как бы предостерегает своего собеседника, что ничего хорошего из его планов не выйдет. Например, студентка говорит своей подруге, что попробует сдать экзамен без подготовки. Подруга может сказать ей в ответ: «Se le oye trotar al fail».

Насer un next (от англ. «следующий») — игнорировать. Рассмотрим пример: молодой человек что-то рассказывает своему другу, но тот постоянно отвлекается, меняет тему и очень невнимателен к рассказу. Тогда молодой человек может сказать «Vale, me has hecho un next», что будет означать «Ты меня игнорируешь» или на языке подростков «Ты меня игноришь».

Thanks for the info. (дословно «спасибо за информацию») — саркастическая фраза, которая используется для ответа на бесполезную информацию. Например, ваш знакомый только что рассказал вам ненужную историю, а вы можете ему ответить «Thanksfortheinfo». В русском языке данная фраза тоже широко используется среди молодежи.

Hablar sin filtro (отангл. *filter*– фильтр, фильтрация) — означает «говорить, как есть на духу, не думая, что сказанным можешь причинить человеку боль». Дословно — «говорить без фильтров».

Para snapchat либо **esto tiene un snap** (от англ. *snap* — моментальный снимок и *chat* — беседа, разговор) — если испанцы увидели что-то потрясающее, или они чем-то

поражены, то они говорят «Eso es para snapchat» («это прям для снэпчата»). Снэпчат — мобильное приложение обмена сообщениями с прикрепленными фото и видео.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз отметить, что речь подростка — это динамичный, постоянно развивающийся организм, который, как губка, моментально впитывает новые слова и выражения. Чтобы быть со своим ребенком «на короткой ноге», родителям нужно знать, какие в мире популярные книги, фильмы и сериалы, что мы и наблюдали в приведенных выше примерах (роман Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», роман Сьюзен Коллинз «Голодные игры» и т.д.), так как эти аспекты имеют большое влияние на поведение и манеру общения подростков.

Литература

Дадашян М. *Испанский сленг. Словарь-разговорник*. М.: АСТ Восток-Запад, 2013.

Загорская Н.В., Курчаткина Н.Н., Нарумов Б.П. *Большой испанско-русский словарь*. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2010.

Никитина Т. *Молодежный сленг. Толковый словарь*. М.: Фолио-Пресс, Норинт, 2009.

Лябихова А.А.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, бакалавриат, 3 курс)

Ландшафтный код в португальских фразеологизмах

Существует постулат о том, что система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, поэтому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях. Целью данного исследования является выделение ландшафтного кода португальского языка, отраженного во фразеологизмах, путем определения базовых элементов этноспецифического сознания, то есть наиболее часто встречающихся во

фразеологизмах названий географических объектов. Термином «ландшафтный код» обозначается совокупность имен и/или их сочетаний, обозначающих элементы ландшафта, в том числе — освоенные человеком. Эти имена мы будем в дальнейшем называть топонимиями. Топонимии многочисленны, поэтому для рассмотрения в данной работе мы выбрали лишь определенную группу топонимий: названия основных элементов рельефа, в том числе характерных для ландшафта Португалии. По общему ландшафтному типу Португалия отчетливо распадается на две половины — северную и южную; границей между ними служит долина реки Тежу. Северная половина страны представляет собой гористую местность с сильно расчлененным рельефом и довольно узкой полосой холмистой приморской низменности. Южная часть Португалии по преимуществу низменна, с широкими равнинами и волнистыми плато. В целом же Португалия вытянута в меридиональном направлении и обращена к океану, и эти особенности найдут отражение во фразеологизмах.

Культурный код складывается из базовых элементов этноспецифического сознания, и для их выявления мы определим частотность различных топонимий в исследуемых фразеологизмах (рис.1).

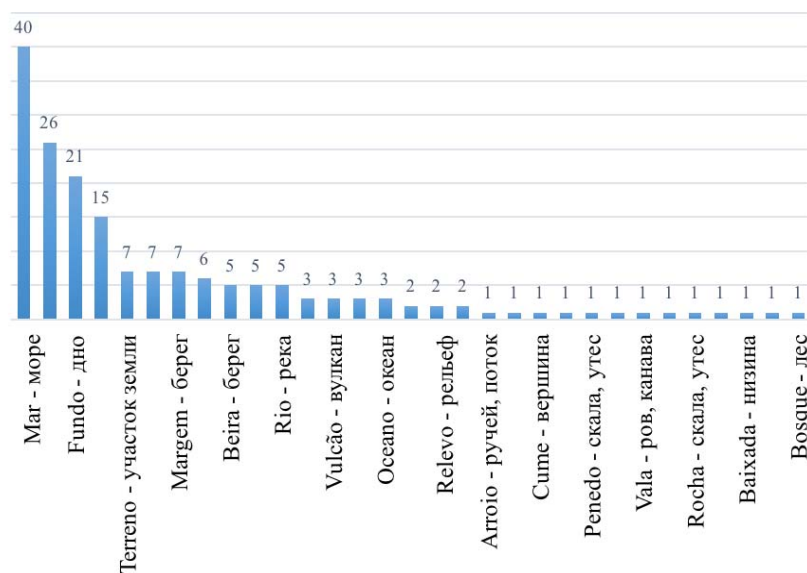

Рис.1 Таблица частотности топонимаций

Самой частотной топонимацией среди всех, рассматриваемых в данной работе, является слово «mar» — море. Это неудивительно, ведь Португалия — приморская страна, история ее развития тесно связана с развитием мореплавания, и мы видим, что эта культурная особенность отражается во фразеологическом составе языка. Из всех фразеологизмов с топонимацией «mar» семь обозначают фактически одно и то же: бурное, волнующееся море, но имеют разные оттенки значения, по-видимому, важные для португальца: «mar bravo» — бурное, беспокойное, яростное море; «mar crespo» — беспокойное море, покрытое рябью; «mar empolado» — бурное, пенящееся море; «mar agitado» — бурное, взволнованное море и др. Второй по частотности топонимацией, встречающейся 26 раз, является слово «campo» — плантация или пастбище, плоское, ровное пространство. Это тоже неудивительно, ведь сельское хозяйство наряду с мореплаванием долгое время играло важную роль в экономике страны. Третья по частотности

топонимация — «fundo» — дно. Ее распространенность можно объяснить тем, что понятие «дно» очень важно для мореплавания, которое в Португалии с давних пор активно развивалось. Еще одна довольно частотная топонимация — «monte» — гора, встречается 15 раз. Это объясняется особенностью рельефа Португалии, ведь весь север страны занимают горы (Центральная Кордильера, Серра-да-Эштрела). Частотность остальных топонимаций значительно меньше частотности приведенных выше: «terreno» — земля, «buraco» — яма, «margem» — берег встречаются всего 7 раз. Также стоит отметить, что фразеологизмы с другими 57 исследуемыми топонимациями в используемых мною словарях найдены не были. Среди них: «rântano» — болото, топь, трясины; «floresta» — лес; «clareira» — поляна, прогалина; «voragem» — водоворот, омут и др.

Итак, в ходе исследования мною были выявлены базовые элементы этноспецифического сознания: «mar», «campo», «fundo», «monte» — основа ландшафтного кода португальского языка, отраженного во фразеологизмах.

Литература

- Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука, 1990.
- Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. *Телесный код русской культуры*. М.: Гнозис, 2007.
- Кононенко Б.И. *Большой толковый словарь по культурологии*. М.: Вече, 2003.
- Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Шанский Н.М. *Фразеология современного русского языка*. СПб.: Специальная Литература, 1996.
- Ярцева В.Н. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззаз
(МГУ им. Н.Г. Чернышевского, аспирантура, 3 курс)
Арабизмы газель и жираф(а):
адаптация в русском языке и функционирование в речи

Изучение заимствованной лексики в русском литературном языке, в том числе и арабского происхождения, — одна из актуальных проблем современного языкознания. Арабизмам посвящены работы С.А. Аль Хазраджи (1977), М.Х. Халлави (1986), А.Х. Хуссайна (2001), Л.К. Валиуллиной (2004), Л. А. Жилинской (2009), М.Г.Ч. Аль-Кадими (2010), А. А. Ивановой (2012), И. И. Огиенко (2012), Р. М. Светловой (2012), М.Д.А. Аль Шаммари (2016) и др.

В данной статье мы также обращаемся к исследованию арабизмов, в частности слов *газэль* и *жираф(а)*, которые, наряду со словами *адмирал* (зоологический термин, название бабочки), *зинджантроп* (палеонтологический термин), *марабу* и *эфа* относятся к тематической группе «Животные». Объем статьи не позволяет рассмотреть все лексемы, поэтому мы ограничимся анализом лишь двух из них, наиболее употребительных в русском языке. Наша цель — исследовать семантику слов *газель* и *жираф(а)*, процессы их адаптации и функционирования в русской речи.

Материалом исследования послужил фонд текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ); в ходе анализа использовались данные 9-ти словарей: [А-В 2004, ТСИС 2007, НСИС 2008, ИС 2010, ССИС 2011, СИС 2012, Р-а 1997, А-р 1981, А-р 1994].

Газель и *жираф(а)* вошли в русский язык опосредованно — через французский язык (фр. gazelle < араб. Ghazāl; фр. Giraffe < араб. Zurāfa).

Слово *газэль* в А-В 2004 обозначает «животное из группы антилоп, отличающееся быстротой бега и стройностью». В дефиниции НСИС 2008 появляется

дифференцирующая сема — указание на место обитания этих животных: Африка и Азия [НСИС 2008: 178]. В А-р 1994 у слова два значения: «1. газель, антилопа (самец); 2. кобылка (скрипки)» [А-р 1994: 547]. Столько же значений у *газели* и в [Булыко 2005]: «1) горная коза из группы антилоп, отличающаяся стройностью и быстротой бега, обитает в Африке и Азии; 2) перен. стройная, грациозная девушка (обычно в стихах о Востоке)» [Булыко 2005: 86-87]. Сопоставление дефиниций позволяет делать вывод, что в словарях слово *газель* толкуется по-разному; по сравнению с языком-источником, семантическая структура слова расширяется.

В арабском языке *газель* — склоняемое существительное, которое имеет формы мужского и женского рода, в русском — это тоже склоняемое существительное, но женского рода; в обоих языках у слова есть формы единственного и множественного числа.

Газель имеет производные: *газёлевый*, *газэлий* (см. [ИС 2010]). В текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) встретились сложные существительные, например, *девушка-газель*, *антилопы-газели*.

В русском языке слово *газель* вступает в синтагматические и парадигматические отношения. Примеры НКРЯ демонстрируют активную сочетаемость арабизма с различными частями речи: *тонконогая г. (газель)*, *смуглая г.*, *трепетная г.*, *мальши газели*, *глаза газели*, *походка газели*, *охота на газелей*, *встретить г.* и др. Синонимический ряд слова: *антилопа*, *газелла*, *джейран*, *дикая коза*. *Газель* имеет два омонима: *газель* — стихотворная форма лирической поэзии у народов Ближнего и Среднего Востока (см. [НСИС 2008: 178]) и *газель* — автомобиль.

В НКРЯ лексема *газель* в значении «животное» широко представлена в основном, газетном, поэтическом и устном корпусах. Приведём примеры употребления арабизма в

значении «животное»: *Ведь, как говорится, тощая корова ещё не газель* [Цит по: НКРЯ]. <...>*мы не только не встретили газель, антилопу или фенека, но и не видели их следов* [Цит по: НКРЯ].

Высокий уровень адаптации слова в русском языке подтверждается наличием у него переносных значений, например: <...> *Нет, это не грибы, это газели!* — *рассмеялся Франсуа* <...> [Цит по: НКРЯ]. Часто арабизм используется в сравнениях: *Девчонки, как газели, скачут в проходах между рядами* [Цит по: НКРЯ]. На наш взгляд, *газель* можно отнести к актуальной заимствованной лексике неограниченной сферы употребления, но сохранившей некоторые признаки иноязычного происхождения (в данном случае твёрдое произношение согласного перед *e* — *га[зэ]ль*).

Жи́раф(а) в А-В 2004, А-р 1994 и Р-а 1997 обозначает «жвачное животное». Дефиниции НСИС 2008 и СИС 2012 частично совпадают. В них даётся научное описание животного (его классификация в природном мире, внешний вид, среда обитания): «жвачное животное семейства жирафов отряда парнокопытных пятнистой окраски с очень длинной шеей и высокими ногами; встречается в Африке, сохранилось главным образом в национальных парках» [НСИС 2008: 291]. Оба словаря фиксируют и второе значение слова: «созвездие Северного полушария вблизи малой Медведицы» [СИС 2012: 232]. Это даёт основание отнести арабизм *жи́раф(а)* во втором значении к другой ТГ — «Астрономия». Таким образом, мы видим расширение семантической структуры слова, но лексическое значение слова-этимона сужается.

В текстах НКРЯ наблюдается широкая сочетаемость лексемы с различными частями речи — *плюшевый ж. (жираф), резиновый ж., пятна у жирафа, поведение жирафа, обнимать жирафа, снимать жирафа* и др. У слова есть производные — прилагательные *жирафовый,*

жирафный, жирафий. С корнем *жираф* образуются сложные слова: *жираф-гибрид; дом-«жираф»*.

В арабском и русском языках грамматические признаки слова *жираф(а)* частично совпадают: это склоняемое существительное, которое имеет формы единственного и множественного числа, но в арабском языке *жирафа* имеет форму только женского рода, а в русском может использоваться как в женском роде, так и в мужском, но чаще — в мужском.

Арабизм *жираф(а)* (в значении «животное») имеет синонимы: *животное, млекопитающее, окапи, жирафа, камелеопард*.

Слово широко представлено в НКРЯ. Активным значением слова является первое — «животное». В НКРЯ есть документы, где *жирáф(а)* используется в тропах: (сравнение) *Хашембыл красив как особенное животное — верблюд или жираф* [Цит по: НКРЯ]; (метафора) *Эдакий троянский жираф у ворот оппозиции* [Цит по: НКРЯ]. Арабизм нередко употребляется в составе прецедента «*Жираф большой, ему видней*» (фраза из песни В. Высоцкого). Слово часто функционирует в метонимическом употреблении («животное» → «изделие для детей, похожее на жирафа»): *Из кармана его комбинезона высовывался резиновый жираф* [Цит по: НКРЯ]. В ряде примеров лексема включается в состав собственных имён, например, *премия «Жираф»*, издательство «Розовый **жираф**». Высокая степень представленности в НКРЯ (основной корпус — 290 док., газетный — 255 док., поэтический — 27 док., устный — 17 док.) позволяет отнести данный арабизм к высокочастотным.

Жираф(а) функционирует в разных стилях речи. На наш взгляд, происходит процесс деэкзотизации этого слова. Постепенно сфера его употребления расширяется, но пока оно сохраняет признаки заимствованного слова (наличие

орфографических вариантов, морфологическая вариативность).

Итак, арабизмы *газель* и *жираф(а)*, по данным НКРЯ, широко используются в русской речи, прежде всего в художественном и публицистическом стиле, меньше — в разговорном. Эти слова относятся к актуальной заимствованной лексике неограниченной сферы употребления, но они сохранили некоторые признаки иноязычного происхождения. Высокая степень их адаптации в русском языке определяется наличием словообразовательных дериватов, синонимов, широкой сочетаемости с различными частями речи.

Литература

А-В 2004 — *Аль Муджам Аль-Васит*. Каир, 2004. URL: <http://waqfeya.com/book.php?bid=210> (дата обращения: 15.08.2017).

А-р 1994 — *Арабско-русский словарь*. Ташкент: Камалак, 1994.

А-р 1981 — Шарбатов Г. Ш. *Арабско-русский учебный словарь*. М.: Рус. яз, 1981.

ИС 2010 — Епишкин Н.И. *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. М.: ЭТС, 2010.

НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (Дата обращения 20.05. 2017).

НСИС 2008 — Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н, Нечаева И. В. *Новый словарь иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний*. М.: Азбуковник, 2008.

Р-а 1997 — Борисов В. М. *Русско-арабский словарь*. М.: Советская Энциклопедия, 1997.

СИС 2012 — Егорова Т. В. *Словарь иностранных слов современного русского языка*. М.: Аделант, 2012.

ССИС 2011 — Фёдорова Т. Л. *Современный словарь иностранных слов*. М.: Лад-Ком, 2011.

ССИС 2005— Булыко А.Н. *Современный словарь иностранных слов*. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Мартин, 2005.

ТСИС 2007 — Крысин Л. П. *Толковый словарь иноязычных слов и словосочетаний: ок. 25000 сл.* М.: Эксмо, 2007.

Мохи Эддин Я.Х.
(*РУДН, бакалавриат, 2 курс*)
Арабский молодёжный сленг

Арабский язык — один из самых древних языков нашей планеты, это великий язык, язык огромной культуры. Литературный арабский язык является официальным языком в 22 странах, входящих в Лигу арабских государств, и одним из официальных языков Израиля, Чада, Эритреи, Джибути, Сомалиленда. На арабском сегодня говорят порядка 460 млн. человек, что составляет 6,8% населения земли. Наряду с литературным арабским языком, являющимся единым государственным языком всех арабских стран, существуют заметно различающиеся местные (сельские и бедуинские) диалекты и городские разговорно-бытовые языки (койне) [Дубинина, Ковыршина 2015: 7]. Принято выделять пять основных групп диалектов: магрибская, египетско-суданская, сиро-месопотамская (левантийская), аравийская и среднеазиатская. В каждой группе диалектов, в свою очередь, можно выделить некоторые разновидности сленгов. Один из ведущих сленгологов мира Эрик Партридж даёт такое определение сленгу: бытующие в разговорной сфере весьма не прочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определённой социальной или профессиональной среде [Марушкина, Неупокоева 2015: 103].

Мы исследуем одну из разновидностей арабского сленга — арабский молодёжный сленг. Он распространён среди подростков и молодёжи в возрастной категории от 12 до 25 лет. Можно выделить три вида молодёжного сленга: дошкольный, школьный и студенческий. Дошкольный сленг формируется на подсознательном уровне семьёй и окружающей средой. Школьный и студенческий сленг

формируется на сознательном уровне и определяется естественным желанием большей самостоятельности и окружающей средой. Дети начинают употреблять сленгизмы, потому что это модно. Они хотят быть похожими на своих сверстников. С годами школьный сленг переходит в студенческий, а студенческий в профессиональный (по окончании университета), если этого требует профессия (профессиональный сленг).

Нами была опрошена группа арабских студентов РУДН (27 человек) в возрасте от 18 до 25 лет. Проведённый опрос выявил любопытную закономерность: подавляющее большинство опрошенных (82%) пользуются молодёжным сленгом, но практически все утверждают, что в зрелом возрасте они откажутся от этой привычки. Вот несколько типичных примеров:

Хания (19 лет, Ливан): «Я узнала о существовании сленга от своих одноклассников и использую его, чтобы жить настоящей студенческой жизнью. Например, мы используем фразу " يا علي " (Я Али), когда видим, что наш друг общается с человеком, который нам неприятен и когда хотим, чтобы друг прекратил общение и подошёл к нам. Однако я не вижу необходимости употреблять сленг по окончании учёбы, а в настоящее время никогда не использую его в беседе с преподавателями и людьми старшего возраста».

Ахмад (21 год, Палестина): «Я использую сленг только для того, чтобы пошутить с друзьями. Например, " نفض لنفسك و كبر دماغك " (не бери в голову). Эта языковая форма не играет существенной роли в моей повседневной жизни и практически не используется в учёбе».

Рамия (20 лет, Сирия): «Я пользовалась школьным сленгом, потому что в школе им пользовались практически все. Поступив в институт, я перешла в другой статус и вульгарный сленг мне стал просто неинтересен. Сейчас я начинаю использовать профессиональный сленг».

Набиль (24 года, Алжир): «Это зависит от собеседника: если собеседник говорит на сленге, то и я тоже. Это сближает людей. Однако сам я мало его употребляю».

В последние годы широкое распространение получил так называемый «интернет-сленг». Он достаточно прост в употреблении и называется «языком чата» "لغة الشات". Он использует буквы латинского алфавита, что повлекло за собой вторжение английских слов не только в язык чата, но и в обычную речь молодёжи. Пример:

اعمل لي ميسد كول = сделай пропущенный звонок (просьба перезвонить).

كانسل الموعد = отмени встречу (от английского слова cancel«отмена»).

Также могут использовать и английские сокращения такие как tc = take care (береги себя) или, brb = be right back (я скоро вернусь).

Подводя итоги нашего исследования, стоит сказать, что в процессе изучения арабского сленга и арабского молодёжного сленга, мы пришли к следующим выводам:

4) Сленг — это язык, разделяющий людей на социальные группы, а в арабоязычной среде он также определяет принадлежность к той или иной группе диалектов.

5) Арабский молодёжный сленг распространяется в категории от 12 до 25 лет и имеет альтернативу в соцсетях.

6) В каждой арабской стране есть свой сленг, поэтому людям из разных арабских стран порой бывает очень трудно понять друг друга.

7) Молодёжь в арабских странах предпочитает использовать сленг только среди своих сверстников из-за религиозных традиций и уважения к людям старших лет.

Литература

Дубинина Н.В., Ковыршина Н.Б. *Уроки арабского языка. Письмо, чтение, основы грамматики*. М.: ВКН, 2015.

Марушкина Н.С., Неупокоева В.Ю. Молодежный сленг как языковое явление // *Молодой ученый*. 2015. №23. С. 103-105.

Никифорова С.А.

(РУДН, аспирантура, 2 курс)

Междометия и их эмоционально-экспрессивный потенциал в коста-риканском национальном варианте испанского языка

Испанский язык, на котором сейчас говорит почти полмиллиарда человек, полинационален и мультивариативен, то есть семиотическое пространство, по Лотману [Лотман 2000: 102], в котором он существует, не является однородным, что затрудняет коммуникацию между носителями испанского языка из разных стран. Еще более осложняет процесс понимания тот факт, что коммуникатор постоянно прибегает к различным способам интенсификации своей речи через использование стилистически окрашенных лексических единиц, фразеологизмов и, в частности, междометий, с целью сделать высказывание более выразительным, экспрессивным.

Лексический состав испанского языка Коста-Рики, как и других национальных вариантов испанского языка представляет, как верно отмечено О.С. Чесноковой по отношению к мексиканскому национальному варианту испанского языка, «синтез общеиспанских, панамериканских, зональных и собственно национальных единиц» [Чеснокова 2006: 20]. В полной мере это относится и к междометиям — излюбленному средству интенсификации речи в испанском языке. Междометия — класс неизменяемых слов, служащих для нерасчленённого выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность [Ярцева 1990].

Произведенный анализ нескольких словарей коста-риканизмов (сплошной анализ первого «Словаря коста-риканизмов» К. Гахини [Gagini 1919], последнего из вышедших словарей — «Словаря молодежной лексики» Г. Риос Гонсалес [Ríos 2017] и словника Д. Мелендеса Хоуэлла [Meléndez 2011]; и выборочный анализ из Словарей коста-риканизмов А. Агуэро Чавеса [Agüero 1996] и М. А. Кесада Пачеко [Quesada 2007]) позволяет сделать выводы о том, что семантические функции междометий в коста-риканском национальном варианте испанского языка (далее КНВИЯ) заключаются, прежде всего, в выражении эмоций и только во вторую очередь в выражении волеизъявления и этикета. Всего было собрано и проанализировано 94 междометия.

Семантически однозначных междометий, выражающих положительные эмоциональные реакции (общая положительная оценка, решительное подтверждение, радость, удивление, восторг и т.д.) нами было зафиксировано 13 единиц, что составляет 13,8% от общего числа проанализированных междометий, это: отлично, супер, шикарно: ¡pura vida!, ¡pura birra!; ух ты! ну и ну!: ¡chó!, ¡guau!, ¡qué nivel!; ура!: ¡güiripía!; вот это да!: ¡chiligüili!; точно, именно так: ¡Angela!, ¡Angela se llama!, ¡aro!; клянусь, точно говорю: ¡Fueraeraja!; ну я же говорил!: ¡Tome! ¡Tome chichi!

Семантически однозначных междометий, выражающих отрицательные эмоциональные реакции (сожаление, отрицание, неодобрение, отвращение, раздражение, недоверие, смирение, осуждение, насмешку, печаль, желание оправдаться и т.д.) была зафиксирована 21 единица, что составляет 22,3% от общего количества проанализированных междометий: жаль!: ¡achará!, ¡acharita!, ¡charita!; иди куда подальше!: ¡alajuela!; нет и все!: ¡nianeso!; фу!: ¡beu!, ¡che!, ¡fog!, ¡guácala!, ¡wácala!, ¡po!, ¡ufa!; дело плохо! кранты!: ¡aviaos!; тьфу! зараза! дерьмо!: ¡qué madre!/ maire,

¡miércoles!; ври больше! сказки!: ¡sacho!; держи карман шире!; фигли!: ¡ñisca!; чего уж тут! дела плохи!: ¡уараqué!; молчу! (чтобы не показаться грубым): ¡seriofe!; а я-то что? при чем тут я?: ¡portamí!

Междометия с семантически диффузными функциями по результатам нашего исследования оказались самыми распространенными в КНВИЯ — 29 единиц, что составляет 30,3% от общего числа проанализированных междометий. Такие междометия передают общее состояние возбуждения, а положительная или отрицательная коннотация выражаемых чувств зависит от конкретной ситуации и зачастую уточняется коммуникатором с помощью соответствующих интонации, мимики, жестов: +/- ага!: ¡anjá!, ¡ajá!; +/- черт подери!: ¡aramba!, ¡arambas!, ¡arajo!, ¡aray!, ¡arastos!, ¡caracoles!, ¡carrizo!, ¡a la puerca!, ¡qué chiva!, ¡picha!, ¡idiay!, ¡hijueputa!, ¡hijo!, ¡hijo del Padre!, ¡hijo de Dios!, ¡juerucha!, ¡juerputa!, ¡juemialma!, ¡Ave María!, ¡La Santísima!; + ба! о! / ну и ну! / — ага! жди! держи карман шире!: ¡adió!, ¡is!, ¡linda!, ¡oí vos!; + упс! / — какой облом!: ¡asina es!; +/-: ах, вот оно что!: ¡ni de balde!; +/-: ладно тебе!: ¡n'seas!

Таким образом, большую часть в КНВИЯ составляют междометия, обслуживающие семантическую сферу эмоций — 67%.

Междометия, употребляемые в области волеизъявлений, выражают эмоционально окрашенные обращённые к людям или животным команды и призывы, включая пожелания (зафиксировано 17 единиц, что составляет 18,1% от всех проанализированных междометий): давай!, шевелись!, вперед!: ¡ánde! ¡idiay! ¡diay!; давай!, вставай!: ¡ura!, ¡ure!; давай, иди!: ¡vaja!; уходим!, пошли!: ¡jaleas!; минуточку!: ¡suave!, ¡suave un toque!; внимание!: ¡bomba!; кыш!: ¡sochi!; фас!: ¡cú!, ¡cua!; прочь! фу, убери!: ¡che!; не дай Бог!: ¡aviaos!, ¡Dios es grande!, ¡Dios urbe!

Междометия, относящиеся к области этикета, представляют собой эмоционально окрашенные «традиционные, в разной степени утратившие знаменательность изъявления благодарности, приветствия, извинения, пожелания» [Ярцева 1990]. Мы зафиксировали 14 единиц, что составляет 14,9% от всех проанализированных междометий: привет! как дела? как жизнь?: ¡pura vida!, ¡erapudavi!, ¡quémeiche!, ¡quiondas!, ¡quiubas!, ¡quiubo! ¡upe! ¡idiau! ¡diau!; все нормально (ответ на вопрос: Как дела?): ahí vamos, ay vamos; pura vida; idiau, diau.

Как видно из приведенных примеров, многие междометия довольно легко переходят из одной области в другую, обладают широкой многозначностью.

Некоторые междометия стали восприниматься как культурное достояние страны, как часть культуроспецифического своеобразия коста-риканского национального варианта испанского языка. Это, прежде всего, междометие ¡pura vida!, ставшее своего рода языковым символом Коста-Рики, а также: ¡idiau!, ¡diau!, ¡is!, ¡güipiría!, ¡upe! — междометия, по использованию которых можно мгновенно определить национальную принадлежность говорящего.

Литература

Лотман Ю.М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки.* СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

Чеснокова О.С. *Испанский язык Мексики: языковая картина мира.* М.: РУДН, 2006.

Ярцева В.Н. *Междометие. Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Большая рос. энцикл., 2002. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les/290a.html> (дата обращения: 14.10.2017).

Agüero Chaves A. *Diccionario de Costarriqueñismos.* San José: Asamblea Legislativa de la República de Costa Rica, 1996.

Gagini C. *Diccionario de costarriqueñismos*. San José, Costa Rica: Costa Rica e Imprenta Nacional, 1919.

Meléndez Howell D. *Por la gran puta, ¡qué mal que hablamos!* 2011. URL: <https://dmelende.wordpress.com/2011/01/01/por-la-gran-puta-%C2%A1que-mal-que-hablamos-2/> (acceso: 14.10.2017).

Ríos González G. *Léxico Juvenil Costarricense*. San José, Costa Rica: Costa Rica e Imprenta Nacional, 2017.

Quesada Pacheco M.A. *Nuevo Diccionario de Costarriqueñismos*. Cartago: Editorial Tecnológica de Costa Rica, 2007.

Селиванова И.В.

(МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирантура, 1 курс)

Лексика театрального и музыкального искусства в современном испанском языке: лингвистический аспект

В рамках настоящего доклада мы раскроем особенности функционирования лексики театрального искусства в пиренейском варианте испанского языка на материале качественных периодических изданий за 2013-2016 гг. (*El País, ABC, El mundo*). Мы отметим наиболее часто встречающиеся в прессе лексические единицы (лексемы, лексико-аналитические структуры и фразеологические единицы) и рассмотрим их значение. Актуальность работы заключается в фундаментальности исследования, которое предполагает систематизированную разработку данной тематической сферы. Полученные результаты можно использовать при создании заданий для целевой аудитории, владеющей испанским языком на уровне B1, B2 и C1 согласно Общеввропейской шкале языковых компетенций (CEFR).

Отбор наиболее часто используемых в речи лексических единиц проходил в два этапа: на первом этапе были исследованы толковые и фразеологические словари, а

на втором этапе — был осуществлен онлайн-опрос 300 носителей языка. Далее мы рассмотрели, как функционируют выбранные слова и выражения в качественной испанской прессе за 2013–2016 гг. (*El País*, *ABC*, *El mundo*).

В контексте настоящего исследования представляет интерес многозначная лексема «театр» (от греч. *théatron* — «смотреть»), которая входит в состав таких фразеологизмов, как *hacer teatro* («преувеличивать», «драматизировать», «работать на публику»), *echarle teatro a algo* («придавать слишком большое значение чему-либо»). Кроме того, существует целый ряд фразеологических единиц со значением «преувеличивать», «устраивать сцену», «закатить скандал», «ломать комедию», «драматизировать»: *hacer la comedia*; *hacer teatro*; *hacer un drama*; *dramatizar*; *hacer una tragedia*; *acabar en tragedia una cosa*; *dar/montar un espectáculo*; *echarle teatro a algo*; *hacer una escena*; *presenciar una farsa*; *hacer circo, maroma y teatro*. В прессе можно найти огромное количество примеров, так как публицистический стиль стремится к образности и выразительности с помощью указанных фразеологических оборотов и метафор.

Лексемы из семантического поля «Театральное искусство» (например, *antagonista*, *actor*, *escenario*, *escena*, *espectáculo*, *máscara*, *careta*, *papel*, *protagonista*, *farsa*, *farsante*, *personaje*, *marioneta*), употреблённые в переносном значении, чаще всего встречаются при описании политических реалий либо спортивных мероприятий. Названия театральных жанров (трагедия, драма и даже комедия), заимствованные из греческого языка, стали использоваться в переносном значении для обозначения трагических событий. Приведем лишь несколько примеров их употребления в прессе:

[*El presidente de Filipinas*] Duterte reitera su distanciamiento de EEUU: “No soy la **marioneta** de ningún país” (*El mundo*, 25.11.2016). [*Президент Филиппин*]

Дутерте подчеркивает свою независимость от США: «Я не являюсь марионеткой ни одной страны».

*Estas rondas son solo tomas de contacto, los equipos negociadores **entrarán en escena** la próxima semana (ABC, 03.02.2016). Эти встречи являются лишь способом наладить контакт, переговоры **начнутся** на следующей неделе.*

Таким образом, в рамках настоящего исследования были рассмотрены наиболее часто употребляемые лексические единицы (лексемы, лексико-аналитические структуры и фразеологизмы) семантического поля «Театральное искусство». В ходе работы было подтверждено, что все выбранные в опросе носителями языка единицы встречаются в качественной испанской прессе, что в свою очередь свидетельствует о достоверности полученной информации. Приведенные примеры говорят о том, что данная лексика действительно употребляется в современном испанском языке. В большинстве случаев она имеют отрицательную коннотацию: театр ассоциируется с неискренностью и лицемерием. К этим лексическим единицам прибегают с целью придания речи образности и выразительности, что особенно характерно для публицистического стиля. Активное употребление в современном языке выражений, в состав которых входит лексика театрального искусства, отражает особенности менталитета испанского социума, представители которого испытывают особую любовь ко всевозможным зрелищам и представлениям.

Литература

Виноградов В.В. *Лексикология испанского языка*. М.: Высшая школа, 2003.

Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. *Фразеология испанского языка: учебное пособие*. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

Садиков А.В. *Испанский язык сквозь призму лексики*. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.

- Iribarren J.M. *El porqué de los dichos*. Madrid: Aguilar, 1974.
- Moliner M. *Diccionario de uso del español*. Madrid: Gredos, 1998.
- Sánchez M.M. *Diccionario del español coloquial: dichos, modismos y locuciones populares*. Madrid: Fundación, 1997.
- Seco M. *Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles*. Madrid: Aguilar, 2004.

Чернова А.С.

(РУДН, бакалавриат, 2 курс)

Роль пословиц и поговорок как средств выражения этнической идентичности в китайском языке на материале романа У Чэньэня «Путешествие на запад»

Этническая идентичность — это историко-культурная характеристика, выражающая единство признаков, которые являются для этнофора основополагающими при сознательном обособлении своего этноса от других объективно сложившихся в ходе естественного развития общностей. Фразеологизмы позволяют почерпнуть сведения об историко-культурных особенностях отдельной этнической общности и о господствующих в ней социально-нравственных ценностях. По мнению И.В. Войцехович, «фразеологизмы — это ярчайшее отражение национальной культуры, её самобытности, её колорита» [Войцехович 2007: 14].

Актуальность темы заключается в необходимости развивать теорию фразеологии китайского языка затем, чтобы более глубоко исследовать вопросы этнической идентичности китайского народа в языке, что особенно важно в современных условиях глобализации общества. Китайская культура обладает совершенно особой спецификой постольку, поскольку на её становление оказали непосредственное влияние такие факторы, как: достаточно долгая отрешённость от западного мира, а также

функционирование в разные периоды истории очень сильных философско-культурологических систем: конфуцианства, даосизма, буддизма.

Основным объектом исследования являются пословицы и поговорки в китайском языке, используемые в произведении «Путешествие на запад». Предмет исследования — выявление сущности китайских пословиц и поговорок как средства выражения этнической идентичности в языке.

В романе «Путешествие на запад» пословицы и поговорки затрагивают наиболее насущные для китайского общества темы, в связи с чем, главными идеологемами в них выступают такие понятия как: 禮 (lǐ) «церемония», 材 (cái) «способности», 劫 (lè) «характер», 信 (xìn) «искренность», 知 (zhī) «мудрость», 義 (yì) долг/справедливость, 仁 (rén) «гуманность», 道 (dào) — путь, 孝 (xiào) — принцип почитания старших. Классифицируя употреблённые в произведении народные изречения, мы обращаем внимание на то, что большая их часть посвящена разъяснениям постулатов основных философско-культурологических учений: конфуцианства, даосизма, буддизма.

Приведем примеры пословиц, главной идеей в которых выступает высокая ценность душевной добродетели: «Основой всего является добродетель»; «Делая добро другим, делаешь добро и себе»; «Будь великодушен во всех делах»; «Добродетель и справедливость — дороже золота».

В отдельную группу следует выделить пословицы и поговорки, отражающие глубоко укоренившийся в сознании китайцев принцип сыновней почтительности, а также представление о должном отношении людей друг к другу: «Слушайся отца и мать и будешь считаться почтительным сыном»; «Кто желает смерти ближнему, тот сам её не избежит». Необходимо отметить, что в Китае с древних

времен существовал культ неба. Вера жителей Поднебесной в его высокое предназначение выражается в следующих пословицах: «Небо помогает людям с добрыми намерениями»; «Небо заботится о достойных людях».

Духовные представления китайцев о добре и зле передаются следующими изречениями: «В чрезмерной вежливости всегда кроется коварство»; «Кто кажется чересчур честным — не всегда честен, кто выглядит чересчур добрым, может оказаться злым». Через пословицы и поговорки автор также отражает свойственные китайскому народу духовную силу, трудолюбие, упорство: «Чем хвалиться попросту, лучше выйти и показать, на что ты способен»; «И среди сильных всегда найдется более сильный». Кроме того, уделяется большое внимание вопросу отношений между мужчиной и женщиной: «Те, кого связывают брачные узы, соединятся вместе, хотя бы их разделяло расстояние в тысячу ли»; «Выйдешь замуж за петуха — слушайся петуха, выйдешь замуж за пса — слушайся пса».

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что «фразеологизмы китайского языка — это ключи к пониманию ценностей культуры и норм поведения китайского народа» [Чжан Мэн 2016: 87]. В современном мире на фоне процессов глобализации изучение фразеологизмов как индикатора этнической идентичности остаётся особенно важным и перспективным направлением в лингвистической науке.

Литература

Войцехович И.В. *Практическая фразеология современного китайского языка*. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.

Чжан М. Основные классы китайских фразеологизмов // *Путь науки*. 2016. № 2 (24). С. 87–90.

У Чэньэнь. *Путешествие на Запад*. М.: Гослитиздат, 1959. URL: <http://www.nhat-nam.ru/biblio.html> (дата обращения 17.09.2017).

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Гурова А.В.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

Лингвокультурный аспект перевода французских текстов официально-делового и публицистического стиля на русский язык

Язык и культура неразрывно связаны между собой. Можно сделать предположение, что язык живет внутри культуры и формируется посредством унаследованных идей, навыков и обычаев, которые характеризуют культуру того или иного народа [Дармаева 2016].

Лингвокультурология, как наука, имеет ряд определений. Например, в понимании В.В. Воробьева лингвокультурология является «комплексной научной дисциплиной синтезирующего типа», которая изучает современные культуру и язык в их взаимосвязи и взаимодействии [Воробьев 2006: 4]. В.В. Красных дает определение, основанное также на ключевых понятиях «культура-язык», но к данным понятиям она добавляет такие признаки, как «языковая картина мира, языковое сознание» [Красных 2002:12].

Лингвокультурный аспект имеет особое значение при переводе текстов многих функциональных стилей с одного языка на другой (в данной работе мы анализируем перевод французских текстов официально-делового и публицистического стилей на русский язык).

Под официально-деловым стилем понимается функциональный стиль литературного языка, который используется в большинстве случаев в письменном языке при составлении правовой, административной и коммерческой документации [Жеребило 2010: 245]. При переводе подобной документации одним из аспектов, на которые переводчику следует обращать внимание, является

лингвокультурологический аспект, который, главным образом, отражается в переводе фраз-клише и формул вежливости [Коняева 2013: 103]. Основной трудностью является адекватная передача не просто текста документа на язык перевода, а передача его содержания с сохранением семантических особенностей и логических связей оригинала. Особенности текстов официально-делового стиля являются нейтральность, информативность, логичность повествования [Найденова 2010: 5]. Например, французское клише начала письма *Cher Monsieur Dubois* на русский язык следует перевести *Уважаемый г-н Дюбуа*, но не *Дорогой г-н Дюбуа*. Другим примером является перевод заключительных фраз-клише: *Veillez agréer, cher Monsieur Dubois, mes sentiments distingués*. — *С уважением*.

Тексты публицистического стиля описывают современность, актуальные события и проблемы общества. Характерной особенностью данного стиля является воздействующая функция на общество в целом [Балашова, Дементьев 2005: 548]. Стоит отметить, что текст газетного стиля содержит большое количество специальных слов, аббревиатур и выражений, связанных с политической и общественной жизнью той или иной страны, где читатель хорошо знаком с подобными рода реалиями. При переводе подобных текстов необходимо учитывать лингвокультурный аспект и расшифровывать все аббревиатуры, сокращения или давать сноски на слова, которые могут вызвать непонимание у иностранного читателя, чтобы текст не потерял свой воздействующий характер [Зиновьева, Никулина 2013: 232]. Например, *...les Russes sont très familiers des grands hypers qui ont fait la réputation de l'enseigne de l'empire Mulliez*. — *...они все прекрасно знают огромные гипермаркеты, которые стали основой репутации бренда*. В данном переводе сокращенное слово *hypers* на русский язык передано полным *гипермаркеты*, что облегчает понимание текста для русского читателя. Кроме

того, необходимо отметить, что словосочетание *l'empire Mulliez* в русском варианте статьи не переведено, так как мало кто из русских читателей знает эту фамилию, и для лучшей адаптации текста статьи переводчик опустил данную фамилию. Другим примером может служить перевод фразы из статьи газеты *Le Monde: Le canal de la mer Blanche, surnommé Belomorcanal par les Russes est la construction titanique de Staline...* — *Беломорканал был колоссальной стройкой времен Сталина...* В оригинале автор поясняет французскому читателю, что такое Беломорканал, чего переводчику делать не нужно, так как *Беломорканал* является русской реалией, понятной для русского читателя без пояснений.

Таким образом, можно сделать вывод, что лингвокультурный аспект необходимо учитывать при переводе как текстов официально-делового, так и текстов газетно-публицистического стилей. Однако в текстах официально-делового стиля он затрагивает в основном перевод клише и формул вежливости, тогда как в газетном стиле он важен для перевода не только различных клише, но и для перевода реалий, которыми насыщен текст газетной статьи.

Литература

Алефиренко Н.Ф. *Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие.* М.: ФЛИНТА, 2016.

Балашова Л.В., Дементьев В.В. *Курс русского языка: фонетика, словообразование, морфология и орфография : синтаксис и пунктуация : рус. яз. и культура общения.* Саратов: Лицей, 2005.

Воробьев В.В. *Лингвокультурология.* М.: РУДН, 2006.

Дармаева А.Д. Лингвокультурологический аспект перевода фразеологизмов с бурятского языка на русский (на материале прозы Ч. Цыдендамбаева) // *Сибирский филологический журнал.* 2016. № 1. С. 213-222.

Жеребило Т.В. *Словарь лингвистических терминов.* Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010.

Коняева Е.А. Особенности лексического состава деловой корреспонденции на русском и французском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2013. С. 102.

Красных В.В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций*. М.: «Гнозис», 2002.

Найденова Н.С. *Банковская и финансовая документация: Пособие по переводу с русского языка на английский*. М.: Высшая школа, 2010.

Никулина Н.Ю., Зиновьева Т.А. Специфические особенности перевода англоязычных газетно-публицистических текстов // *Молодой ученый*. 2013. №1 (48). С. 232–234.

Лабко В.А.

(РУДН, аспирантура, 1 курс)

**Сказ как особая повествовательная манера:
оригинал и перевод (на примере повести
Н.С. Лескова «Полунощники»)**

Художественная литература — это особый вид искусства, единственным материалом которого являются слова и конструкции естественного языка. Художественный текст как семиотическая структура является совокупностью взаимосвязанных и взаимозависимых разноуровневых вербальных знаков, репрезентирующих «через определенные когнитивные схемы индивидуальные способы получения и хранения информации, мнений, знаний, представлений, существующих в сознании автора» [Найденова 2014: 106]. Не в любой ситуации смысловая интонация автора может быть выражена в прямом, исключительно авторском слове. Любой творческий замысел, любые мысли и чувства преломляются через «чужое слово». Автор опирается на «чужое» слово, чтобы иметь возможность говорить не только с точки зрения повествователя, что и отражает настроения,

господствующие в различных сферах национальной жизни. Именно такой формой повествования является сказ.

Наиболее ярко сказовая манера письма представлена в творчестве Н.С. Лескова, которое привлекало и привлекает внимание исследователей различных областей. Писатель смог не только углубить содержание сказа, но и открыть в нем новые художественные возможности. Сказ для Н.С. Лескова стал той формой, которая с наибольшей полнотой позволила художнику выразить потребности современной ему эпохи. Сказ Н.С. Лескова является отражением народного характера, и многие исследователи обращаются, прежде всего, к вопросу о влиянии фольклора и традиций устного рассказывания на стиль художника [Мущенко 1978: 90].

Материалом исследования послужила повесть Н.С. Лескова «Полунощники» и перевод ее на французский язык, выполненный Катрин Жери.

Дж. Мэтлок, исследователь переводов произведений Н.С. Лескова на английский язык, подчеркивает, что переводчику необходимо создать у читателя представление о языковом гении русского писателя, что возможно, только если переводчик подойдет к своему родному языку с той же разумной игривостью (*controlled playfulness*), с желанием исказить слова, неправильно употреблять их и даже изобретать при необходимости [Matlock 2013: 35].

Так, в повести Н.С. Лескова «Полунощники», имеются примеры языковой игры, основанной на лексико-семантической несочетаемости. Например, *досмотреть* используется в значении «следить» («прокатись с ним за город, досмотри его» [Лесков 1968: 139]), а *разрешить* — принять решение («вы сейчас разрешите, кто поедет его встречать» [Лесков 1968: 173]). Перевод на французский язык выполнен в нейтральном стилистическом регистре без каких-либо отклонений от языковой нормы («vous allez le

décider maintenant, c'est qui ira le chercher à l'attente» [Leskov 1937: 193]).

Чаще всего рассказчиком в произведениях Н.С. Лескова является герой-рассказчик. В однонаправленном сказе рассказчик и главный герой схожи во мнениях между собой, так как они являются представителями одной и той же социальной среды. Речи персонажей повестей Н.С. Лескова присущи определенные лексические доминанты. Сатира, направленная в адрес малообразованных людей, стремящихся изъясняться «ученым» языком, реализуется в повести за счет использования внелитературных лексем. На фонетическом уровне широко представлено чередование согласных и гласных. Этот же прием в основном используется и во французском переводе: куфарка, — *la «cuifinière»* [Leskov 1937: 136], милятиурный, — *«miliature»* [Leskov 1937: 150], стричь пупоны — *«poupons» à découper* [Leskov 1937: 155], инпузории — *«impusoires»* [Leskov 1937: 157]. При этом во французском тексте неологизмы, в отличие от русского текста, приводятся в кавычках.

Многочисленные случаи добавления (*кучма народу, dokonчательный скандал, надсмешки, аргент, трилюзии/трелюзии/прелюзии, рубкопашная, обдуматься, впоперек*) и выпадения звуков (*архирей, давленным голосом, полтемно, неужли*), отмеченные в оригинале, практически не нашли отражения в переводах. Во французском тексте выдержан нейтральный стилистический регистр и задействуется прием перифразы. Например: *кучма народу — une énorme foule de gens* [Leskov 1937: 155]; *рубкопашная — la bagarre* [Leskov 1937: 182].

Сказ Н.С. Лескова как тип повествования не только трансформировался, обогатился, но и послужил созданию новой жанровой разновидности: сказовой повести. Особую трудность в этом отношении представляет собой сказовое письмо, для передачи которого при переводе использовался

широкий спектр приемов. Стиль художественного произведения сам по себе представляет не совокупность приемов, а выражение «видения мира» автора [Найденова 2014: 108]. Он характеризуется образностью и эмоциональностью, может объединять в себе различные стили, речевые обороты и служит для эстетического воздействия на читателя при помощи художественных образов.

Литература

Лесков Н.С. *Полунощники*. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.

Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. *Поэтика сказа*. Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1978.

Найденова Н.С. Контрдискурс по-русски, или *sottisier à la russe*: повесть Н.С. Лескова «Полунощники» // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2016. Vol. 1. Issue 61. P. 223–232.

Найденова Н.С. *Лингвистические детерминанты постколониального художественного дискурса Тропической Африки (на материале французского и испанского языков Новой Романии)*. Дис. ... д.ф.н.: М.: РУДН, 2014.

Leskov N. *Conteurs de minuit. Au bout du monde et deux autres récits*. Lausanne: L'Age d'Homme, 1986.

Matlock Jr. *Leskov into English: On translating Соборяне (Church folks)*. New York: ColumbiaUniversity, 2013.

Мельник Я.А.

(РУДН, бакалавриат, 2 курс)

Испанский песенный дискурс: оригинал и перевод

Песенное искусство на сегодняшний день пользуется огромной популярностью и имеет широкую аудиторию. Результаты многих исследований доказывают, что музыкальные композиции влияют не только на мировоззрение слушателей, но также и на современный

испанский язык. Жанр песни уникален по массовости и социальной значимости, поскольку песня занимает важное место в становлении личности. Звуковая часть композиции влияет на восприятие этой композиции человеком, но это только одна составляющая, которую необходимо учитывать. Наряду со звуком также стоит рассматривать текст песен.

В данной работе мы рассмотрим важность использования текстов популярных иностранных песен в качестве средства культурного познания. Слова песен — это не только расстановка слов в предложении, но также и выражение эмоций авторов и исполнителей, их стремление передать свои чувства. Таким образом, певец или композитор через песенный текст хотят донести до слушателя определенную информацию или сообщение. Песня привлекает внимание и вызывает интерес мировой аудитории, поэтому очень важная составляющая для понимания творчества исполнителей и композиторов — полное осмысление песенного текста, которое может обеспечить перевод.

Песенный дискурс отличается особой многоаспектностью в парадигме межкультурной коммуникации [Найденова, Мурадян 2013: 96]. Смысл, который раскрывается в песне, всегда подлежит интерпретации. Он выводится адресатом исходя из ситуации имеющихся у него общекультурных знаний и разделяемых им коммуникативных конвенций. Каждый песенный жанр задает определенные установки и правила коммуникации, поскольку в процессе взаимодействия актуализуются определенные представления о мире, мнения и суждения [Потапчук 2013: 142].

Материалом данного исследования послужил романс «No me mires más» (рус. «Больше не смотри на меня») из кинофильма «La Edad del Amor» (рус. «Возраст любви») (1954). Песня, написанная аргентинским поэтом Сальвадором Вальверде и исполненная главной героиней

Лолитой Торрес, обрела мировую известность и была переведена на русский язык советским прозаиком, поэтом и сценаристом Евгением Аграновичем. Текст романса лиричен и насыщен метафорами: *un eco tuyo soy, entre niebla gris de ausencia*. Автор текста прибегает к использованию гиперболы (*de angustia moriré*) и персонификации (*se hará viva tu presencia*). Особый интерес представляет синтаксическая структура текста, построенная по принципу параллелизма:

No me mires
igual que a otras miras,
pues de angustia moriré quizás.
No me mires,
pero si me miras
mírame a los ojos y allí te verás.
***

yo te ruego que te alejes,
yo te pido que me dejes
y que olvides que te amé.

Приведенные фрагменты характеризуются анафорическим повтором: *no me mires, yo te ruego, yo te pido*. При этом поэт использует синонимы (*rogar — pedir — просить, умолять*).

В тексте преобладают фразы в повелительном наклонении (*mírame a los ojos y allí te verás, no me mires más*). Также здесь широко используются условные предложения: *yo me queto si te miro; si suspiras yo suspiro; si se encuentran nuestras manos y se estrechan un momento*.

Евгений Агранович прибегает к примеру лексического добавления: *si suspiras yo suspiro — если ты вздохнешь украдкой*. В некоторых случаях сохраняется синтаксическая структура оригинала: *no me mires igual que a otras miras — на других ты так смотреть не смей*. Сохранена и лексико-семантическая структура оригинала. Так, в первом куплете лексические доминанты, присущие испанскому оригиналу

(*ojos, mirada, suspiras, manos, vida*) присутствуют и в переводе (*глаза, взгляд, вздохнуть, руки, жизнь*). Структура припева схожа в текстах оригинала и перевода. Как и в испанском, так и в русском тексте используются отрицательные формы повелительного наклонения: *no te mires* — *пламя взгляда расточать не надо*. При этом текст перевода отличается большей метафоричностью. Переводчик прибегает к примеру транспозиции, сохраняя смысловую структуру оригинала. Так, при переводе второго куплета переводчик использует элементы припева, где лексемы «дорога» и «судьбы» заимствованы из последнего четверостишья испанского оригинала.

No me mires,	Уходи, не проклиная,
que por dos caminos	В расставания час жестокий,
van nuestros destinos.	Наши судьбы — две дороги,
No me mires más.	Перекресток позади.

Как показал данный анализ, стихотворный перевод Евгения Аграновича выполнен с сохранением основных особенностей оригинала текста и в то же время соответствует риторическим параметрам русского песенного дискурса.

Таким образом, перевод испанского песенного дискурса представляет собой сложный и многоступенчатый процесс, который позволяет добиться максимальной степени эквивалентности в переводе и отразить его лингвоспецифику.

Литература

Найденова Н.С., Мурадян А.А. К вопросу об исследовании песенного дискурса: лингвокультурологический аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2013. №1. С. 96–101.

Потапчук М.А. Песенный дискурс как коммуникативный процесс
// Вестник Челябинского государственного университета. Серия:
Филология. Искусствоведение. 2013. №2 (293). С. 140–143.

Плаксина С.Ю.
(РУДН, бакалавриат, 3 курс)
**Специфика перевода китайских самоименований
на русский язык**

В контексте китайско-русского перевода определенный пласт трудностей образуют системы обращения в указанных языках, формировавшиеся в принципиально разных условиях и под воздействием принципиально разных социально-исторических и религиозно-идеологических факторов.

Так, на формирование китайского речевого этикета в значительной степени повлияла философия, в частности конфуцианство, зарождавшееся именно как натурфилософское учение и лишь позднее ставшее религией. Учение Конфуция закладывало определенную основу морального облика людей, которую подробно описывает в своих трудах Н.Я. Бичурин [Васильев 1995]. Одним из наиболее важных факторов, определивших облик системы обращений в китайском языке, мы считаем *человеческую скромность*, которую называли высшей ценностью как сами *конфуцианцы*, так и *даосы*. Именно это в наибольшей степени повлияло на наличие в китайском языке особой части системы обращений, а именно *自称* или «*самоименования*», как назовём её мы вслед за К.А. Куриловой [Курилова 1997: 6], которая частично касалась этого вопроса в своей диссертационной работе о речевом этикете китайского языка.

В русском языке существует похожее понятие, но используемое, как правило, в качестве определения подписи в конце письма, формально говорящей о том, как именно

следует обращаться к его автору, или в интернет дискурсе — *никнеймы и т.д.* В китайском же языке «самоименование» — это лексическая единица, используемая в том же качестве, в каком в русском языке употребляется *личное местоимение «я»* или *притяжательное «мой»*.

Рассмотрение данной тематики не является актуальным в контексте современного китайского языка, так как такая норма вежливости стала архаичной и повсеместно используется личное местоимение 我 «я», но представляет интерес для рассмотрения в рамках исторического дискурса, широко представленного в тексте исторических романов современных китайских авторов.

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что в контексте *китайского языка* в указанном дискурсе в ситуации формального общения считается нормальным (и необходимым) использование *самоименования* вместо *личного местоимения*, в то время, как для русского языка это никогда не было характерным, и речь о себе от *третьего лица* фактически рассматривается в качестве признака неопределенных проблем с психическим здоровьем, наблюдается *в дискурсе детей до трех лет* и *в изречениях монахов* типа «Мы, Николай П...», где под *местоимением «мы»* скрывается я-государь и я-государство.

Мы предлагаем рассматривать подобные единицы с точки зрения их семантики (посредством обращения к китайским дефинициям, пографемного анализа) и анализа русскоязычных аналогов (в случае их наличия).

Достаточно противоречивым с точки зрения перевода на русский язык, на наш взгляд, является *самоименование* 在下 (*пинь.: zàixià*), буквальное значение которого «*находящийся внизу*», уже показывает, что это *самоименование* относится к «*谦词*» (*выражение скромности*). Из китайского определения [Ван Хо, Ван Сюэюань 1988: 286] следует, что эта лексическая единица

используется для выражения собственной скромности (или смирения) по отношению к собеседнику. Кроме того, словарь под редакцией Ошанина [Ошанин 1983: 258] даёт как вариант перевода «я», которого мы придерживаемся, так и значение «*Ваш покорный слуга*», исключительно этот же вариант предлагается и в «Шанхайском словаре» [Шанхайский институт иностранных языков 2010: 1139], именно это значение и является причиной, по которой мы считаем рассматриваемую единицу достаточно противоречивой. Суть проблемы в том, что такая реалия действительно существовала в русском языке достаточно продолжительное время, но ныне используется в другом значении и воспринимается носителями языка в качестве фамильярно-иронического изречения, это в свою очередь ставит под сомнение уместность использования этого значения при переводе с китайского на русский.

В предложении «公子医人身体, 在下的琴技只可娱人 心灵, 愿为公子奏一曲, 希望能消解公子的疲劳» [Тун Хуа 2011: 103] («Господин, Вы исцеляете людские тела, мой же цинь может лишь радовать людские души. Я желаю сыграть, в надежде, что это поможет снять Вашу усталость.») мы считаем более уместным использование притяжательного местоимения «мой», это обусловлено в первую очередь тем, что, как мы уже сказали, для русского языка не характерен такой способ выражения мыслей, пусть, и допустим, в историческом контексте.

Таким образом, на основании сопоставления особенностей русского и китайского языков, а также рассмотрения примера, мы можем кратко сформулировать специфику перевода *самоименований* в китайском историческом дискурсе на русский язык. Она в первую очередь заключается в необходимости анализа переводимого явления через призму русского языка, такой подход позволит избежать как *буквального перевода*, так и использования

неточных аналогов, которые могут быть неверно восприняты читательской аудиторией. То есть, для корректного перевода китайских 谦词 и 自称 на русский язык, в котором отсутствуют подобные реалии, следует использовать *личные и притяжательные местоимения*, выполняющие в нашем языке аналогичную функцию.

Литература

Васильев В.П. *Описание религии ученых. Конфуций. Я верю в древность*. М.: Республика, 1995.

Курилова К.А. *Обращения в современном китайском языке: К вопр. о речевом этикете китайцев*. автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 1997.

Ошанина И.М. *Большой китайско-русский словарь*. М.: Наука, 1983.

Ван Х., Ван С. *Словарь обращений китайского языка*. Шэньян: Издательство Университета провинции Ляонин, 1988.

Тун Х. *Некогда обещанное*. Чанша: Литература и искусство провинции Хэнань, 2011.

Китайско-русский словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 2010.

Сорокина Л.С.

(РУДН, аспирантура, 1 курс)

Лингвостилистический анализ текстов проповедей Святейшего Патриарха Кирилла («Патриарх Кирилл. Мысли на каждый день года» / Patriarch Kirill In His Own Words)

К семидесятилетию юбилею Святейшего Патриарха вышла в свет его новая книга «Патриарх Кирилл. Мысли на каждый день года». Сборник был выпущен одновременно в двух городах мира — в Москве и в Нью-Йорке на двух языках (английском и русском). В США книга была издана под названием «Patriarch Kirill In His Own Words».

Книга Святейшего Патриарха состоит из его высказываний и изречений, источниками которых являются фрагменты проповедей, научных статей, докладов, выступлений, книг и интервью. Временной горизонт охватывает более 35 лет его служения — с 1980 по 2016 год.

Идея о том, что книга будет состоять из 366 глав, продиктована тем, что высказывания Патриарха Кирилла касаются самых разных тем, иногда даже совсем неожиданных.

Книга разделена на две части «Взгляд Патриарха» — «General Reflections» и «Мысли на праздничные дни» — «Reading for Feast Days». Вторая часть состоит из двух разделов: «Избранные неподвижные праздники» — «Selected Fixed Feast Days» и «Пасхальный цикл» — «Triodion, Great Lent, Holy Week, Pascha, Paschaltide».

Стиль Патриарха Кирилла лаконичен и в то же время насыщен выразительными средствами, интертекстуальными элементами, лексикой, свойственной разным стилистическим регистрам. Основная часть интертекстуальных элементов восходит к Библии и святоотеческому наследию. При этом Святейший Патриарх прибегает как к прямой цитации, так и к аллюзии на тексты Священного Писания и молитвы.

Примечательно, что английский текст книги содержит больше цитаций из Священного Писания, чем русский.

Святейший Патриарх Кирилл широко задействует богатую палитру стилистических ресурсов русского языка. Например, анафора служит для того, чтобы выделить ключевые моменты речи и сделать высказывание более выразительным.

В своей проповеднической деятельности Патриарх Кирилл широко использует понятийный аппарат современных гуманитарных наук. В книге можно встретить термины из разных областей знания. Патриарх Кирилл использует в своей речи не только термины из психологии

(самость, мифологема), но и философии (антропоцентризм), социологии (секуляризация) [Патриарх Кирилл 2017: 89].

Патриарх Московский и всея Руси использует в своей речи понятия русской религиозной философии, например, термин «Богочеловечество», введенный В.С. Соловьевым. Обращается он и к наследию Н.С. Бердяева, который назвал церковь «охристовленным космосом». В английской версии приводятся эквиваленты этих терминов, которые ранее использовались в трудах указанных философов: Богочеловечество — *Godmanhood*, «охристовленная» культура — “*Christ-culture*”.

Одной из особенностей речи Святейшего Патриарха Кирилла является использование сложных слов. При переводе сложных слов переводчикам зачастую приходилось прибегать к приему лексического добавления, что объясняется особенностями различия словообразовательных моделей в русском и английском языках: сверхдеяния — *extraordinary deeds*, добродетель — *good deeds*, богоустановленный — *established by God*. При переводе архаизмов в основном используются лексемы, относящиеся к нейтральному стилистическому регистру: немощи — *infirmities*, разномыслие — *differences*. То же самое можно наблюдать при переводе церковнославянизмов: возгревать дух — *stir up the spirit*, треба — *occasional service*, стяжать — *seek*, великопостное делание — *Lenten efforts*.

Как в русском, так и в английском текстах отмечено использование лексем, восходящих к греческому языку. Примечателен тот факт, что в английской версии заимствований из греческого языка оказывается больше, чем в русском тексте, например, Богородица переводится как *Theotokos*, а собор — *synaxis*.

Подводя итог, можно отметить, что перевод книги Предстоятеля Русской Православной Церкви на английский язык представляет собой продуманный, тщательно выполненный труд. С целью передачи образности, присущей

оригиналу, и используемых для этого языковых средств, переводчики осуществили удачный перевод эквивалентов. Основные трудности, которые возникали в процессе перевода, связаны с различиями картины мира, характерной для носителей русского и английского языков, а также структурными особенностями соответствующих языков. Тем не менее, переводчикам удалось осуществить качественный перевод и сделать мысли и идеи Святейшего Патриарха Кирилла доступными для российской и американской аудитории.

Литература

Патриарх Кирилл. *Мысли на каждый день года*. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2017.

Patriarch Kirill. *Patriarch Kirill in His Own Words*. New York: St Vladimir's Seminary Press, 2016.

МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА. ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Балан Е.Г.

(РУДН, бакалавриат, 4 курс)

К вопросу о проблеме билингвизма в Стране Басков

Испания является одной из тех европейских стран, по которой возможно изучать разнообразные типы территориального национализма: это могут быть как умеренные, так и радикальные организации, общественные движения сепаратистского и террористического характера.

Ниже рассматривается пример политически-общественного движения в Стране Басков, автономной области, расположенной на севере Испании, механизмы борьбы этого региона с центральной властью, а также лингвокультурологическую ситуацию и внутренние трансформации, сложившиеся к XXI веку.

На протяжении всей наблюдаемой истории Страны Басков тема идентичности, в том числе языковая идентичность, оставалась тем фактором, который в большой мере реагировал на социально-политические перемены в стране. Жители этого региона всегда стремились сохранить и укрепить свои права на собственный язык и культуру, но власти Испании редко шли на уступки. В конечном счете, в девяностых годах XIX века зарождаются организации, ориентированные на агрессивный баскский национализм. Одна из этих организаций просуществует больше века, “ETA” *Euskadi Ta Askatasuna* «Страна басков и свобода», и прекратит свою вооруженную борьбу только в январе 2011 года.

Однако в 2011 году не закончатся протестные движения, главной целью которых является обретение

независимости. На данный момент, Страна Басков — это экономически выгодный регион, приносящий значительный доход в центральный бюджет страны, обычно это и является главным аргументом касательно будущего отделения, согласно баскским националистам. В наше время баскский или эускера, имеет в Испании статус официального языка, но так, конечно, было не всегда, ведь в период правления Ф. Франко (1939–1975) все национальные языки были запрещены. Сегодня подавляющее большинство жителей области считают себя билингвами, владея в равной степени, как испанским языком, так и эускера.

По своему опыту обучения в административной столице Страны Басков, Витория-Гастейс, я могу подтвердить, что прожить там и не выучить элементарные фразы для повседневного общения, не представляется возможным. Например, фразы: “*aura*” — приветствие, “*eskerrik asko*” — спасибо, “*mesedez*” — пожалуйста, “*ondo*” — хорошо, используются повсеместно, а слово “*agur*” — до свидания, почти полностью вытеснило испанское “*adiós*”, однако еще чаще используют два варианта одновременно, к примеру: *Bueno, ¡adiós, agur!* (Хорошо, до встречи!)

На официально-государственном уровне существует обязательное правило, все выступления и/или их письменная реализация, должны осуществляться на двух языках, в первую очередь, чтобы поддержать административный статус баскского языка. В иных случаях приоритет отдаётся баскскому языку, например, при публикации новостей и заявлений в социальных сетях, таких как Facebook, Tuenti, Twitter.

Эускера, помимо прочего, без сомнения, является доминирующим языком баскского протеста. Именно в этом регионе количество забастовок являются одним из самых высоких по всей стране. Типичные лозунги протестующих: “*Herri Boterea*”, “*Herria Bizirik*” — Власть народу и Народ жив (часто сопровождается изображением символа серпа и

молота) “*Amnesty*”, призывы к амнистии людей, арестованных за террористическую деятельность в ЕТА, “*Gazteak Kalean!*” — Молодежь на улицу!

Движущей силой таких протестов являются националисты, одно из главных требований которых — признание баскского языка единым языком Страны Басков. Однако в этом вопросе среди местного населения остаются разногласия, не все считают испанский язык языком-агрессором и не противопоставляют его другим языкам. Конституция 1978 года установила концепцию «территориального билингвизма», которую необходимо пересмотреть, предоставляя регионам с собственным национальным языком больше полномочий во всех сферах самоуправления.

Литература

Красиков А.А. *Испания после Франко*. М.: Знание, 1982.

Perez-Agote A. *La reproducción del nacionalismo: El caso vasco*. Madrid: Centro De, 1986.

Bilingüismo y criterios lingüísticos // *El País*. 2014. URL: <http://www.euskadi.eus/bilinguismo-y-criterios-linguisticos/web01-a2wz/es/> (acceso: 17.10.2017).

Болотина К.Э.

(РУДН, аспирантура, 3 курс)

Лингвистическая идентичность квебекцев

Лингвистическая идентичность является одним из аспектов сложной темы — единства и вариативности полинациональных языков.

Определение термина «идентичность», представленное в словаре социолингвистических терминов, отображает идентификацию как процесс «психологического соотнесения индивида с социальной группой или этносоциальной общностью» [Михальченко 2006: 72]. Речь идет не только о

самоидентификации индивида, но и о том, как его воспринимают окружающие и к какой общности относят.

В вопросе национальной идентификации владение национальным языком является одним из ключевых факторов. В случае полинациональных языков для определения идентичности того или иного лингвокультурного сообщества актуальна сохранность общего языкового пространства. Говоря о лингвистической идентичности квебекцев, логично задать вопрос, как это делает в своих исследованиях Т.Ю. Загряжкина, «может ли французский язык Франции быть основой идентичности другого франкоязычного сообщества» [Загряжкина 2015: 54].

Определение статуса той или иной разновидности полинационального языка во многом зависит от идеологических установок ученого и от научной школы, к которой он себя относит. На настоящий момент универсальной классификации территориальных и/или социальных разновидностей языка предложено не было. Следуя отечественной классификации разновидностей полинациональных языков, предложенной выдающимся отечественным романистом Н.М. Фирсовой [Фирсова 2009: 18-19], мы относим французский язык Квебека к категории *национального варианта* французского языка. Квебекский лингвист Ж. Пуарье также определяет французский язык Квебека как *национальный* [Poirier 1998: 924].

Применение определения *национальный* по отношению к разновидности французского языка Квебека объясняется не только и не столько идеологическими установками, сколько ключевой ролью языка в объединении и национальной самоидентификации квебекцев.

Первые попытки национальной самоидентификации квебекцев относятся к первой половине XIX, что наглядно демонстрирует отрывок из газеты Le Canadien (1831): «Il n'y a pas, que nous sachions, de peuple français en cette province, mais bien un peuple canadien <...> ce peuple n'est ni Français, ni

Anglais, ni Ecosais, ni Irlandais, ni Yanké, il est Canadien» (Насколько нам известно, в этой провинции нет французского народа, но есть канадский <...> этот народ не является ни французами, ни англичанами, ни шотландцами, ни ирландцами, ни янки (американцами), этот народ — канадцы) [Poirier 2008: 15].

Приводя слова известного историка Французской Канады Франсуа-Ксавье Гарно, В.А. Коленко пишет: «после покорения 1760, трагического своими последствиями для бедного и малочисленного франкоканадского народа, последний, сохранив определенные свойства великой нации, от которой он происходил <...> замкнулся сам в себе, постоянно опасаясь утратить навыки, мысли и даже предрассудки своих предков. И только благодаря этому, считал Гарно, “ему удалось до наших дней сохранить свою религию, свой язык и, более того, свое место в Америке”» [Коленко 2006: 226–227].

Отметим, что под гнетом превалирующего англоговорящего населения квебекцы не только сохранили свой уникальный французский язык (квебекцы в отличие от жителей Швейцарии и Бельгии испытали ограниченное влияние со стороны Франции на процесс нормирования языка), но и сделали его главным символом националистического движения середины XX века, известного также как «Тихая революция».

В период «Тихой революции» принимается ряд важных законов относительно французского языка. В частности, Закон 101 (Хартия французского языка), закрепляющий за французским языком статус единственного официального языка провинции. Пропагандируется французский язык, отражающий характер и историю народа, который на нем говорит.

За четыре сотни лет французский язык Квебека обрел особую лингвокультурную специфику, обусловленную историческими, географическими, социальными и другими

факторами, благодаря чему не только приобрел статус национального языка, но и сыграл ключевую роль в национальной самоидентификации квебекцев.

Литература

Загряжская Т.Ю. *Франция и франкофония: язык, общество, культура: Монография*. М.: Издательство Московского университета, 2015.

Коленко В.А. *Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека, XVII–XX века*. М.: Наука, 2006.

Михальченко В.Ю. *Словарь социолингвистических терминов*. М.: Институт языкознания РАН, 2006.

Фирсова Н.М. *Избранные труды: В 2-х т. Т. 2: Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки*. М.: Изд-во РУДН, 2009.

Poirier C. Les origines du complexe linguistique des Québécois // *Carreaux-Diamants*. 2008. № 96. P. 14–17.

Poirier C. Vers une nouvelle représentation du français du Québec : Les vingt ans du Trésor // *The French Review*. 1998. Vol. 71. № 6. P. 912–929.

Костеева Д.Ю.

(РУДН, магистратура, 1 курс)

Язык и проблема построения идентичности

Под идентичностью в самом широком смысле понимается совокупность индивидуальных, культурных и социальных параметров, позволяющих ответить на вопрос «кто я?». Однако современный человек по большей части не знает, кто он. Стремительное развитие окружающего мира и все более размытые культурные границы создают впечатление исчезновения идентичностей как таковых в обмен на статус «гражданина мира». С другой стороны, новые правила самоопределения, продиктованные условиями глобализации, открывают возможности для построения комплексных, многоуровневых идентичностей и развития

поликультурных идентичностей. Процесс самоидентификации может проявляться в различных формах, в том числе и в речи. Однако язык и его структура порой не помогают выстраиванию идентичности, а скорее, наоборот, еще больше запутывают это сложное понятие.

История появления понятия идентичности уходит корнями во времена Античности, когда сам термин трактовался скорее как «тождество» или «тождественность», другими словами, под ним подразумевалось свойство вещей оставаться неизменными, сохранять свою сущность [Косенчук 2014]. Одним из первых проблему персональной идентичности формулирует английский философ Дж. Локк, определяя идентичность как способность к самосознанию во времени и пространстве [Локк 1985].

Классическое понимание идентичности принято связывать с философией Нового Времени, одним из ярких представителей которого считается Рене Декарт, сформулировавший свое известное утверждение «*Cogito, ergo sum*» («Мыслю, следовательно, существую»), ставшее фундаментальной истиной рационального познания [Декарт 1989]. В рамках классической трактовки в основу понимания идентичности ложится исходная целостность человеческой индивидуальности и самоидентичность.

Американские философы XX века Г. Зиммель, Дж. Г. Мид и Ч. Кули придают новое значение понятию самости («*Self*»), утверждая, что она формируется в контексте социального взаимодействия, а не дается человеку при рождении [Орлова 2010]. Несмотря на то, что в своих работах они не употребляют понятие идентичности, их идеи вносят существенный вклад в его развитие.

Основателем исследований идентичности принято считать американского психолога второй половины XX века Э.Эриксона, представившего концепцию, согласно которой построение идентичности представляет собой постоянный процесс самодифференциации. При этом в понятие

идентичности входят как осознание индивидом своей целостности во времени и пространстве, так и признание этого факта обществом [Эриксон 2006].

Американский социолог И.Гофман, используя понятие идентичности в своих исследованиях самопрезентации, принимает во внимание три его измерения: индивидуальное, социальное и культурное [Goffman 1959]. Основываясь на представлении И. Гофмана, социологи А. П. Бергер и Т. Лукман придают трехгранной модели идентичности обобщенную форму, базируясь на объединении конструктивистской и феноменологической теорий [Gleason 1983].

В 60-е годы XX века понятие идентичности обретает особую популярность. Однако наступление эпохи постструктурализма и постмодернизма вносит свои корректировки в его определения. Например, Ж. Деррида разрабатывает метод деконструкции, ставящий под сомнение рационализм и самоидентичность индивидуальности в классическом понимании идентичности. Он утверждает, что такие идентичности как, например, «женщина», «рабочий» или «черный», не называют ранее существовавшие группы, а имеют смысл в силу системы различий, составляющих наш язык. То, каким образом эти идентичности определены в нашей культуре, является следствием дискурсивных логик, которые управляют нашим языком, а это, в свою очередь, является результатом политического влияния на эти термины. Когда значения, присвоенные идентичностям в рамках определенного дискурса, рассматриваются так, будто они были естественно сформированы, эти «идентичности» служат для управления людьми, для влияния на социальную политику и даже для изменения наших представлений о понимании самих себя [Stone-Mediatore 2002].

Идея о необъективности знания приводит к тому, что само понятие идентичности становится фиктивным, поскольку его нельзя закрепить, зафиксировать или

окончательно определить. Так же как значения предметов, зависящие от связей между означаемым и означающим, постоянно меняются с течением времени и приобретают или теряют оттенки значений, стабильное и познаваемое понятие идентичности, существующее за пределами языка, — это всего лишь фикция языка [Моуа 2000].

Если провести аналогию между социальными отношениями и лингвистическими структурами, получается, что идентичность так же относительна, как значения, присваиваемые различным лингвистическим единицам на основе внутреннего устройства языка, с помощью которого человек интерпретирует окружающий его мир. Значение никогда не представлено полностью, так как оно состоит из бесконечных возможностей противопоставления с тем, чем оно не является. Поскольку значение существует только в неустойчивой связи со средствами его выражения и поскольку люди могут выражать свои мысли только с помощью этих связей между означаемым и означающим, мы не можем говорить о существовании «объективной» истины. Следовательно, стремление к объективному знанию опирается на репрезентативную функцию языка, которая основывается на двух ошибочных предположениях что, во-первых, существует взаимное соответствие между означаемым и означающим и что, во-вторых, означающее имеет какой-то внутренний смысл вне зависимости от человеческой мысли или действия. Таким образом, знание не может считаться объективным, так как оно опосредованно языком [Ibid].

Тем не менее, самоидентификация необходима для человека, поскольку ответ на вопрос «кто мы?», то есть то, как мы себя воспринимаем и то, как воспринимают нас, — будет существенно влиять на нашу жизнь: где мы будем жить, работать, учиться, с кем будем общаться и т.д. Кроме того, наш жизненный опыт и то, как мы понимаем окружающий мир, будет зависеть от того, как мы понимаем

самих себя. Наше самосознание, построение персональной идентичности влияет и одновременно находится под влиянием того, как мы видим устройство общества и свою роль в нем [Ibid].

С классической точки зрения, утверждающей существование неизменной и вечной сущности, определяющей конкретные идентичности, проблема построения идентичности заключается в склонности позиционировать один аспект идентичности (например, пол, профессию, национальную принадлежность) как основную детерминанту, определяющую характер и поведение индивида, поскольку в разных исторических и социальных контекстах идентичности могут складываться по-разному [Ibid].

Концепции постмодернизма, в свою очередь, основываются на представлении изменчивой, незафиксированной, непохожей на других сущности идентичности. Такой взгляд на проблему ставит вопрос о существовании идентичности как таковой, ведь если ее составляющие не могут быть однозначно определены, их можно считать фиктивными. Однако возможность рассмотрения различных аспектов идентичности, способных к модификации, позволяет говорить о множественности идентичностей и об их комплексном устройстве.

Возможный способ решения проблемы идентичности — совместить классический и постмодернистский подходы, обращая особое внимание на анализ дискурса, в рамках которого происходит процесс самоидентификации. Именно контекст позволяет установить верные соответствия между означаемым и означающим, между идентичностью и ее составляющими. Другими словами, важно анализировать как внутренние, так и внешние характеристики, допуская и сохранение идентичности, и ее дифференциацию. Главной задачей остается подбор правильных инструментов для их исследования и анализа.

Литература

- Декарт Р. *Рассуждение о методе*. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989.
- Косенчук Л.Ф. Сущность идентичности и основные подходы к ее исследованию // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 16. С. 223–225.
- Локк Дж. *Опыт о человеческом разумении*. М.: Мысль, 1985.
- Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально научном знании // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. IV. С. 87–111.
- Эрикссон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Флинта. 2006.
- Gleason P. Identifying Identity: A Semantic History // *Journal of American History*. 1983. Vol. 69 (4).
- Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Random House, 1956.

Кошелева Е.М.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

Окситанский язык как социолингвистическая категория

Окситанский язык (окс.: *occitan*, фр.: *occitan*, *langue d'oc*) — исторический язык, юга Франции, территории шести регионов по административному делению до 01.01.2016 (Аквитания, Лангедок-Руссильон, Южные Пиренеи, Овернь, Рона-Альпы) или в четырёх регионах по новому административному делению (Новая Аквитания, Окситания, Прованс-Лазурный берег, Овернь-Рона-Альпы). Ареал распространения окситанского языка охватывает также ряд горных долин в Италии, в Испании он является официальным языком (наряду с испанским и каталанским) в долине Валь-д'Аран (гасконский диалект). Окситанский язык официально признан региональным языком.

Впервые термин «язык ок» (*langue d'oc*) встречается в лингвистическом трактате Данте Алигьери «О народном красноречии». Данте строит типологию языков, взяв за

критерий классификации утвердительную частицу «да». Примерами романских языков, классифицированных по этому принципу могут служить окситанский (*lingua oc*), французский (*lingua oïl*) и итальянский (*lingua sì*). Номинация провансальский (*provençal*) ранее употреблялась применительно к окситанскому языку широком смысле (*langue d'oc*). В настоящее время *le provençal* в большинстве случаев указывает на вариант (диалект) окситанского языка Прованса. Замена номинации *провансальский язык* на *окситанский* связана с тем, что регион распространения данного языка существенно шире чем границы собственно Прованса и провансальский является лишь одним из вариантов данного идиома.

Современное положение окситанского языка представляет собой типичный случай диглоссии, что находит выражение в «его глубокой эрозии как социального феномена, низкой лояльности носителей по отношению к нему, низком престиже, практическом отсутствии потребности и отрицательном социальном образе. (...) ЮНЕСКО относит окситанский язык к угрожаяемым языкам по шкале витальности» [Москвичева 2017: 243]. По типологии миноритарных языков с точки зрения параметра доминирующий/доминируемый, предложенной А. Паско, окситанский язык относится к разряду минорируемых языков [Паско 2017: 1734]. Если говорить о социолингвистических типах номинаций языков во Франции, то факт миноризации региональных языков прослеживается, в том числе, в подходах к их категоризации. А. Вио выделяет «две тенденции в процессах миноризации региональных языков современной Франции: эффект глобализации и эффект нейтрализации» [Эбзеева 2017: 174]. Первый связан с понятием «*les langues de France*», подводящим все языки Франции под одну общую категорию, истоки которой следует искать в якобинском подходе к народу и территории Французской Республики. «На символическом уровне,

специфика, приписываемая каждому из языков, оказывается связанной с семантикой единственного числа связанных с ним предикатов («Les langues de France est le patrimoine...»), которая выражает идею общности и связана с онтологическим единством (La France)» [Viaut 2014: 327]. Вторая тенденция, связанная с «эффектом нейтрализации» проявляется в дисперсном представлении языков. В официальных документах единственное число применительно к государственному французскому языку всегда противостоит множественному «языки Франции» (все другие языки, взятые как единая совокупность). В документах *Генерального управления по французскому языку и языкам Франции 2005–2007 годов* окситанский язык фигурирует наряду с баскским, бретонским и другими, но номинируется следующим образом: «говоры языка «ос» или окситанского (гасконский, лангедокский, провансальский, овернский, лимузинский, виваро-альпийски)». Множественность номинаций существует и сейчас.

Окситанский язык, действительно, не является стандартизированным, но история языка, наличие общей блестящей литературной традиции в средневековье, общее чувство идентичности, прозрачность взаимопонимания даже между удаленными диалектами [Sibille 2007: 2], а также наличие общей орфографии позволяют говорить о его несомненном единстве.

Количество носителей окситанского языка определяется весьма по-разному: в 10000 [Вес 1995: 11], в 50000–100000 [Glessgen 2007: 84] и до 2000000 и более. «Такой существенный разброс в оценке не вызывает удивления. Он объясняется рядом факторов идеологического, административного и собственно методологического порядка» [Москвичева 2017б: 239]. Дело в том, что «вопросы, касающиеся этнической принадлежности граждан Французской Республики и владение языками, принципиально не могут появиться ни в

ходе переписи населения, ни в ходе микро- и макросоциологических исследований, поскольку это нарушает права личности и может угрожать основному принципу Французской Республики — ее единству» [Москвичева 2017а]. Исключение представляла собой перепись населения 1999 года, в которую была включена анкета «Семья», по которой были опрошены 380 000 человек. Другим источником информации могут служить различные социолингвистические обследования, приводящиеся по заказу Региональных Советов и общественных организаций. Проблема данных обследований в отсутствии единой методики, что делает затруднительным подведение их данных под единый стандарт. Сложно использовать и статистику преподавания окситанского языка в школах, поскольку она находится в ведомстве восьми академий, деятельность которых не гармонизирована, и «каждая академия проводит собственную политику по отношению к окситанскому языку» [Москвичева 2017б: 240].

Литература

Москвичева С.А. Парадоксы в оценке социодемографических показателей миноритарного языка как фактор риска (на примере окситанского языка) // *Материалы международной научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме — 6»*. 2017. С. 57-58.

Москвичева С.А. Типы франко-окситанского билингвального образования: опыт, итоги, перспективы // *Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. №2. С. 239-245.

Паско А. Миноритарный язык, миноризируемый язык, миноризируемый язык или язык в миноритарной ситуации? Опыт дефиниции и использования в ситуации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8 № 4. С. 1732-1749.

Эбзева Ю.Н. Рецензия на книгу Viaut A. et Moskvitcheva S. *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-*

soviétique. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014. P. 171-183.

Bec P. *La langue Occitan*. Paris: Presses universitaires de France, 1995.

Glessgen M-D. *Linguistique romane. Domaines et méthodes en linguistique française et romane*. Paris: Armand Colin, 2007.

Blanchet Ph., Calvet L.J. Le volet linguistique du recensement français de 1999. Résultats et analyse appliquées à la Provence plurilingue et au provençal // *Langues et cité*. 2007. № 10. P. 5.

Sibille J. L'Occitan...Qu'es quò? // *Langues et cité*. 2007. № 10. P. 2.

Viaut A., Moskvitcheva S. *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique*. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.

Юрьева Ю.Б.

(РУДН, аспирантура, 2 курс)

**Исследование плюралистических языков
в современном мире**

В процессе коммуникации люди принимают решение, каким образом они могут обращаться друг к другу. Современные исследования европейских языков демонстрируют значительные различия форм обращения и приветствия в различных контекстах.

Формы обращения являются одним из центральных процессов социального взаимодействия, так как они отмечают межличностные отношения между собеседниками, а также отражают культурные ценности, разделяемые обществом в целом. Культура играет важную роль в эффективной коммуникации, так как она формирует жизненный опыт людей и является совокупностью общего опыта. Т.В. Ларина определяет национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль как предопределяемый культурой тип коммуникативного поведения, проявляющийся в выборе и предпочтительности средств коммуникации (вербальных и невербальных),

используемых в процессе межличностного взаимодействия [Ларина 2005: 251].

Язык является средством идентификации объектов окружающего мира, их классификации и упорядочению сведений о нем [Леонтович 2005: 72–73].

Современные работы (см., например, [Clune 2006]) способствовали исследованию форм обращения в различных плюралистических языках (акцент делается на ареалы распространения) [Шайбакова 2016: 3].

В современном мире все большее внимание уделяется изучению плюралистических языков, то есть языков с двумя или более кодифицированными национальными стандартами. Примером может послужить немецкий язык в Германии, Австрии и Швейцарии или шведский язык в Швеции и Финляндии, которые демонстрируют как использование форм обращения отражает характер различных языковых сообществ, говорящих на одном и том же языке.

Основными признаками плюралистических языков являются: 1) несколько версий стандартного языка; 2) несколько центров развития; 3) каждый центр имеет свою вариативность, свои собственные кодифицированные нормы; 4) трансграничность; 5) этническая и языковая идентичность носителей не всегда совпадает [Шайбакова 2016: 3]. Современный английский язык является «самом плюралистическим [...] среди всех языков» [Clune 2006: 99].

Американский лингвист Брадж Качру представил распространение английского языка в виде «трех concentрических колец»: а) внутренний круг (inner circle) относится к странам, где английский язык является родным: США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Общее количество носителей составляет 320–380 млн. человек;

б) наружный, средний круг (outer or extended circle) относится к странам, где он получил статус официального

языка: Индия, Сингапур и др. Общее количество носителей составляет 150–300 млн. человек;

в) расширяющийся, внешний круг (*expanding circle*) включает страны, где английский язык является основным изучаемым иностранным языком в образовательных учреждениях: Германия, Греция, Китай, Польша, Россия, Япония и др. Общее количество носителей составляет 1 млрд. человек [Качру 1996: 146–147].

Глобальное значение английского языка привело к росту не только его внутринационального использования во внутреннем и среднем круге, но также, более широко, в качестве средства международной коммуникации. И как следствие, число не-носителей английского языка превосходит число носителей английского языка. В результате данной тенденции, английский язык больше не является собственностью только стран, где английский язык является родным и где он получил статус официального государственного языка. Термин «международный английский язык» относится к британскому, американскому, австралийскому и канадскому национальному варианту английского языка, но не относится к различным региональным разновидностям.

Все национальные варианты английского языка, представляют собой, сочетание лингвистических, лингвокультурологических и мировоззренческих элементов, отражающих языковую картину мира его носителей. Развитие английского языка как языка межнационального общения в современном глобализированном мире ставит вопрос о том, является ли употребление английского языка единым для всей англо-саксонской культурной традиции.

Литература

Качру Б. Мировые варианты английского языка: агония и экстаз // *Личность. Культура. Общество*. 2012. Т. XIX. Вып. 4 № 75–76. С. 146–147.

Ларина Т.В. Английский стиль фатической коммуникации // *Жанры речи*. 2005. Вып. 4. С. 251-262.

Леонтович О.А. *Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения*. М.: Гнозис, 2005.

Шайбакова Д.Д. *Плюралистические языки: справочно-аналитические материалы*. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2016.

Clyne M. Some thoughts on pragmatics, sociolinguistic variation, and intercultural communication // *Intercultural Pragmatics*. 2006. P. 95–105.

Clyne M. Address in intercultural communication across languages // *Intercultural Pragmatics*. 2006. 305–409.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Артемьева Д.А.

(РУДН, бакалавриат, 4 курс)

Специфика исследования концепта «смерть» в китайской лингвокультуре (на материале произведений творчества Юй Хуа)

Обращение к произведениям современного китайского писателя Юй Хуа обусловлено интересом к создаваемой им своеобразной авторской картине мира, репрезентирующей не только ценностные смыслы китайской культуры, но и особые символические образы и языковые элементы. Целью данного исследования является всеобъемлющий анализ концепта «смерть» в системе и в языковом сознании носителей китайского языка.

Интерес исследователей к концепту «смерть» был всегда велик, так как он занимает важное место в языковой картине мира, и который, пожалуй, можно причислить к одним из основных смыслов человеческого бытия. Культурный концепт как основная единица лингвокультурологии «выделяет в себе ценностные, образные и понятийные стороны» [Карасик 2002], что позволяет провести его изучение не только с лингвистической точки зрения, но и с психолингвистической.

Общечеловеческий подход к концепту «смерть» определяется неразрешимым противоречием между вечностью и мимолетностью человеческой жизни. Здесь заложена определенная концептуальная схема, которая варьируется у разных народов и культур мира.

В рассмотрении теории концепта ведущую роль играют труды С.Ю. Степанова, В.И. Карасика, В.Г. Зусмана и др. Так, В.И. Карасик к важнейшим культурным концептам относит лингвокультурные ценностные доминанты, т.е. наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик 2002: 187–188].

В китайской народной традиции сам акт смерти понимался неоднозначно. Традиционные китайские представления соединились с поздними буддийскими привнесениями. Далее все это испытало влияние конфуцианства. Примером того, что смерть в китайской культуре тесно связана с концептуализацией «судьбы», могут служить множество высказываний в «Лунь Юй» («Беседы и суждения» — главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция). Например, 死生有命, 富贵有天 — смерть и рождение определяются судьбой, богатство-небом [Лунь Юй, Янь Юань].

Говоря о самом концепте «смерть», пожалуй, самыми яркими примерами будут произведения Юй Хуа «Братья», «Седьмой день», «Жить». Так, в романе «Жить» главный герой провожает всю свою семью на тот свет, и так получается, что единственным близким для него остается старый бык. Таким образом, «жить» у Юй Хуа — это видеть гибель своих близких. Перед нами предстает судьба человека, который несмотря ни на что, сохраняет стремление к жизни. С помощью такого противостояния смерти Юй Хуа удалось отобразить китайскую действительность, а также продемонстрировать воздействие череды трагических событий того времени на жизнь китайского народа. Люди бессильны перед смертью, продолжать жить несмотря на муки — это своего рода вызов судьбе.

Исследуя творчество Юй Хуа, можно сказать что «жить» в его произведениях, значит страдать, а также терпеть. «人是为了活着本身而活着的，而不是为了活着之外的任何事物而活着» — «Человек живет, чтобы жить и не для чего более» [Юй Хуа 2004].

«活着在我们中国的语言里面充满了力量，它的力量不是来自叫喊，也不是来自叫功，而是忍受，去忍受生命赋予我们的责任，去忍受现实给予我们的幸福和苦难，无聊和平庸» — «Слово жить в китайском языке наполнено силой, и его сила не происходит из восклицаний или заслуг, оно происходит из терпения, стерпеть то, что дано судьбой наделяет нас ответственностью, вынести реальность наделяет нас счастьем и страданием, бессмысленностью и посредственностью» [Юй Хуа 1998].

Таким образом, из приведенного выше высказывания следует, что в сознании современных китайцев слово «жизнь» по-прежнему является синонимом лексической единицы «терпение». Философия такова, что только тот, кто смог выдержать все страдания имеет, право на счастье, потому что сила в терпении, а смерть — это удел тех, кто не смог противостоять судьбе. Именно поэтому, главный герой в романе «Жить» остается жив, потому что, несмотря ни на что, он живет, ради того, чтобы жить.

Таким образом, выявление ключевого концепта позволило нам установить, что в качестве исследования художественной и языковой картины мира Юй Хуа, понятие «концепта» определяется как ее структурный элемент. Концептуализация его по линии смерти, собственно, идет еще от китайской традиции народной культуры, что определило дальнейшее отношение в языковой системе китайского языка.

Литература

Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002.

Конфуций. *Лунь Юй*. Электронный словарь устойчивых выражений. URL: <http://hanyu.iciba.com/chengyu/30821.shtml> (дата обращения: 14.10.2017).

Юй Хуа. *Жить*. Шанхай: Шанхайское литературное издательство, 1998.

Юй Хуа. *Могу ли я себе верить*. Пекин: Издательство Жэнь минь Жибао.

Вавиленкова Д.В.

(РУДН, бакалавриат, 2 курс)

Концепт «добро» в паремиях русского и китайского языков

Одним из самых важных факторов изучения иностранного языка является погружение в культуру народа-носителя данного языка. Особенно необходимым при этом можно считать ознакомление с фольклором стран изучаемого языка. Через призму фольклора можно изучать не только определенный язык, но и культуру определенного народа, его менталитет.

Пословицы и поговорки (паремии) являются неотъемлемой частью фольклора. Пословицу следует рассматривать как образное изречение, отражающее какое-либо жизненное явление и выражающее законченное суждение. Поговорка в отличие от пословицы не заключает в себе прямого поучительного смысла.

Наиболее распространены пословицы и поговорки, относящиеся к тематике, связанной с окружающей средой и внутренними пороками или добродетелями человека.

Большой интерес представляет собой концепт «добра» в паремиях разных языков. На основе материалов

двуязычных китайско-русских и русско-китайских словарей, а также сборников пословиц и поговорок в работе предпринята попытка определения эквивалентности понятия «добро» в паремиях, а также выявления особенностей их употребления, обусловленных полисемией внутри данных языков и культурными различиями двух народов.

Предметом нашего исследования являются семантические, культурологические, идеографические и прагматические особенности паремий, связанных с понятием «добро» в русском, китайском языках.

Прежде всего следует определить значение понятия «добро» в китайском фольклоре и русском народном творчестве. Следуя постулату об универсальности познания мира через семантическую оппозицию (основанную на антонимических понятиях), можно рассматривать концепт «добро» как нечто, противоположное злу.

В китайском языке сама лексема 善 «добро» состоит из графем 羊 (овца) и 言 (речь), т.е. дословно расшифровывается как «речь овцы». В Древнем Китае животных разделяли на добрых и злых по их «речи». Овца относилась к добрым животным, так как несмотря ни на что, покладисто блеяла, не проявляя агрессии. Вскоре само блеяние овцы стало считаться символом добра. В пословицах и поговорках иероглиф 善 также имеет значение добра, блага. Например, 善恶随人作, 祸福自己招 («Следуя за добром и злом, человек сам привлекает беду или счастье»). Здесь отображены сразу две вертикали семантической оппозиции, относительно которых можно рассматривать данную пословицу (善恶 добро-зло; 祸福 счастье-несчастье). Можно сказать, что в таком случае каждый из концептов в данных парах обозначается как противоположность другому, то есть добро — это есть *нечто, не приносящее зла*.

Однако встречаются и другие варианты перевода иероглифа 善 на русский язык. Например: 人善被人欺 马善被

人骑 [100 жемчужин китайской мудрости 2007: 112–113] (Дословно: «Хорошим человеком пользуются люди, на хорошей лошади люди ездят верхом»). В данном случае, опираясь на контекст, лексему 善 можно перевести на русский язык, как «*послушный*», «*уступчивый*».

Таким образом, в пословицах и поговорках китайского языка лексема 善 используется не только в первоначальном смысле (как противоположность злу) ее перевод зачастую обусловлен контекстом.

В русском языке значение слова «добро» охарактеризовано в толковом словаре С.И. Ожегова как «*нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу*» [Ожегов, Шведова 2006: 169]. Общеславянское «dobъgъ» — «*удобный*» характеризовало хорошие стороны человека, заключающие в себе понятие «доброты» в современном его понимании.

В поговорке «Доброе слово человеку — что дождь в засуху» подчеркивается важность доброго слова, которое подразумевает *не несущее негативного окраса, сказанное с чистыми помыслами* слово.

Встречаются и другие значения лексемы «добро» в паремиях русского языка. «Добрый скорее дело сделает, чем сердитый». Здесь слово добро противопоставлено «сердитости» как частному проявлению эмоций человека в определенной ситуации. То есть «добрый» в данном случае — *находящийся в хорошем расположении духа, не сердитый, спокойный, уравновешенный*.

Итак, для лексемы «добро» в русских пословицах и поговорках так же, как и для лексемы 善 в паремиях китайского языка характерна контекстуальная полисемия.

Таким образом, рассмотрение концепта «добро» как блага, добродетели, «не зла», спокойствия, в паремиях китайского и русского языков указывает на различия в их употреблении внутри этих языков по отдельности,

обусловленные многозначностью исследуемой лексемы. При этом спектр использования лексемы «добро» "善" примерно одинаков как в русском, так и в китайском языках.

Литература

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. М.: ООО «А ТЕМП». Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2006.

100 жемчужин китайской мудрости. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Колесникович В.В.

(Университет г. Ювяскюля, магистратура, 2 курс)

Conception of Intercultural Competence and its role in collaboration between local and foreign students in international universities

As globalisation moves forward and global cooperation in all fields of life increases, such concept as international education becomes more and more common. University classrooms worldwide are increasingly international. However, this process of internalisation of higher education poses a multitude of challenges; one of them is communication between local and international students. While international students and their adaptation to the host society have been a focus of researchers' attention for years, local students and their ability to communicate effectively with international students have not received much attention.

In this article, we are going to outline the main points of what is probably going to be my Master's thesis topic. According to Crawford (2008), most of the research on the development of intercultural competence, intercultural sensitivity, or communication competence have focused primarily on adult

immigrants and expatriate worker subjects, study abroad participants, tourists, and sojourners, although some studies on intergroup contact involve youth or on some specific antecedent, process, or trait that explains or facilitates intercultural interaction success. However, such topic as Intercultural competences development of local students did not receive a wide recognition and much attention, which is why I believe that this topic needs further investigation.

In this paper, we will try to reveal whether communication and cooperation between domestic and foreign students in international universities contributes to intercultural competences' (IC) development of the former group of students. We aim at discovering whether IC of the local students, who are studying together with international students increase or remain stable over time. The main research question I ask is whether studying in international universities contributes to intercultural competencies' development of local students.

Intercultural competence (IC) is the ability to interact effectively with people from cultures that we recognize as being different from our own" [Byram 2000: 297]. According to Deardorff, the ability to relate to and with people from vastly different cultural and ethnic backgrounds is an increasingly important competency both domestically and abroad. Intercultural competence includes knowledge, skills, and personal attributes needed to live or work in a diverse world. This includes cultural sensitivity, intercultural communication skills, personal and collective attitudes toward other cultures, and knowledge about other cultures. Multiple models of measuring intercultural competences were elaborated in the recent years, including Holmes and O'Neill (2012): the PEER (Preparing, Engaging, Evaluating, and Reflecting) model; Deardorff (2006) Pyramid model; Navas et al. (2005): the RAEM (Relative Acculturation Extended Model) and Bennett's (1993) Developmental Model of Intercultural Sensitivity (DMIS) model. In order to conduct the research, I am going to use the DMIS model. The underlying

assumption of this model is that as one's experience of cultural difference becomes more complex and sophisticated, one's potential competence in intercultural relations increases" [Hammer et al. 2003: 423].

I am going to carry out this research among local undergraduate students. The research, which I plan to conduct, is going to be comparative. The participants of the research will be the home students in the University of Jyväskylä, Finland. My main target group is the students, who have not had any prior official instruction on Intercultural Communication, who have not lived overseas for a long period of time and whose specialisation is not directly connected with internalisation (e.g. Economics, Law, Chemistry and others). This research is going to be qualitative in nature. In this study, I am going to use both face-to-face interviews and short online surveys. The online surveys, based on the questionnaires of the DMIS model, will help me to determine on which stage of the DMIS model a person is, and interviews will enable me to find out how the person feels about their IC development process and the way they describe this process, which can give a more personal outlook of this issue.

The results of this research might be interesting for policy makers, programme developers, who aims at creating a learning environment, in which all the students might feel an intercultural atmosphere, both natives and international. As I am going to see how IC competences are influenced by social interaction in academic terms, the results might be also interesting for those, who create various projects and programmes, targeted at development intercultural competencies of home students.

References

Crawford B. *Exploring Intercultural Competency Growth by Non-Mobile University Students through Interaction with Dissimilar Others: Internationalizing at Home through Voluntary Social Interaction*. Finlande:

Intercultural Communication Department of Communication University of Jyväskylä, 1970.

Deardorff D.K. *The SAGE handbook of intercultural competence*. Los Angeles: SAGE Publications, 2009.

Hammer M.R., Milton J.B., Richard W. Measuring intercultural sensitivity: The intercultural development inventory // *International journal of intercultural relations*. 2003. № 27. (4). P. 421–443.

Intercultural Training Certificate. URL: www.gvsu.edu/itc/intercultural-competence-8.htm (accessed: 29.09. 2017).

Конистратенко В.А.

(МГУ, аспирантура, 1 курс)

Особенности концепта «смерть» в языковой картине мира мексиканцев на материале текстов «*calaveras literarias*»

Абсолютно во всех существующих в настоящее время культурах присутствует концепт смерти, что находит свое отражение в философии, литературе, психологии и языке, поскольку для человека, способного осознать свою смертность, в отличие от других живых существ, смерть не только является физическим явлением, но и вовлекается в сложную социально-нравственную систему отношений. А.Ф. Кофман характеризует смерть как «самую актуальную, травматическую и личностную проблему человеческого бытия и сознания» [Кофман 1997: 287]. Решение этой проблемы предполагает самые разные стратегии как на индивидуальном уровне конкретной личности, так и на уровне восприятия смерти конкретным народом.

А. Вежбицкая относит категорию смерти к «универсальным элементарным смыслам», которые являются своего рода категориальным базисом метаязыка, универсальным набором человеческих концептов, на основе которого в каждом языке выстраивается своя система

значений. Такой список универсальных человеческих категорий был установлен на базе многолетних исследований широкого круга языков из разных языковых семей [Вежбицкая 2001: 121]. Дуализм «лингвистической универсальности» и «лингвистической относительности» порождает индивидуальность значений метаконцепта в отдельно взятой картине мира. Иными словами, несмотря на единство общих категорий, их интерпретация в каждом отдельно взятом языке может варьироваться.

В современной мексиканской культуре концепт смерти занимает особое место, что обусловлено богатейшим культурным наследием этой страны. Несомненно, особое место отведено смерти и в корпусе мексиканского национального варианта испанского языка. Одним из вербализаторов представлений мексиканского народа о смерти являются *calaveras literarias* — небольшие шуточные стихотворения о смерти, посвящаемые живым, которые традиционно сочиняют ко Дню мертвых 2 ноября. Эти тексты, также известные как *calaveritas* или *panteones*, представляют собой не только апофеоз культа смерти в Мексике, но и отражают социальные и политические проблемы, волнующие общество в тот или иной момент времени. В связи с этим, представляется актуальным провести анализ аутентичных текстов *calaveras literarias* с целью выявления лингвистических и социокультурных особенностей мексиканской языковой картины мира.

Методом сопоставительного анализа было установлено, что восприятие смерти в мексиканской лингвокультуре во многом перекликается с русской картиной мира, однако также были выделены специфические черты концепта «смерть» в Мексике, такие как стремление доминировать над ней, превознесение смерти над жизнью, восприятие смерти как верховного судьи, который противостоит богу. В мексиканской лингвокультуре восхваление достойной смерти приобретает коннотацию любования и даже

наслаждения. А.Ф. Кофман отмечает, что в мотив утверждения превосходства смерти над жизнью часто прослеживается в латиноамериканской литературе, при этом «событие смерти обретает такую значимость, что в сравнении с ним предшествующая жизнь выглядит бессобытийной» [Кофман 1997: 292].

При этом смерть представляется мексиканцам в виде девушки-скелета, что является результатом интерференции европейской культуры, а именно средневековых «плясок смерти» и укоренения в самосознании народа образа «Ла Катрины», созданного Х. Гвадалупе Посадой и впоследствии реконструированного Д. Риверой. Карнавализация смерти благодаря празднику «День Мертвых» привела к повсеместному ироническому восприятию смерти другого, а особенности мексиканской культуры проявились в machistском отношении к очеловеченному образу смерти.

Насмехаясь над смертью, мексиканцы привыкают сосуществовать с ней в рамках своей картины мира, поклоняясь ей во время карнавального Дня мертвых, они театрализуют ее. При этом становится очевидной амбивалентность концепта смерти, то есть несоответствие между его глубинным смыслом (физический акт умирания, прекращение жизни) и внешней репрезентацией (карнавал). В этой связи Н.В. Минькова отмечает, что такое любование смертью не имеет ничего общего с переживанием своей собственной смерти: «смерть Моя» принимается за экзистенциальный кризис, а «смерть Другого» может даже притягивать, именно она визуализируется, именно за ней можно подглядывать [Минькова 2010: 210].

В ходе анализа было выявлено разнообразие языковых единиц для вербализации концепта «смерть», которые так или иначе описывают признаки, атрибулируемые народом очеловеченному образу смерти. Это адъективные существительные от прилагательных «лысая», «зловонная», «костлявая», «зубастая», «беззубая» и др. Также в текстах

calaveras literarias встречается большое количество культурных реалий Мексики, англицизмов и языковых лакун. При этом лексические единицы, которые можно охарактеризовать как синонимические конструкции к глаголу «умирать», можно разделить на эксплицитные (то есть те, в которых представления народа о процессе смерти выражены напрямую) и имплицитные или эвфемистические, некоторые из которых по своей лексико-семантической образности пересекаются с русскоязычными фразеологическими единицами.

Тексты *calaveras literarias* следует рассматривать как малый жанр народной мексиканской поэзии, который хоть и имеет традиционный ритм и размер, открывает современным авторам простор для творчества и, как следствие, представляет интерес для последующих исследований. Так как корпус этих текстов с каждым годом обновляется, он отражает актуальную повестку дня, продиктованную массовой культурой и СМИ, что проявляется не только на уровне тематики текстов, но и на лексико-семантическом уровне.

Литература

Вежбицкая А. *Понимание культур через посредство ключевых слов*, М.: Языки славянской культуры, 2001.

Гусева И.В. Особенности фразеологии мексиканского национального варианта испанского языка // *Вестник МГИМО Университета*. № 4 (25). 2012. С. 219–305.

Корнилов О.А. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. М.: ЧеРо, 2003.

Кофман А.Ф. *Латиноамериканский художественный образ мира*. М.: Наследие, 1997.

Минькова Н.В. Амбивалентность отношения к смерти во Второе Средневековье и в массовой культуре постмодерна // *Знание. Понимание. Умение*. 2010. № 1. С. 209–213.

Чеснокова О.С. *Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование.* Германия: Palmarium Academic Publishing, 2012.

Мерай М.И.
(*РУДН, бакалавриат, 2 курс*)
**Современные гендерные исследования:
первые леди арабских стран**

Проблема роли и места женщины в арабском обществе всегда привлекала и продолжает привлекать внимание как ученых и исследователей, так и простых обывателей. Безусловно, люди, не знакомые с арабским миром, проявляют интерес к теме положения женщин в арабских странах, так как с давних времен существует множество мифов о роли женщины в арабском мире. В этой связи представляется важным проведение исследований в области гендерной политики в арабских странах.

Начальный этап гендерных исследований относится к концу 60-х годов. Безусловно, гендерные исследования в те времена проводились в Европе и США. Однако на сегодняшний день гендерные исследования также проводятся и на Арабском Востоке. Важно отметить, что установки жителей арабских стран значительно меняются с изменением ситуации в мире и глобализацией, которая имеет место в современном мире [Дубинина 2009б: 510].

В арабских странах уклад жизни женщин во многом определяет ислам. Именно с появлением ислама женщина получила права и свободу. В доисламскую эпоху женщина в арабских странах фактически не имела никаких прав. Женщина приравнивалась к вещи, которую можно купить и продать. Однако положение женщины значительно поменялось с появлением ислама. Ислам справедливо относится к женщине, определив ее права и обязанности.

Ислам отводит женщине такое высокое место, что равное ему она не занимает ни в одной другой религии. Женщины в арабских странах учатся, получают высшее образование, занимаются саморазвитием, работают [Доклад Юнеско 2015: 33]. Женщины занимаются тем видом деятельности, который действительно приходится им по вкусу. Арабские женщины достигают позиций, которые ранее были признаны за пределами их возможностей. Они занимают видные роли в правительстве. Арабские женщины также становятся предпринимателями, начиная свой бизнес, и преуспевают в экономике. Женщине предоставляется большая самостоятельность и независимость [Новикова 2007: 50]. Влияние женщин арабских стран на жизнь общества постоянно растет. И подтверждение этому мы находим практически во всех сферах жизни общества.

На протяжении всей истории ислама мусульманки участвовали в политической жизни общества. В современном мире женщины арабо-мусульманских стран активно вовлечены в общественную и политическую жизнь государств. Они занимают важные посты в государственных органах власти, возглавляют фонды, являются членами различных неправительственных организаций [Там же: 49].

Однако самым ярким примером участия арабских женщин в общественной жизни являются первые леди арабских стран. Важно отметить, что супруги первых лиц государств напрямую не управляют государством, они ведут активную общественную работу, руководят социальными проектами, а также покровительствуют искусству.

К примеру, королева Иордании, Рания Аль-Абдулла активно занимается реформами в сфере образования и здравоохранения, работает над развитием туризма в Иордании и расширением культурного диалога между Западом и арабским миром. Она вовлечена практически во все сферы жизни Иордании. Рания ведет активную политическую и светскую жизнь. Она является главой

Иорданского фонда, который она создала в 1995 году, выступает за права женщин, создала первый центр помощи женщинам и детям, подвергшимся насилию, способствует улучшению взаимодействия государственных органов с местными организациями, занимающимися защитой семей. Она много времени уделяет благотворительной работе, особенно помощи детским фондам.

Подобные примеры мы можем найти и в других странах Арабского Востока. Необходимо упомянуть Шейху Мозу, вторую жену третьего эмира Катара. Она имеет ряд государственных и международных должностей, под ее началом совершенствуется наука и развивается общество, очень активно задействована в общественной деятельности, она посвящает свою жизнь трансформации Катара в государство высшего уровня. Безусловно, также Асма аль-Асад, первая леди Сирии, активно занимается улучшением своей страны. Асма выступает за равноправие женщин. Она занимается большой просветительской и социально-попечительской деятельностью, покровительствует искусству. Она заботится об укреплении авторитета и позиций президента как в Сирии, так и за ее пределами.

Таким образом, мы можем проследить, что в настоящее время женщины в арабском мире занимают видные политические посты. Также необходимо сказать, что положение арабских женщин в современном мире стремительно меняется, роль женщины в современном мире значительно возросла, в настоящее время женщины в арабском мире имеют множество прав, а также возможностей, чтобы реализовать себя в жизни [Дубинина 2009а: 373]. Именно первые леди арабских стран проводят активную социальную политику, создают благотворительные фонды и организации, борются за права женщин, благодаря чему жизнь населения меняется к лучшему.

Литература

Доклад Юнеско по науке: на пути к 2030 году // *Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры*. Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2015. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf> (дата обращения 17.10.2017).

Дубинина Н.В. Арабская женщина в обществе и литературе // *Материалы IV Международной конференции «Личность в межкультурном пространстве»*. М.: РУДН, 2009. С. 370–375.

Дубинина Н.В. Гендерные аспекты современной арабской прозы (на примере стран Магриба) // *Материалы III Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации*. М.: Военный университет. Факультет иностранных языков, 2009. С. 506–513.

Новикова Н.В. Социально-политические проблемы развития общества. Гендерный аспект стратегий современного бизнеса // *Вопросы современной науки и практики*. 2007. № 3 (9). С. 48–52.

Сергеева А.Д.

(РУДН, бакалавриат, 2 курс)

Орден тамплиеров как культурное явление Франции

Возникновение и существование ордена тамплиеров в XII–XIV вв., несомненно, является важным событием в истории и культуре Франции, оставивший отпечаток на всю европейскую культуру.

Орден Храма тамплиеров являлся первым военно-монашеским орденом средневековой Европы. Тамплиеры были первыми, кто соединил статус монаха, принеся три обета: обет бедности, обет послушания и обет целомудрия; и статус воина — с правом проливать кровь. В XII в. вначале состоящий из девяти человек, ведомых благородной идеей защиты паломников Святой Земли и Палестины, в XIV в. Орден превратился в мощную организацию, угрожающую

«спокойствию» европейских монархов. Орден просуществовал почти два века (золотой век феодализма, XII–XIV вв.).

Первый крестовый поход на Святую землю 1096–1099 гг. способствовал религиозному воодушевлению всего западного общества и создал предпосылки для создания и процветания военно-монашеских орденов. Орден Храма получил официальное признание как первый военно-монашеский орден и был принят устав ордена. Это позволило Ордену Храма получить множество новообращенных — «живой силы» (неофитов) и щедрое пожертвования в виде земельных владений, что гарантировало надёжное экономическое положение на Западе, в большей мере во Франции, подтвердив тем самым изначальную «национальную» принадлежность ордена.

Орден Храма, как и все военные ордены были поставлены под покровительство папы и пользовались «наибольшей свободой». Орден полностью зависели от Рима. Папство использовали ордены для сохранения христианских государств на Святой земле.

Организация ордена была иерархической и включала три уровня: центральный, провинциальный и местный. Военно-монашеские ордены стали первыми, кто претворил идею непрерывной военной деятельности. Они приняли участие во всех полевых сражениях крестовых походов и войнах как постоянная, боеспособная армия. Тамплиеры были прекрасными организаторами. Их величие основывалось на дуализме: с одной стороны, монахи и мученики за веру, а с другой — солдаты, герои, расчетливые люди, арендаторы и т.д. [Бордонов 2004: 18]. Орден старались укрепить власть над своими владениями. Со временем освобожденные от всякой феодальной зависимости владения ордена Храма стали аллодами (собственность, имущество, свободное от обязанностей). В XII–XIII веках Орден был очень богат, ему принадлежали обширные

земельные владения в государствах на территории Палестины, Сирии и в Европе.

С падением латинских королевств в 1291г. положение тамплиеров стало незавидным. Обладая всё той же мощью — и численной, и финансовой — они потеряли главную цель, в которой и была заключена суть существования самого ордена: охрана и защита Иерусалима [Мельвиль 2000].

Слухи об ордене дали Королю Франции Филиппу IV Красивому повод навсегда избавиться от финансового «покровительства» Храма. Сожжение на костре последнего великого магистра ордена Жака де Моле в 1312 г. и трагический конец Ордена Храма повлекли за собой рождение множества тайн и легенд.

Важные последствия для всей средневековой Европы имели крестовые походы. В то время государства крестоносцев полностью охватили территорию, через которую велась торговля между Европой, Китаем и Индией. И как следствие произошёл небывалый рост торговли и мореплавания.

Тысячи крупных феодалов и знатных родов разорились или погибли во многих Крестовых походах во времена Средневековья. Это послужило одной из причин ослабления феодальных отношений и централизации власти в западноевропейских странах.

Крестовые походы способствовали ослаблению религиозных предрассудков в средневековой Европе.

Деятельность и история ордена Храма оказали влияние на военную, экономическую и религиозную средневековую Европу. Однако тамплиеры интересуют нас и с лингвистической точки зрения.

На латыни был написан первый устав ордена. Но, так как большинство членов ордена не владели ей грамотно, устав в скором времени перевели на французский язык. Стоит отметить, что многие члены ордена вообще не умели читать. С требованиями устава они могли ознакомиться при

приёме в орден, а также во многих командорствах устав читали вслух во время трапезы. К середине тринадцатого века устав включал в себя почти семьсот наставлений, касающихся всех аспектов жизни ордена и его окружения. Содержанию устава был свойственен военный характер с использованием особого языка, без цитат из Писания. Все части Устава ордена образовывали настоящий кодекс, пребывавший в состоянии непрерывной эволюции. Орден Храма пользовался двумя языками — латынью и французским «ойль»; окситанский использовался только в Провансе и Лангедоке.

Таким образом, во время допросов процесса, тамплиеры не могли описать единую процедуру вступления в орден и закреплённый перечень правил устава, так как большинство слуг, сержантов и рыцарей знали лишь то, что было необходимо для службы и каждодневной жизни.

Многие поэты Средневековья воспевали подвиги крестоносцев. Поистине великие произведения были написаны на старофранцузском языке, среди них такие, как подвиги Ричарда Львиное Сердце в «Истории священной войны» («*Estoire de la guerre sainte*»); Первому Крестовому походу посвятили «Песнь об Антиохии» («*Le chanson d'Antioche*»). Легенды, рождённые подвигами крестоносцев, оказали влияние на более ранние литературные памятники Средневековья. Так, получили продолжение ранние циклы о Карле Великом и короле Артуре. Одной из самых значительных Средневековых хроник стала написанная на латыни книга архиепископа Вильгельма Тирского «История деяний в заморских землях» («*Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*»), живо и достоверно воссоздающая историю Иерусалимского королевства с 1144 по 1184 гг.

В настоящее время изучать устав тамплиеров мы можем на примере существующего издания устава тамплиеров [Ньюман 2008: 73–74]. Один из существующих — *Règle et statuts secrets des Templiers* [de Chambure 1840].

Далее последовало издание *La Règle du Temple* [de Curzon 1886]. Существует также издание на старофранцузском с параллельным текстом на современном французском языке, опубликованным Лораном Делье в 1972, современный французский перевод с устава с предисловием, дающим представление об общественной жизни тамплиеров *Organisation & Vie des Templiers: Sociologie Féodale d'Orient & d'Occident* [Degris 1996], а также английский перевод — *Rule of the Templars: The French Text of the Rule of the Order of Knights Templar* [Uptown-Ward 1992].

Литература

- Барбер М. *Процесс тамплиеров*. М.: Алетейа, Энигма, 1998.
- Бордонов Ж. *Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке*. М.: Мол. Гвардия, 2004.
- Демурже А. *Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в средние века XI-XVI вв.* СПб.: Евразия, 2008.
- Дюби Ж. *История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк 987-1460*. М.: Международные отношения, 2001.
- Мельвиль М. *История ордена тамплиеров*. СПб.: Евразия, 2000.
- Ньюман Ш. *Подлинная история тамплиеров*. М.: Книжный клуб 36.6, 2008.
- De Chambure M. *Règle et statuts secrets des Templier*. Burgundy: 1840.
- De Curzon H. *La Règle du Temple*. Paris: Librairie Renouard, 1886.
- Degris A. *Organisation & Vie des Templiers: Sociologie Féodale d'Orient & d'Occident*. Paris: Guy Trédaniel, 1996.
- Uptown-Ward J.M *Rule of the Templars: The French Text of the Rule of the Order of Knights Templar*. Woodbridge, Eng.: Boydell and Brewer, 1992.

Шавтикова А.Т.

(РУДН, бакалавриат, 2 курс)

**Ближневосточный конфликт как результат
столкновения двух цивилизаций**

Арабо-израильский конфликт длится более 60 лет, оказывая негативное влияние на систему международных отношений, особенно в свете постоянной тенденции к воспламенению. Существует большое количество мнений и связанных с ними споров по поводу исторической принадлежности Палестины и права Израиля на оккупированные им территории Палестины, по поводу арабо-израильских войн и современного состояния конфликта, истоков и причин самого кровопролитного конфликта в истории, а также по поводу столкновения двух культур — арабской и еврейской.

Отдельные попытки урегулирования конфликта сменялись длинными периодами обострения отношений между Палестиной и Израилем. Из истории арабо-израильского противостояния выделяют следующие войны: «Война за независимость» (араб. *النكبة*, 1947 г.), «Суэцкий кризис» (араб. *العدوان الثلاثي*, 1956 г.), Шестидневная война (араб. *حرب الأيام الستة*, 1967 г.), «Война на истощение» (араб. *حرب تشرين*, 1967 г.), «Война Судного дня» (араб. *التحريرية*, 1973 г.), «Первая палестинская интифада» (араб. *الانتفاضة الفلسطينية الأولى*, 1987 г.), «Первая ливанская война» (араб. *الإسرائيلي الإجتياح*, 1982 г.), «Интифада Аль-Аксы» (араб. *انتفاضة الأقصى*, 2000 г.), «Июльская война» (араб. *حرب تموز*, 2006 г.) [Палестина и палестинцы 2012].

Проследив хронологию арабо-израильских войн и противостояний, можно выделить несколько ключевых факторов, составляющих основу конфликта:

1. статус Иерусалима
2. палестинские беженцы
3. израильские поселения

4. границы арабских и израильских территорий.

Одним из самых спорных моментов арабо-израильского кризиса по сей день является раздел Иерусалима (араб. القدس).

30 июля 1980 года Кнессет утвердил закон, который закрепил статус Иерусалима вечной и неделимой столицей еврейского государства [Звежинский, Иванов, Барсуков, Сизов 2011]. Также согласно этому закону ни один израильский лидер не имеет права отдать этот священный город арабам.

Исторически Иерусалим — город трех мировых религий. Это один из главных городов паломничества христиан. Иудеи также считают его священным городом. Здесь были построены Храм Соломона и Второй Иерусалимский Храм, а также Стена плача, которая по сей день является местом паломничества и молитв евреев. Не менее важен статут Иерусалима для мусульман — он является третьим по своей святости после Мекки и Медины. В связи со сложным историческим статусом этого города и его религиозной принадлежностью, обе стороны конфликта считают свои притязания на Иерусалим законными и обоснованными.

Следующим камнем преткновения, который останавливает практически все попытки урегулирования арабо-израильского конфликта, является проблема палестинских беженцев.

Существует два взгляда на проблему палестинских беженцев. Так, согласно израильской версии, «более 75% беженцев покинули места жительства добровольно по призыву арабских лидеров, чтобы не мешать действиям арабских армий и около 25% беженцев покинули дома по принуждению израильской армии» [Гусейнова, Солнцев 2007: 96]. Палестинская версия гласит, что большинство беженцев было изгнано из своих домов насильно, и этот

процесс имел целенаправленный характер с целью этнической чистки территории.

По данным ООН, численность зарегистрированных БАПОР (англ. UNRWA) 4375050 человек: в Иордании — 1835704, в Сирии — 434896, в Ливане — 405425, на Западном берегу реки Иордан — 705207, в секторе Газа — 772293 [Ochsenwald 2003: 583]. Эти данные являются доказательством того, что со временем число беженцев не только не уменьшается вследствие естественной смерти или перехода из статуса беженца в статус гражданина другого государства, а наоборот — увеличивается.

Другой не менее спорный вопрос данного кризиса — проблема израильских поселений. После оккупации Израилем палестинской территории, почти все земли палестинцев стали собственностью Государства Израиль. Так, в 1950 году Кнессет издал закон об имуществе отсутствующих лиц. Также в законе говорится, что «имущество такого лица будет передано под надзор попечителя над имуществом отсутствующих лиц без предоставления законному владельцу права на апелляцию или компенсацию». Таким образом, Израиль в одностороннем порядке с помощью этого закона присвоил себе земли тех палестинцев, которые вынужденно покинули свои дома.

С каждым годом границы Израиля увеличиваются, территория Палестины уменьшается. Резолюция ООН от 29 ноября 1947 года предусматривала создание в Палестине двух государств — арабского (42,9% территории) и еврейского (56,5%), однако на сегодняшний день в результате арабо-израильских войн возникли новые границы, которые кардинальным образом отличаются от установленных в 1947 году.

Прошло уже более пятидесяти лет, а Ближневосточный конфликт, пройдя несколько стадий мирных переговоров, продолжает оставаться одним из самых кровопролитных

сопротивлений на сегодняшний день. Создано бесчисленное количество международных организаций, которые ставят перед собой цель по предотвращению конфликтных ситуаций и разрешению уже существующих кризисов. Однако ни одна из сторон не готова идти на уступки, без которых невозможно достичь мирного урегулирования ближневосточного конфликта.

Литература

Гусейнова Г., Солнцев А. Компенсационная комиссия ООН и возмещение трансграничного экологического ущерба // *Научно-аналитический журнал Обозреватель*. 2007. № 7. С. 96.

Ochsenwald W., Fisher S. *The Middle East: History*. New York: McGraw-Hill, 2003.

Охрана сухопутных границ Израиля. Аналитический обзор открытой печати. 2011. URL:

<http://maxpark.com/community/873/content/657841> (дата обращения: 17.10.2017).

Палестина и Палестинцы. Палестина: Рамалла, 2012.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Ануфриева А.С., Канаева А.Д.

(РУДН, магистратура, 1 курс)

Университет Страны Басков, магистратура, 1 курс)

Актуализация моделей когнитивной лингвистики в сфере обучения иностранным языкам

В настоящее время влияние всевозможных факторов на лингвистическое образование вызывает необходимость в более глубоком изучении новых методических подходов, которые смогут поспособствовать развитию второй языковой личности учащихся, что, в свою очередь, порождает интерес к разработке когнитивного подхода в обучении иностранным языкам.

Мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода и составляющими базу универсального предметного кода [Попова, Стернин 2007: 13–14]. Концепт может как иметь, так и не иметь связи со словами или иными языковыми средствами вербализации. Наличие или отсутствие вербализации концепта не оказывает влияние на реальность его существования в сознании человека как единицы мышления. Индивидуальное сознание — это поток невербализованных концептов, и их значительная часть в принципе не подлежит вербализации. Вербализация концепта происходит в случае коммуникативной необходимости при помощи целого комплекса языковых средств. Их систематизация и семантическое описание позволяет выделить определенные когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые используются для создания моделей данного концепта.

Так, семантико-когнитивный анализ предполагает, что в процессе лингвокогнитивного исследования происходит переход от содержания значений к содержанию концептов. В сферу смыслов когнитивная лингвистика выходит через лингвистику текста, располагающую средствами обнаружения имплицитных смыслов, лежащих в глубине текстов и не имеющих вербального выражения. То есть основная идея когнитивной лингвистики — это через анализ языковой семантики в сфере концептов.

Но мы можем столкнуться с такой проблемой, что означаемые лексемы даже если и совпадают у всех носителей конкретного языка, то образы ситуаций или предметов, не имеющие вербального воплощения, могут различаться и по составу, и по содержанию у разных людей. Это прямое объяснение тому, почему люди не всегда понимают обращенную к ним речь или понимают ее не полностью. В этом направлении может помочь когнитивная лингвистика, находящая определенные методы для раскрытия тех смыслов, которые возникают в текстах из последовательностей, часто непредвиденных и непредсказуемых, языковых знаков.

На вопрос о том, как должны быть реализованы идеи когнитивизма в лингводидактике и методике, не существует однозначного ответа. Большинство исследователей считают, что осуществление принципа когнитивизма в методике обучения иностранным языкам подразумевает создание адекватных условий, помогающих формировать индивидуальные когнитивные структуры, специальную подготовку учебного материала, обучение учащихся оптимальным стратегиям усвоения учебного материала, психологически комфортные условия обучения и т.д.

В преподавании иностранных языков когнитивный аспект обладает своей спецификой. В отличие от когнитивной науки, целью которой в первую очередь является процесс обработки и познания информации

человеком в целом, а не по отношению к конкретному языку, исследователь и преподаватель иностранного языка исходит из признания истинного характера когнитивной природы человека.

Целью когнитивного подхода к иностранному языку является необходимость принимать во внимание различия в характере мышления представителей разных языков, на рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений. Данный подход позволяет осознанно подходить к описанию языка с точки зрения национальных особенностей не только языкового выражения, но и осмысления реального мира, позволяет лучше понять и объяснить специфические трудности иностранного языка и более эффективно организовать процесс обучения [Авилкина 2009: 112].

Когнитивный аспект заключается в знании и учете закономерностей овладения языком. Задача «когнитивного» обучения — подействовать учащемуся в построении этой системы. Для этого нужно предоставить ему не готовые знания, а адекватные стратегии освоения языка, применение которых влияет на развитие интеллектуальных способностей обучаемых, активизацию их познавательной деятельности, процесса приобретения и использования знаний. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что обсуждаемый аспект является одним из важнейших средств формирования мировоззрения. Реализуемые в русле когнитивной направленности обучения приемы обладают большим воспитательным потенциалом. Они формируют независимость действия и мышления, интерес к самообразованию, способствуют социальному и духовному развитию личности. Именно когнитивный подход дает нам представление о сложности реальности, которую мы называем «процесс овладения иностранным языком».

Литература

Авилкина Ж.Н. К вопросу о когнитивном подходе в обучении иностранным языкам // *Вестник МГПУ им. И.П.Шамякина*. 2009. № 1(22). С. 108–113.

Попова З.Д., Стернин И.А. *Семантико-когнитивный анализ языка*. Воронеж: Истоки, 2007.

Завадская О.А., Кузнецова Ю.В.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

Перспективы развития дистанционного обучения

Значительные перемены в мире, такие как глобализация и развитие новых технологий в образовательном процессе, привели к модернизации образования, сделав его быстрым и доступным, так как существует острая необходимость в квалифицированных кадрах здесь и сейчас. Говоря об инновациях в образовании, нельзя не упомянуть дистанционное обучение, которое способствует непрерывной, быстрой, гибкой и качественной подготовке будущих специалистов.

Дистанционное обучение (ДО) — это технология, позволяющая обучать и обучаться на расстоянии, при этом применяя практически все компоненты учебного процесса. В процессе ДО используются достижения информационных технологий (компьютеры, интернет, и пр.)

Первые упоминания о ДО начинаются с конца XVIII века, когда впервые в Европе Исаак Питман ввел такое понятие, как «корреспондентское обучение», которое базировалось на том, что учебный материал рассылался студентам по почте, и таким же способом проходило взаимодействие с преподавателями и сдача экзаменов.

В России ДО появилось после 1917 года. В СССР была создана «консультационная» модель дистанционного обучения, т.е. заочная форма. Что же привело к

возникновению ДО? Это: интеграционность с целью установления единого образовательного пространства; повышение уровня образованности населения; нехватка высококвалифицированных и подготовленных специалистов; процесс глобализации и развитие международного сотрудничества; потребность государства в модернизации образования; повсеместное развитие социальной мобильности для увеличения предпринимательской и общественной активности.

Среди преимуществ ДО можно выделить следующие: для прохождения дистанционного курса необходимы лишь доступ в интернет и компьютер; можно индивидуально выбрать время, темп и место для занятий; ДО не мешает другой деятельности обучающегося; есть свободный доступ к необходимым учебным материалам; ДО позволяет одновременно обучать большее количество людей; ДО выгодно с экономической точки зрения; присутствует независимая и объективная функция проверки знаний.

Можно сделать вывод, почему ДО столь популярно — в современном мире оно способствует профессиональному саморазвитию каждого индивида в подходящее ему время. Почти в каждом крупном и международном ВУЗе можно встретить дистанционные программы.

Так, например, Российский университет дружбы народов является одним из ярких примеров внедрения и активного использования ДО по различным направлениям: иностранные языки, экология, история и т.д.

Структурное подразделение РУДН, Институт повышения квалификации дает возможность получить дополнительное образование в одном из ведущих ВУЗов. Деятельность ИППК РУДН непрерывно развивается, увеличивая количество направлений и учебных программ. Почти 90% из всех программ можно изучать дистанционно и по любой специальности: финансы, бухгалтерский учет, PR и реклама, государственное и муниципальное управление,

юриспруденция, иностранные языки и т.д. Все программы, разработанные ведущими специалистами и преподавателями РУДН, включают в себя видео и аудио лекции, тесты, онлайн тренажеры, дистанционные практические задания, печатный материал, информационные базы данных с удаленным доступом, электронные библиотеки, наглядный дидактический материал, компьютерную сеть.

Также стоит отметить Кафедру иностранных языков Филологического факультета, где активно используются и разрабатываются программы ДО. Например, «Научный английский для преподавателей», который включает в себя целый комплекс теоретических знаний и практических умений. Данный курс направлен на усовершенствование коммуникативных и речевых навыков английского языка в академической сфере.

На сегодняшний день ДО продолжает активно развиваться в России и набирать популярность среди обучающихся, потому что является одним из самых удобных и современных способов обучения и задействует новейшие средства информационных и интернет-технологий. Это перспективное направление развития образования, поскольку предоставляет доступ к обучению в любом, даже отдаленном уголке мира и способно обучать первоклассных специалистов быстро и качественно, следуя за активно и стремительно развивающимися мировыми тенденциями.

Литература

Овсянников В.И. *Дистанционное образование в России: постановка проблемы и опыт организации*. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2001.

Черная Е.А. Понятия дистанционного и электронного (дистанционного) обучения, опыт, применения в Великобритании // *Вектор науки тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология*. 2011. № 1. С. 171–172.

Коровина М.А.
(МГПУ, магистратура, 2 курс)
**Национальная языковая картина мира
как феномен лингводидактики**

Общеизвестно, что в лингвистике конца XX века сформировалась наука «лингвокультурология», которая занимается проблемами соотношения и взаимодействия языка и культуры этноса в «лингвофилософском аспекте» [Маслова 2008: 128].

Наряду со сложившимися семью образами языка «1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) компьютерный подход к языку; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (М. Хайдеггер), т.е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека», профессор В.А. Маслова добавляет ещё один, обретший значимость в самом конце XX века, образ: «язык как продукт культуры, как ее важная составная часть, и условие существования, как фактор формирования культурных кодов» [Там же: 129]

Стоит отметить, что появление новой науки, ориентированной «на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [Там же: 129] стало возможным в связи со сложившейся в современном языкознании «антропологической парадигмой», благодаря которой интерес исследователя переключается «с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке» [Там же: 10].

В подтверждение вышесказанного Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков, в частности, признают, что лингвокультурология как филологическая наука занимается исследованием различных способов представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности,

речевого поведения, дискурса» [Зиновьева, Юрков 2009: 13]. В этом суждении, на наш взгляд, антропологическое основание проявляет себя в акцентуации не столько языковых единиц как таковых, сколько в их возможности «транслировать» картину мира представителей определенной лингвокультуры.

Так, другой исследователь В.В. Красных полагает, что «национально-культурный компонент» формируется именно «в процессе социализации личности, входит в культурную компетенцию коммуникантов и определяет национальную специфику ментально-лингвального комплекса представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2002: 42]. В данном определении очевидно то, что автор подчеркивает те особенности структуры (компетенции) личности, которые предопределены культурной принадлежностью человека. И в этом, несомненно, проявляется ведущая на сегодняшний день в научных сферах антропоцентрическая парадигма.

Отметим, что помимо коммуникативной, информативной и эмотивной функций, язык выполняет «функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире» [Корнилов 2013: 4]. В связи с этим особую роль в лингвокультурологических исследованиях играют понятия «языковая картина мира» и «национальная картина мира», рассматриваемые как «склад мышления нации, национальная логика мировосприятия и мирооценки» [Там же: 77].

Именно культурные реалии, которыми владеют носители того или иного национально-культурного менталитета, составляют основу научной языковой картины мира (НЯКМ). При этом следует иметь в виду, что «знание любого национального языка представителем другой культуры на уровне языка-системы, не дополненное владением когнитивной базой этого народа (и средствами ее выражения в языке), неизбежно приводит либо к

коммуникативным сбоям, когда иностранец вообще не понимает смысла фраз, состоящих даже из известных ему слов, либо к псевдопониманию, т.е. пониманию поверхностному, кажущемуся, без осознания истинного смысла, содержащегося в коннотациях, которые очевидны для носителей языка и скрыты от иностранца» [Там же: 138–139].

Для овладения языком как взаимосвязанной системой, как «домом духа» народа (не только как совокупностью фонетических, лингвистических и грамматических элементов), необходимо уделять серьёзное внимание его социокультурной составляющей.

Чтобы привести содержание обучения китайскому языку в соответствие с положениями социокультурного подхода, требуется внести уточнения в плане обеспечения тесной взаимосвязи языка, общества и культуры. Действительно, если в качестве цели обучения иностранного языка выступает развитие способностей личности использовать иностранный язык как инструмент общения в диалоге культур и цивилизаций современного мира, то мы полагаем, что в содержании обучения нашему предмету должен быть представлен социокультуроведческий компонент.

Не вызывает сомнения, что знания по социологии культуры, а точнее по культурному анализу, как общества изучаемого языка, носителей этого языка, а также родного для учащихся социума, полученные на специально организованных занятиях (параллельно и в дополнение основного практического курса), помогут учащимся избежать «культурных барьеров» при общении с представителями иной общности.

Литература

Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. *Лингвокультурология: теория и практика*. СПб.: ИД «МИРС», 2009.

Корнилов О.А. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. М.: ЧеРо, 2013.

Красных В.В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций*. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

Маслова В.А. *Современные направления в лингвистике*. М.: Академия, 2008.

Санчес Шайда М.Т.Э.

(РУДН, бакалавриат, 4 курс)

**Игровые методы обучения китайскому языку
как неотъемлемая часть учебного процесса**

В настоящее время одним из наиболее эффективным методом обучения иностранному языку является игровой метод. Исторически сложилось, что игра несет в себе как развивающую, так и социализирующую функции, являясь проекцией реальных жизненных ситуаций, восстановлением действительности. Д.Б. Эльконин в книге «Психология игры» наглядно описывает функцию игры, а именно проекцию реальных жизненных ситуаций [Эльконин 1978: 45]. Так, на примере охотника, успешно поймавшего дичь и, после удачной охоты детально воспроизводящего перед соплеменниками, каким образом он поймал добычу, — мы видим, как данная проекция охоты воспроизводит модель поведения охотника в борьбе с диким животным и ее конечный результат, а также несет обучающую функцию. В педагогическом процессе игра является методом обучения, который формирует характер ребенка и его мировоззрение, играет роль в становлении учащегося как личности [Шмаков 1994: 85].

Игровая форма занятия обеспечивает ускоренную реализацию на практике знаний и умений учащегося, помогает раскрыть накопленные за годы обучения пассивные знания во время игры. В процессе обучения иностранному

языку, а именно китайскому, практическая ценность игры заключается в наиболее быстром и эффективном способе обучения и закрепления и повторения материала [Самоукина 1996: 25].

Рассмотрим процесс повторения материала с помощью игрового метода на начальной стадии обучения китайскому языку. Повторение проводится с помощью упражнений ситуативного характера, в которых собеседники и тема обсуждения варьируются. Речевые задачи формируются по следующим принципам: классификация — деление слов по определенным критериям; подбор примеров и составление списков; определение верной последовательности действий и причинно-следственных связей; предложение, аргументация варианта и доказательство; фантазирование, представление нереальных условий; выделение «за» и «против».

Так, например, игра «Снежный ком»: ученики должны закончить перечень слов, объединенных определенным значением, прежде повторив предыдущие слова. Например, каждый говорит по предложению о вреде курения, затем каждый записывает конечный вариант на листах.

Данная игра «Снежный ком» также предназначена для легкого запоминания большого количества информации за короткий срок. Тематические группы слов, такие, как «цвета», «фрукты и овощи», «страны», учащиеся запоминают быстрее, так как принцип этой игры заключается в повторе услышанной информации и добавлением новой. Игра помогает удержать внимание учеников. Данная игра предназначена для разминки в начале урока. Пример: 苹果, 苹果/梨子, 苹果/梨子/李子, 苹果/梨子/李子/香蕉. Преимущества игры: студенты запомнили слова за 3 повтора, время на запоминание новых слов сократилось на 7 минут. Благодаря этому, факторы усвоения — повторяемость и новизну удается совместить. Таким

образом, повторение не только предупреждает забывание основного материала, но и совершенствует знания учащихся.

Обучающие игры проводятся на любом этапе обучения: младших школьников игры мотивируют, «прививают любовь» к иностранному языку, в средней школе обучающие игры помогают сконцентрировать внимание учащихся в ходе урока, ведь, как известно, в переходном возрасте учащимся трудно сконцентрировать внимание во время учебы. В старшей школе уделяется время повторению, с помощью игры происходит закрепление и повторение большого объёма пройденного материала. Таким образом, обучающие игры на уроках китайского языка — это важная составная часть учебного процесса.

Литература

Самоукина Н.В. *Организационно-обучающие игры в образовании*. М.: Народное образование, 1996.

Шмаков С.А. *Игра и дети*. М.: Знание, 1994.

Ткаченко Д.И.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

Развитие эмоционального интеллекта в рамках раннего изучения иностранных языков

На сегодняшний день развитие детей все еще остается актуальным вопросом. Изучение иностранного языка для каждого человека является индивидуальным процессом, который может быть более или менее успешным, но все же имеет определенное влияние на развитие ребенка.

Развитие эмоционального интеллекта начинается с первых дней жизни ребенка. Эмоциональный интеллект — это способность распознавать, воспринимать, оценивать и контролировать эмоции, не только свои, но и окружающих людей.

Психолог Даниэль Големан в 1995 году в своей книге «Эмоциональный интеллект: почему это может быть важнее, чем IQ» говорит о разделении эмоционального интеллекта на пять основных частей: самопознание, саморегулирование, мотивация, сочувствие, социальные навыки.

Как правило, эмоциональный интеллект подразделяется на врожденный и приобретенный. Развитие приобретенного происходит за счет различных методов. Исследователи считают, что эмоциональный интеллект ребенка развивается при помощи музыки, рисования, чтения литературы, а также изучения иностранного языка.

Обучение иностранному языку способствует наиболее быстрому развитию эмоционального интеллекта, так как направлено на формирование и развитие коммуникативной компетенции, которая подразумевает под собой задействование различных навыков. Для осуществления успешной коммуникации необходимо понимание не только собственных эмоций, которые нужно выразить, но и ответной реакции собеседника.

Относительно раннего изучения иностранных языков в дошкольном возрасте развитие эмоционального интеллекта необходимо для полноценного развития индивида. Эмоциональный интеллект подразумевает развитие различных навыков, умений, способностей и качеств. Как правило, начальная стадия приходится на первые годы жизни ребенка, которые могут предопределить дальнейшее развитие и его дальнейшую жизнь. Кроме того, обучение навыку управления своим эмоциональным состоянием благотворно влияет на психосоматическое развитие ребенка в целом, а также предотвращает развитие алекситимии, то есть неспособности выражения собственных эмоций в устной форме [Кондаков 2003].

Согласно некоторым исследователям (Г.В. Гальскова, И.Л. Бим), изучение иностранных языков в раннем возрасте способствует личностному развитию ребенка. Развитие

эмоционального интеллекта на уроках иностранного языка происходит посредством моделирования различных ситуаций, которые позволяют ребенку выработать определенную модель поведения. Также эмоциональный интеллект может развиваться только в процессе коммуникации. Психологи отмечают, что эмоциональное развитие детей опережает их интеллектуальное развитие, что способствует снижению возрастного порога в обучении иностранным языкам, за счет чего дети могут эффективнее начинать изучение иностранного языка в более раннем возрасте посредством различных методов, апеллирующим к эмоциональной сфере развития.

Существует множество исследований на тему раннего обучения иностранным языкам детей дошкольного возраста (А.А. Миролубов, Л.С. Выготский). Относительно этих исследований можно сделать вывод, что развитие эмоционального интеллекта происходит посредством прямого контакта учитель-ученик. Зачастую занятие проходит в игровой форме с использованием рисования, музыки и литературы (чтение сказок). Занятие должно проводиться в комфортной обстановке, некоторые психологи предлагают сажать детей в круг, для более комфортного восприятия себя как часть чего-то целого [Пазухина 2004]. Занятие проходит либо в форме диалога, либо монолога, где учащиеся учатся использовать изученную лексику, а реагировать на высказывания. В некоторых исследованиях также отмечают тот факт, что дети с низким уровнем эмоционального интеллекта менялись в процессе обучения посредством коммуникации с разными группами и посредством изучения различных моделей реагирования на высказывание.

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональный интеллект претерпевает изменения в процессе коммуникации посредством изучения моделей на уроках иностранного языка. При помощи использования

различных методов раннего обучения иностранным языкам можно полностью задействовать эмоциональную сферу учащихся, за счет чего эмоциональный интеллект будет развиваться, а также будут видны изменения в пользу более результативного изучения и усвоения новых навыков и умений.

Литература

Бим И.Л. *Теория и практика обучения иностранным языкам: традиции и инновации. Сборник статей международной научно-практической конференции памяти академика РАО Инессы Львовны Бим*. М.: Тезаурус, 2013.

Выготский Л.С. *Умственное развитие детей в процессе обучения*. М.: Рипол Классик, 2013.

Гальскова Н.Д. *Современная методика обучения иностранным языкам Пособие для учителя*. М.: АРКТИ, 2003.

Кондаков И.М. *Психология. Иллюстрированный словарь*. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.

Миролубов А.А. *Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность*. Обнинск: Титул, 2010.

Пазухина И.А. *Давай познакомимся! Тренинговое развитие и коррекция эмоционального мира дошкольников 4-6 лет*. СПб.: Детство-Пресс, 2004.

Goleman D. *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ Hardcover*. New York: Bantam Books, 1995.

ОБЗОРЫ

Фомина П.С.

(РУДН, магистратура, 2 курс)

The 5th Postgraduate Academic Researchers in Linguistics at York Conference: Review

The Postgraduate Academic Researchers in Linguistics at York conference was hosted by the University of York in York, UK on 15th September 2017. Generally, the focus was on vital problems of modern linguistics. There were no determined salient features of the conference's work, so participants could make a report on any subject related to linguistic science. A distinctive feature of the conference was its format, which involved the unification of exclusively young scientists, namely postgraduate students. The conference brought together young researchers from the UK, Germany, Greece, Russia, Belarus, Czech Republic, China, the UAE.

The main aim of the conference was to promote scholarly exchange and cooperation among international postgraduate students, as well as learn to participate in discussions on scientific issues.

The work of the conference was carried out in three sections exploring different approaches to selected topics in methods of teaching foreign languages, studying the features of the mother tongue, applied linguistics.

The opening lecture was given by Reuben Vincent (Birkbeck College, University of London, UK), who discussed the motivations of students learning Italian at university level. The aim of the study was to reveal the reasons for students' continued commitment to learning a foreign language. Quantitative data analysis showed that desire for language proficiency had the greatest explanatory power for students'

motivations, whilst integrative and intrinsic orientations and conceptions of their ideal second language were also key factors.

The second section began with a lecture by Asmaa Alghamdi (University of Leeds, UK) who highlighted the problem of Island sensitivity in Baha Arabic, putting forward the ameliorative effect of Arabic resumptive pronouns, which is caused by grammatical, or processing-related factors.

At the third section, Polina Fomina (RUDN University, Russia) revealed the features of the adaptation technique in literary texts translation. The study examined the use of the abovementioned translation transformation in order to confirm the hypothesis of the influence of certain linguistic and extralinguistic factors on the use of this technique. According to the results of the research, a consideration of pragmatic, stylistic and linguocultural factors in translation leads to the realization of both informative and aesthetic functions of literary texts.

Unfortunately, the scope of the present review does not allow to cover all the reports presented at the conference. Each participant undoubtedly contributed to the development and complementation of language study in various fields.

There was no participation in absentia, however, the conference envisaged submission of poster presentations on the day of the conference. Thus, some participants presented their scientific researches as wall posters, anyone could go up to them and ask the young scientists questions on the issue.

An important feature of the conference was the emphasis made on the students' presentations. So, usually breakout sessions are preceded by plenary sessions where well-known scientists give their presentations, whereas at this event the plenary speakers spoke in the middle and at the end of the student sections, giving first a word to young scientists. The former had a possibility to hear the reports of professors on the monographs they published. The plenary session was opened by Joanna Gavins, Professor at The University of Sheffield, UK, who described key issues of her monograph "*CAST: The Poetry*

Business Book of New Contemporary Poets”, which is a stimulating and hugely enjoyable survey of where poetry is now (or will be very soon). The plenary session was continued by professor Paul Kerswill (University of York, UK), who presented his monograph “*Phonological Considerations in Sociophonetics*” devoted to Multicultural London English as case study. The researcher tried to explore the origins of the phenomenon, ascribed to learner varieties including interlanguage, other varieties of the language, and (where relevant) formal education.

After the sessions, there was arranged a so-called lottery draw of the presented monographs.

It is worth noting that listeners could leave their feedback on each other’s reports, filling out a form, thus indicating their opinion on positive aspects of the performance of a particular participant, and also on those points that should be worked out in more detail.

One can not fail to note the work of the Conference Organizing Committee, which was comprised of young scientists who also presented the results of their research at the sessions. The conference fulfilled the organizers’ goals and inspired young researchers to set new ones.

References

Abstract booklet The 5th Postgraduate Academic Researchers in Linguistics at York Conference. York: York, 2017.

The official site of QS World University Rankings. URL: <https://www.topuniversities.com/universities/university-york/undergrad> (accessed: 18.10.2017).

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУРС И КОММУНИКАЦИЯ

Айрапетян О.А. Особенности дипломатического дискурса китайского языка	6
Анисимов В.Е. Кинодискурс как вид институционального дискурса: теоретические основы и принципы анализа.....	10
Анненкова Е.А. Дискурсивные стратегии американских политических лидеров (на материале выступлений относительно современного сирийского конфликта)	13
Габисония Т.Г. «Ода к Иакову» Луиса де Леона: лингвостилистический анализ.....	17
Головчинер М.Д. Культурный диалог Франции и Китая в литературном дискурсе	20
Григорьева О.И. Функционально-семантические доминанты стиля бразильской писательницы Лижии Фагундес Теллес	22
Дружков Я.М. Антропологическое видение оценочных высказываний в эссе К.С. Льюиса «Человек отменяется»	25
Исакова Е.И. Языковые отношения в межкультурной коммуникации.....	28
Ким А.Р. Исходы агрессивной коммуникации: удовлетворение на уровне содержания и удовлетворение на уровне отношений	31
Косова К.О. Отголоски la Querelle des Anciens et des Modernes в русской литературе.....	34
Кошкина Е.И. Эпонимические мифологизмы в медицинской терминологии	37
Кузнецова А.В. Лингвопоэтический анализ португальской колыбельной.....	42

Первалов М.А. Значимость политического дискурса (на материале испанского языка)	47
Побережная Л.М. Проявление индивидуализма в англоговорящей культуре и его отражение в языке.....	49
Рудакова Е.С. Формы обращений как отражение социокультурных особенностей разных народов	52
Тугова Е.В. Изучение публицистического аспекта процесса переключения кода в билингвальной речи на примере англоязычных публицистических изданий	56
Фокина М.В. Специфика обсуждения цены в китайской культуре	59
Чиненная Ю.Д. Проблема речевого этикета в политической карикатуре (на материале французского языка)	62
Юнкова Е.П. Особенности рекламного онлайн-дискурса (на примере испанского языка)	64
Юрова О.А. Функционирование экспрессивных средств испанской лексики в спортивном дискурсе (на материале футбольных комментариев).....	67

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Абрамова Я.Р. Процесс детерминологизации как источник пополнения лексики общепотребительного языка	71
Болтенко М.С. Соматические фразеологизмы в испанском, русском и украинском языках.....	74
Грудылко Т.Ю. Художественная метафора на примере современной китайской эссеистики.....	77
Дзичковский И.Е. Compliments-pirope	81
Ковальчук К.А. Использование морской лексики в испанском языке	83
Лабуза А.В. К вопросу о языке современного подростка.....	86

Лябихова А.А. Ландшафтный код в португальских фразеологизмах.....	88
Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззас Арабизмы газель и жираф(а): адаптация в русском языке и функционирование в речи	92
Мохи Эддин Я.Х. Арабский молодежный сленг.....	97
Никифорова С.А. Междометия и их эмоционально-экспрессивный потенциал в коста-риканском национальном варианте испанского языка	100
Селиванова И.В. Лексика театрального и музыкального искусства в современном испанском языке: лингвистический аспект.....	104
Чернова А.С. Роль пословиц и поговорок как средств выражения этнической идентичности в китайском языке на материале романа У Чэньэня «Путешествие на запад»..	107

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Гурова А.В. Лингвокультурный аспект перевода французских текстов официально-делового и публицистического стиля на русский язык.....	110
Лабко В.А. Сказ как особая повествовательная манера: оригинал и перевод (на примере повести Н.С. Лескова «Полунощники»)	113
Мельник Я.А. Испанский песенный дискурс: оригинал и перевод.....	116
Плаксина С.Ю. Специфика перевода китайских самоименований на русский язык.....	120
Сорокина Л.С. Лингвостилистический анализ текстов проповедей Святейшего Патриарха Кирилла («Патриарх Кирилл. Мыслинакаждыйденьгода» / Patriarch Kirill In His Own Words).....	123

МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА.
ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Балан Е.Г. К вопросу о проблеме билингвизма в Стране Басков.....	127
Болотина К.Э. Лингвистическая идентичность квебекцев	129
Костеева Д.Ю. Язык и проблема построения идентичности	132
Кошелева Е.М. Окситанский язык как социолингвистическая категория.....	137
Юрьева Ю.Б. Исследование плюралистических языков в современном мире	141

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Артемьева Д.А. Специфика исследования концепта «смерть» в китайской лингвокультуре (на материале произведений творчества Юй Хуа).....	145
Вавиленкова Д.В. Концепт «добро» в паремиях русского и китайского языков.....	148
Колесникович В.В. Conception of Intercultural Competence and its role in collaboration between local and foreign students in international universities.....	151
Конистратенко В.А. Особенности концепта «смерть» в языковой картине мира мексиканцев на материале текстов «calaveras literarias»	154
Мерай М.И. Современные гендерные исследования: первые леди арабских стран	158
Сергеева А.Д. Орден тамплиеров как культурное явление Франции	161
Шавтикова А.Т. Ближневосточный конфликт как результат столкновения двух цивилизаций	166

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Ануфриева А.С., Канаева А.Д. Актуализация моделей когнитивной лингвистики в сфере обучения иностранным языкам.....	170
Завадская О.А., Кузнецова Ю.В. Перспективы развития дистанционного обучения	173
Коровина М.А. Национальная языковая картина мира как феномен лингводидактики	176
Санчес Шайда М.Т.Э. Игровые методы обучения китайскому языку как неотъемлемая часть учебного процесса.....	179
Ткаченко Д.И. Развитие эмоционального интеллекта в рамках раннего изучения иностранных языков.....	181

ОБЗОРЫ

Фомина П.С. The 5 th Postgraduate Academic Researchers in Linguistics at York Conference: Review	185
--	-----

Научное издание

III ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЛИНГВИСТИКА В XXI ВЕКЕ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПАРАДИГМЫ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Издание подготовлено в авторской редакции

Технические редакторы *А.А. Борзенкова, Л.С. Сорокина*
Дизайн обложки *А.А. Борзенкова*

Подписано в печать 09.11.2017 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 11,4. Тираж 100 экз. Заказ 1735.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
